

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 6639 —

Томъ тридцать осьмой.

— 6639 —

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Ноября 20 дня 1861 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виленской Семинаріи Ректоръ, Архимандритъ *Порфирій*.

7. ТОЧНОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ЕККЛЕСІАСТА СОЛОМОНОВА.

ВЕСЬДА 1.

(Гл. 1, 1.). Глаголы Екклесіаста сына Дави-дова, царя Израилева во Іерусалимь. (2) Суета суетствій, всяческая суета, рече Екклесіастъ. (3) Кое изобиліе челоуьку во всемъ трудъ его, илже трудится подъ солнцемъ? (4) Родъ преходитъ, и родъ приходитъ, а земля во вьки стоитъ. (5) И восходитъ солнце, и заходитъ солнце, и въ мьсто свое влечется: сіе возсіявая тамо, (6) идетъ къ югу, и обходитъ къ сьверу: окрестъ идетъ духъ, и на круи своя обращается духъ. (7) Все потоцы идутъ въ море, и море ньсть насыщаемо; на мьсто, аможє потоцы идутъ, тамо тиі возвращаются ити. (8) Вся словеса трудна, не возможетъ мужъ малолати: и не насытитя око зрѣти, ни исполнитя уго

слышанія. (9) *Что было, тожде есть, еже будетъ; и что было сотвореное, тожде имать сътворитися:* (10) *и ничтоже ново подъ солнцемъ, иже възмолетъ и речетъ: се сіе ново есть, уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ.* (11) *Нѣсть память первыхъ, и послѣднихъ бывшихъ не будетъ ихъ память съ будущими непозлѣдокъ.*

На истолкованіе намъ предлагается Екклесіастъ, трудность воззрѣнія на который равняется великости доставляемой имъ пользы. Ибо послѣ того, какъ умъ обученъ уже приточнымъ мыслямъ, въ которыхъ, по сказанному въ предисловіи къ книгѣ Притчей, есть и темныя слова и премудрыя реченія, и гаданія и различные обороты рѣчи (Притч. 1, 6.), — только пришедшимъ уже въ возрастъ, способный къ слушанію совершеннѣйшихъ уроковъ, возможно восхожденіе и до сего столько возвышеннаго и богодухновеннаго писанія. Поэтому, если притча и упражненіе, приуготовляющее насъ къ симъ урокамъ, суть вѣчто столько трудное и неудобобозримое; то сколько надобно труда, чтобы самимъ вникнуть въ сіи возвышенныя мысли, предлагаемыя намъ теперь для обозрѣнія? Ибо какъ трудившіеся въ тѣлесныхъ упражненіяхъ въ училищѣ готовятся къ пролитію бѣльшаго пота и къ понесенію бѣльшихъ трудовъ въ дѣйствительныхъ борьбахъ; такъ и приточное ученіе

кажется мнѣ иѣкимъ упражненіемъ, обучающимъ души наши и дѣлающимъ ихъ гибкими въ церковныхъ подвигахъ. Посему, если сіе предварительное упражненіе бываетъ уснѣшно при пролитіи пота и при многихъ трудахъ; что надлежитъ заключить о самыхъ подвигахъ? Конечно, въ какой бы чрезвычайно великой мѣрѣ ни представлялъ ихъ кто себѣ мысленно, онъ не изобразить словомъ, какъ слѣдовало бы, тѣхъ трудовъ, какіе на поприщѣ, представляемомъ симъ писаніемъ, указуются старающимся о безопасности съ подвижническою опытностію въ духовномъ, чтобы слово не оказалось погрѣшительнымъ, но, при всякомъ бореніи мысли, умъ пребывалъ неуклонно стоящимъ въ истинѣ. Впрочемъ, послику и на это есть Владычнія заповѣдь, и должно намъ испытывать Писанія (Іоан. 5, 39.), то хотябы умъ нашъ, не постигая величія мыслей, оказался отстающимъ отъ истины, чтобы не показаться также презрительми Господней заповѣди, совершенно необходимо, по мѣрѣ силъ, преуспѣвать въ раченіи о словѣ. Поэтому, сколько можемъ, испытаемъ и предлагаемое писаніе. Ибо Давшій заповѣдь испытывать, безъ сомнѣнія, дастъ для этого и силу, какъ написано: *Господь дастъ глаголю благовѣствующимъ силою мною* (Псал. 67, 12.).

И во первыхъ воззрѣнію нашему да будетъ подлежать надписаніе сей книги. Во всей

церкви читаются Моисей и законъ, пророки, псалмопѣніе, вся исторія, и если что заключается въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, все то провозвѣщается въ церквахъ. Итакъ, почему же эта одна книга по преимуществу украшается надписаніемъ Екклесіаста? Что же предположить намъ объ этомъ? Не то ли, что во всѣхъ другихъ писаніяхъ, историческихъ и пророческихъ, цѣль ихъ клонится и къ чему либо другому, не вовсе полезному для церкви. Ибо какая нужда для церкви въ точности изучать бѣдственныя послѣдствія войнъ, или кто были князьями у народовъ, основателями городовъ, кто отъ кого выселился, или какія царства въ послѣдствіи времени исчезнутъ, сколько такихъ браковъ и чадорожденій, о которыхъ тщательно упомянуто, и всему сему подобное, о чемъ только можно почерпнуть свѣдѣніе въ каждомъ писаніи, можетъ ли столько содѣйствовать церкви въ дѣлѣ благочестія? А ученіе сей книги имѣеть въ виду такой только образъ жизни, какого требуетъ церковь, и преподаеть то, чѣмъ можно человеку преуспѣть въ добродѣтельной жизни. Ибо цѣль сказуемаго здѣсь, поставить умъ выше чувства, оставивъ наконецъ все, что въ существахъ есть кажущагося великимъ и блистательнымъ, обратиться душою къ тому, что недоступно чувственному пониманію, воспріять вождельніе того, что недостижимо для чувства

А, можетъ быть, надписаніе имѣеть въ виду и Вождя церкви. Ибо истинный Екклесіастъ, собирающій разсѣянное въ единую полноту и блуждающихъ многократно по разнымъ обманчивымъ путямъ воцерковляющій въ единый сонмъ,—кто иной, какъ не истинный Царь Израилевъ, Сынъ Божій, которому Наѳанаилъ сказалъ: *Ты еси Сынъ Божій, Ты еси царь Израилевъ* (Іоан. 1, 49.)? Посему, если *глаголы сн Царя Израилева*, а Онъ же самый, какъ говоритъ евангеліе, и Сынъ Божій; то Онъ же именуется и Екклесіастомъ. Да и не безъ основанія, можетъ быть, значеніе надписанія возводимъ до сего смысла, но чтобы дознать чрезъ это, что сила и сихъ *глаголовъ* возводится къ Тому, Кто на евангеліи утвердилъ церковь. Ибо сказано: *глаголы Екклесіаста, сына Давидова*. А такъ и Его именуетъ Матѳей въ началѣ евангелія, называя Господа сыномъ Давидовымъ.

Суета суетствій, рече Екклесіастъ: вселеская суета. Подъ словомъ: суетное разумѣется, что неосуществимо, имѣеть бытіе въ одномъ словесномъ произношеніи, вмѣстѣ же съ означеніемъ имени не появляется состоявшаяся вещь, но бываетъ какой-то праздный, ничего не содержащій въ себѣ звукъ, въ видѣ какого либо реченія, случайно произносимый по слогамъ, безъ значенія поражающій слухъ, какъ напримѣръ иные въ шутку сочиняють имена,

для которыхъ цѣль и означаемого. Это одинъ видъ суеты. Суетою же другаго вида называется безполезность того, что дѣлается съ какимъ-то тщаніемъ безъ всякой цѣли; таковы напримѣръ дѣтскія званія на песокъ, метаніе стрѣлъ въ звѣзды, стараніе уловить вѣтеръ, состязанія въ скорости бѣга съ своею тѣнью, когда кто усиливается наступить на вершину своей тѣни. И если что иное сему подобное находимъ въ дѣлаемомъ нами напрасно, все это означается словомъ: *суета*. Но въ обычаѣ называть перѣдко суетнымъ и слѣдующее: когда кто, имѣя въ виду какую либо цѣль, и рачительно, какъ чѣмъ-то полезнымъ занимаясь, предлежащимъ дѣломъ, все приводитъ въ дѣйствіе, а потомъ, при встрѣчѣ чего либо противнаго, трудъ его оказывается безполезнымъ, тогда это самое, что рачительность осталась безъ всякаго успѣха, означается словомъ: *суетное*. Ибо о подобномъ сему въ обычаѣ говорить: «напрасно я трудился, напрасно надѣялся, напрасно прилагалъ много усилій». И чтобы не перечислять въ подробности всѣхъ случаевъ, въ которыхъ употребляется слово: *суета* въ собственномъ его смыслѣ, въ немногихъ словахъ опредѣлимъ попятіе сего реченія: *суета* есть, или цѣлнющее мысли слово, или безполезная вещь, или неосуществимый замысль, или неведущее къ концу тщаніе, или вообще что либо не служащее ни къ чему полезному.

Но если выразумѣли мы понятіе суетнаго, то должно будетъ изслѣдовать, что значить: *суета суетствій*. И, можетъ быть, удобнѣе будетъ для насъ выразумѣть искомое, если изслѣдуемъ обычаи Писанія выражаться о представляемомъ въ превосходной степени. Занятіе чѣмъ либо необходимымъ и полезнымъ именуется въ Писаніи дѣломъ, занятіе же чѣмъ либо вышнимъ, всѣмъ тѣмъ, что относится къ богослуженію, какъ видно изъ исторіи, называется *дѣломъ дѣла* (Чис. 4, 47.); и выраженіемъ симъ: дѣло дѣль, какъ думаю, показывается, какое занятіе относительно къ намъ въ нѣкоторой мѣрѣ предпочтительнѣе другихъ. Ибо какое отношеніе рачительности въ дѣлахъ къ праздности вообще, такое же отношеніе и дѣтельности въ занятіяхъ вышнихъ и предпочтительнѣйшихъ къ прочимъ дѣламъ. Такъ объ иномъ говорится въ Писаніи: святое, а объ иномъ опять: святое святыхъ, потому что въ равной мѣрѣ, какъ святое по святыхъ выше не святаго, такъ и святое святыхъ представляется преизобилующимъ во святыхъ предъ самымъ святымъ. Посему, что узнали мы о семъ обычаѣ писанія—въ отношеніи къ лучшему такимъ образомъ означать усиленіе разсматриваемаго понятія, разумѣя тоже и о выраженіи: *суета суетствій*, не погрѣшимъ ни мало. Писаніе скажетъ, что видимое въ существахъ не просто суетно, но что ему въ ка-

комъ-то избытокъ принадлежитъ значеніе суеты; какъ еслибы сказала кто: «это мертвое мертвого, бездушное бездушнаго». Хотя сіе сравнительное усиленіе въ подобныхъ понятіяхъ и не имѣетъ мѣста, однакоже выражается оно симъ реченіемъ въ уясненіе превосходства означаемаго. Посему, какъ есть дѣло дѣла и умопредставляемо святое святыхъ, и симъ выражается указаніе на превосходство въ совершенствѣ; такъ и выраженіе: *суета суетствій* показываетъ крайнюю степень избытка суеты.

И никто да не подумаетъ, будтобы сказанное служить осужденіемъ твари. Ибо обвиненіе пало бы на Сотворшаго все, если бы и все было суетою, и создателемъ сего оказался у насъ Тотъ, Кто все привелъ въ бытіе изъ ничего. Но послѣку составъ человѣка двойкій, съ тѣломъ соединяется душа; то и образъ жизни дѣлится соотвѣтственно каждой изъ усматриваемыхъ въ насъ частей. Иная жизнь души и иная тѣла; одна смертна и временна, другая безстрашна и негибнуща; и первая имѣетъ въ виду одно только настоящее, цѣль же послѣдней простирается въ непреходящее. Посему, такъ какъ велика разность между смертнымъ и бессмертнымъ, между временнымъ и вѣчнымъ; то слово Екклесіаста ведетъ къ тому, что должно имѣть въ виду не эту чувственную жизнь, которая, въ сравненіи съ

жизнию истинною, есть какая-то недѣйствительная и не состоятельная.

Но тѣмъ не менѣе иной скажетъ, что и это разсужденіе не освобождаетъ отъ обвиненія Создателя, потому что отъ Него и душа и тѣло. Если осуждается жизнь по причинѣ плоти, а Творецъ плоти—Богъ; то къ Нему необходимо будетъ относиться таковая укоризна. Но сіе скажетъ конечно тотъ, кто еще не внѣ плоти, и не вникъ до точности въ жизнь высшую. Ибо обученный Божественнымъ тайнамъ, безъ сомнѣнія, не не знаетъ, что людямъ свойственна и естественна жизнь, уподобляющаяся Божественному естеству, а жизнь чувственная, провождаемая въ дѣятелиности чувствилищъ, дана естеству для того, чтобы знаніе видимаго сдѣлалось для души путеводителемъ къ познанію невидимаго, какъ говоритъ Премудрость: *отъ величества красоты созданій сравнительно Рододѣлатель* всего познавается (Прем. Сол. 13, 5.). Но человѣческое недоразуміе воззрѣло не на то, что достойно удивленія, по причинѣ видимаго, но тому и удивилось, что видѣло. Посему, такъ какъ дѣятельность чувствилищъ временна и скорогиблюща, изъ сей высокой рѣчи дознаемъ то, что имѣющій въ виду сіе ничего въ виду не имѣетъ; но кто, путеводимый симъ къ уразумѣнію сущаго, при помощи преходящаго уразумѣль естество постоянное, постигъ то, что всегда

одинаково, тотъ узрѣлъ дѣйствительно сущее благо, и что узрѣлъ, тѣмъ овладѣлъ, потому что зрѣніе сего блага есть обладаніе. Ибо Екклесіастъ говоритъ: *кое изобиліе человеку во всемъ трудъ его, и мѣже трудится подѣ солнцемъ?* Жизнь въ тѣлѣ называлъ трудомъ, домогающимся прибыли безъ всякаго успѣха. Ибо говоритъ: *кое изобиліе человеку?* то есть, что приобрѣтается душѣ въ житейскомъ трудѣ живущими только для видимаго? Въ чемъ состоитъ самая жизнь? Какое изъ видимыхъ благъ пребываетъ всегда тѣмъ же? Солнце совершаетъ теченіе свое, попеременно производя то свѣтъ, то тму, освѣщая надъ нами воздухъ, когда показывается надъ землею, и навлекая тму своимъ захожденіемъ. Земля же стоитъ, и въ стояніи своемъ пребываетъ неподвижною, и что стало, то не приходитъ въ движеніе, и что пришло въ движеніе, то не останавливается. Оказывается, что все во все продолженіе времени само собою ни въ чемъ не измѣняется превращеніемъ во что либо новое. Море служитъ пріемникомъ отъ всюду стекающихся водъ, и притокъ ихъ не прекращается, и море не увеличивается. Какая цѣль теченія водъ, наполняющихъ всегда наполняемое? Для чего море принимаетъ въ себя притоки водъ, оставаясь навсегда не увеличивающимся отъ сего приращенія? Екклесіастъ говоритъ это, чтобы предварительно

изъ самыхъ стихій, въ которыхъ заключена жизнь человѣческая, объяснить несостоятельность того, о чемъ заботимся. Ибо, если это установленное теченіе солнца не имѣетъ предѣла, это поперебнное преемство свѣта и тмы не допускаетъ остановки, а земля, осужденная стоять, въ стояніи своемъ пребываетъ неподвижною, безъ пользы же трудятся рѣки, истощая себя въ ненаполнимое естество моря, а море напрасно принимаетъ въ себя притоки воды, нисколько не прибывая отъ принятія непрестанно вливаемаго въ его нѣдра,—если это примѣчаемъ въ сихъ стихіяхъ; то въ какомъ положеніи слѣдуетъ быть человечеству, котораго жизнь заключена въ тѣхъ же стихіяхъ, и что удивительнаго, если *родъ переходитъ, а родъ приходитъ*, и это теченіе не оставляетъ естества, между тѣмъ какъ привходящій родъ людей гонитъ предшествовавшій ему, и самъ изгоняется вновь привходящимъ?

Поэтому, чтоже слово сіе возглашаетъ этимъ церкви? Слѣдующее: «обозрѣвая вселенную, человѣки, уразумѣйте свое собственное естество». Что видишь на небѣ и на землѣ, что усматриваешь въ солнцѣ, что примѣчаешь въ морѣ, то да объяснишь тебѣ и твое естество. Ибо и у нашего естества, по подобію съ солнцемъ, есть востокъ и западъ, Одинъ путь всѣмъ, одинъ кругъ жизненнаго теченія. Едва появимся на свѣтъ рожденіемъ, какъ снова

увлекаемся въ сродную намъ страну. Ибо съ захожденіемъ нашей жизни и наше свѣтеніе бываетъ подземнымъ, когда чувство наше дѣлается способнымъ къ воспріятію свѣта: а земля, безъ сомнѣнія, разрѣшается въ сродное ей. И этотъ кругъ непрестанно вращается одинаково. Какъ совершается теченіе солнца, говоритъ Екклесіастъ, солнце, восходя падъ верхнею частію земли, проходитъ южными странами, а подъ землю идетъ противоположно сѣверною частію; и, такимъ образомъ всегда круговращаясь, обходитъ свой путь, и снова идетъ, возвращаясь на оный (ибо сказано: *обходитъ окрестъ*): такъ поэтому и твой *идетъ* духъ (продолжаетъ Екклесіастъ, подъ частнымъ именемъ разумѣя всякій человѣческой духъ). круговое сіе шествіе совершая одинаковымъ образомъ. Ибо сказано: *идетъ, и на круги своя обращается духъ*.

А кто уразумѣлъ это, тотъ немало пользы приобрѣтетъ для своей жизни. Что блистательнѣе свѣта? Что явственнѣе лучей? Однакоже, если солнце идетъ подъ землю, свѣтеніе скрывается, и лучъ исчезаетъ. Смотри на это, человѣкъ цѣломудреннѣе да проходитъ жизнь свою, презирая здѣшнюю знатность, дознавъ изъ видимаго, что знаменитое не остается такимъ всегда. Но измѣнчивы преемства противоположностей, ничто не остается такимъ, каково оно въ настоящее время, ни молодость,

ни красота, ни блескъ властительства. И это идетъ къ живущимъ въ какомъ-то благополучіи. А для кого добродѣтельная жизнь кажется трудною, душа тѣхъ терпѣливо переносить бѣдствія да обучается примѣромъ земли. *Земля во оукъ стоитъ*. Что труднѣе сего неподвижнаго стоянія? Однакоже стояніе сіе простирается до вѣка. А для тебя время подвига коротко. Не будь бездушнѣе земли. Не будь несмысленнѣе безчувственнаго ты, снабженный разумомъ и управляемый въ жизни разумомъ; но *пробывай*, какъ говоритъ Апостоль, *въ нижше наученъ еси, и яже въпрена суть тебѣ* (2 Тим. 3, 14.), стоя твердо и непоступно, потому что въ числѣ божественныхъ заповѣдей и слѣдующее: *тверди бывайте и не поступни* (1 Кор. 15, 58.). Да пребываютъ въ тебѣ цѣломудріе непоколебимо, вѣра тверда, любовь непоступна, стояніе во всемъ прекрасномъ неподвижно, какъ и *земля во оукъ стоитъ*. Еслиже кто предакъ любостыжательности, и подобно какому-то морю, разверзши безмѣрную похоть, не насыщается отвсюду стекающимися прибытками; то, смотря на дѣйствительное море, да врачуеть онъ болѣзнь свою. Ибо, какъ море при тьмочисленныхъ притокахъ водъ не преступаетъ своей мѣры, но пребываетъ въ одинаковой полнотѣ, какъ бы не было въ немъ никакого прибавленія водъ; такимъ же образомъ и человѣческое естество, ограниченное

особыми мѣрами въ наслажденіи тѣмъ, что есть, не можетъ способности къ наслажденію съ жадностію разширять, смотря по множеству доходовъ; но какъ и притокъ богатства прекращается, такъ и сила наслажденія сохраняется въ своихъ предѣлахъ. Поэтому, если наслажденіе не можетъ превзойти мѣру естества; то для чего привлекаемъ къ себѣ притоки доходовъ, а не источаемъ ихъ никогда на благотвореніе другимъ даже сверхъ приходящаго?

А поелику, по данному нами попятію о суетѣ, бесполезное ли слово, бесполезное ли дѣло есть суета; то прекрасно начинается съ сего рѣчь; чтобы мы, дѣлается ли, говорится ли что нами, если кто имѣетъ при семъ въ виду здѣшнюю цѣль, не почитали сего чѣмъ либо состоятельнымъ; потому что всякая человѣческая рачительность, занятая чѣмъ либо житейскимъ въ подлинномъ смыслѣ есть игра дѣтей на пескѣ, наслажденіе которыхъ сдѣланнымъ прекращается вмѣстѣ съ тщаніемъ это сдѣлать. Какъ же скоро трудъ прекратился, песокъ разсыпался въ то же положеніе, въ какомъ онъ былъ прежде, съ симъ вмѣстѣ не остается и слѣда приложенныхъ трудовъ. Такова же человѣческая жизнь, честолюбіе—песокъ, властолюбіе—песокъ, богатство—песокъ, песокъ и все то, чѣмъ съ тщаніемъ наслаждаются при посредствѣ плоти; осуетившіяся нынѣ этимъ младенчествующія души, которыя много несутъ трудовъ за каж-

дую вещь, доставляющую такое удовольствіе, но какъ скоро оставить эту песчаную область, разумію плотскую жизнь, познають тогда суетность здѣшняго препровожденія жизни. Ибо съ вещественною жизнью продолжается и наслажденіе; съ собою же ничего они не уносятъ, кромѣ одной совѣсти.

И великій Екклесіастъ, кажется мнѣ, какъ ставшій уже внѣ этого и совлекшеюся душою вступающій въ невещественную жизнь, изрекъ то, что вѣроятно скажемъ со временемъ и мы, когда будемъ внѣ этой приморской области, которая полна несконвѣ, выбрасываемыхъ житейскимъ моремъ, и удалимся отъ всѣхъ шумящихъ и оглушающихъ насъ волнъ. Тогда, изъ мысленнаго моря принеся одну память о томъ, чего тамъ домогались, скажемъ: *суета суетствій, всяческая суета*, и нѣтъ изобилія человеку въ томъ, надъ чѣмъ трудится подлѣ солнцемъ. Такъ, по моему разсужденію, это будетъ слово всякой души, когда, совлекшись здѣшняго, преселится въ уповасмую жизнь. Ибо, если въ настоящей жизни преуспѣла въ чемъ либо болѣе возвышенномъ, то осудить то, чѣмъ была занята, по сравненію съ найденнымъ унижая прошедшее. Еслиже, до пристрастія будучи привержена къ веществу, увидитъ неожиданное, и опытомъ дознаетъ бесполезность для нея того, о чемъ старалась въ жизни; съ плачемъ тогда произнесетъ сіи слова, которыми мы люди вы-

ражаемъ свое раскаяніе, со слезами описывая свое безразсудство: *суета суетстой*, и прочая.

Вся словеса, говорить Екклесіастъ, трудна, и не возможетъ мужъ глаголати. Изъ всего подручнаго намъ всего болѣе удобнымъ признается это—говорить. Ибо какой трудъ сказать, что кому угодно? Языкъ гибокъ и поворотливъ, безъ труда прилаживается, къ какому хочешь, роду реченій; безпрештественно также переведеніе выдыхаемаго воздуха, при помощи котораго производитъ онъ звуки, неболѣзненны прислуживаніе щекъ и вмѣстѣ содѣйствіе губъ для произнесенія того, что говорится. Итакъ, какой же трудъ усматриваетъ въ словѣ Екклесіастъ? Ибо, не землю копая, не камни ворочая, не тяжести нося на плечахъ, не что-либо другое трудное дѣлая, выговариваемъ слово. Но въ насъ состоявшаяся мысль, будучи обнаружена посредствомъ голоса, дѣлается словомъ. Поелику же такое слово не представляетъ труда; то должно подумать, какія это — *словеса трудна*, которыхъ *не возможетъ мужъ глаголати*?—Пресвитеры, сказано, *суббья чести да сподобляются, паче же труждающихся въ словъ* (1 Тим. 5, 17.). Пресвитеромъ, по обычаю, называется, кто вышелъ изъ неупорядоченнаго возраста, и находится въ престарѣломъ состояніи; такъ что, если кто непостоянень помысломъ и жизнь ведетъ не въ порядкѣ, то таковой, хотя бы

показывались у него и сѣдины, не пресвитеръ, но еще мужъ. Посему *словеса, словеса* въ подлинномъ смыслѣ душѣ полезныи, служащія ко благу людей, суть *словеса*, требующія пота и трудовъ, и они, чтобы стать *словесами*, приводятъ ко многимъ усиліямъ. Ибо *труждающему длительно прежде подобаетъ отъ плода вкусити* (2 Тим. 2, 6.), говоритъ художникъ таковыхъ словесъ, такъ что подъ словомъ разумѣть должно не реченіе, но добродѣтель, предлагаемую видящимъ въ дѣлахъ, чтобы вмѣсто слова содѣлалась она для поучаемыхъ урокомъ жизни. Посему трудны всѣ таковыя словеса тѣхъ наставниковъ добродѣтели, которые сперва сами преуспѣваютъ въ томъ, чему учать. Ибо это значитъ сказанное: прежде подобаетъ вкусить отъ плодовъ, какіе предварительно предъ другими въ себѣ самихъ воздѣлываемъ добродѣтелию.

Или, можетъ быть, слово сіе объяснеть и немощь разумной природы. Ибо когда бываемъ внѣ чувствилищъ, которыя названы суетою, и мысль, вторгнувшись какъ-то въ созерцаіе невидимаго, покушается мыслимое представить словомъ; тогда великій бываетъ трудъ для слова, потому что истолковательная эта рѣчь не находитъ никакого средства къ уясненію пензлаголапаго. Смотримъ на небо, пріемлемъ въ себя чувствомъ лучи свѣтлыя, ходимъ по землѣ, втягиваемъ въ себя устами

воздухъ, по видимому, пользуемся для естества водою, и огонь принимаемъ въ общеніе жизни; но, если пожелаемъ размыслить о семъ нѣсколько, что такое каждая изъ видимыхъ вещей въ отношеніи къ сущности, откуда, или какъ составилаь; то *не возложеть думъ млаглати*, хотя бы онъ былъ и выше другихъ; потому что всякое постижимое познаніе не въ силахъ выразить непостижимое. Если же слово объ этомъ составляетъ трудъ, превосходящій человѣческую способность говорить и естество человѣческое; то какой трудъ, скажетъ нпій, принудить потерпѣть *слова* о самомъ Словѣ, или объ Отцѣ Слова, гдѣ всякое высокоглаголаніе и величасіе есть какая-то неясность и молчаніе, если сравнить съ истиннымъ значеніемъ некомаго; почему о Немъ въ собственномъ смыслѣ можно сказать то только одно, что, если кто приведетъ въ движеніе всѣ помыслы, и не будетъ у него недостатка ни въ одномъ изъ боголѣпныхъ представленій, но если сравнить рѣчь свою съ самымъ достоинствомъ предмета, то и тогда, что ни сказаль бы опъ, это еще не слово, потому что *не возложеть* человѣкъ *млаглати*.

Зрѣніе не останавливается на томъ обзорѣ видимаго, какой доставляютъ душѣ глаза; напротивъ того, смотря непрестанно, какъ бы вовсе не видѣвнше, остаемся еще въ невѣдѣніи о томъ, что принимаемъ чувствомъ.

Зрѣніе не можетъ проникнуть далѣе цвѣта; но мѣрою своей дѣятельности имѣеть то, что представляется ему на поверхности вещей. Посему, говорить Екклесіастъ, *не насытится око зрѣти, ни исполнится ухо слышанія*. Способность слуха, принимая въ себя слово о каждой вещи, не можетъ наполниться въ естествѣ своемъ: потому что не найдется такого слова, которое бы въ точности обнимало собою искомое. Посему какъ слуху не исполниться слышанія объ искомомъ, когда нѣтъ наполняющаго?

Потомъ послѣ сихъ словъ Екклесіастъ самъ себя спрашиваетъ, и самъ себѣ отвѣчаетъ: *Ибо спросивъ: что было? говоритъ: тожде есть, еже будетъ, и еще спросивъ: что было сотвореное? отвѣчаетъ: тожде иматъ совершится*. Итакъ къ чему же этотъ вопросъ? Въ слѣдствіе того, что дознано нами, возражаемъ и говоримъ ему: «если все это суета, то, очевидно, изъ того, что не состоялось, ничего и не было; а суетное, безъ сомнѣнія, несостоятельно, и несостоятельнаго никто не почитеть бывшимъ». Если же это не такъ; то скажи: что есть бывшее, или что остается въ бытіи? Посему, краткій у него отвѣтъ на этотъ вопросъ. Угодно тебѣ знать, что такое бывшее? размысли, что такое будущее, и узнаешь, что было. А это значить: размысли. прошу тебя, человекъ, какимъ сдѣлался, возвысивъ себя добродѣтелию, если во всемъ добрыми чертами

отличишь душу, если содѣлаешься чистымъ отъ пятенъ порока, если смоешь съ естества своего всю нечистоту вещественныхъ сквернъ; чѣмъ будешь въ таковыхъ украшеніяхъ, какой применишь на себя образъ? Если вникнешь въ это разсудкомъ; то изучилъ ты бывшее первоначально по образу и подобію Божію. Спрашиваю при этомъ учащаго: гдѣ теперь то, что нѣкогда было, и о чемъ есть надежда, имѣть это въ послѣдствіи, но чего теперь нѣтъ? Безъ сомнѣнія, преподающій намъ высокіе уроки, отвѣтитъ тѣмъ же словомъ; потому-то настоящее и названо суетою, что онаго нѣтъ въ настоящемъ.

И *что было сотвореное*, говоритъ Екклесіастъ, *тожеде и маеть сотворитися*. Никто изъ слушающихъ да не признаетъ многословія и какого-то напраснаго повторенія словъ въ различеніи того, что было и что сотворено. Ибо слово каждымъ изъ сихъ реченій показываетъ различіе души отъ плоти. Душа была (а), а тѣло сотворено. Не потому, что сила сихъ реченій выражаетъ что либо не одно и тоже, но чтобы дать возможность заключать о каждомъ изъ означаемыхъ, что слѣдуетъ, слово употребило сіе различіе реченій о душѣ и тѣлѣ. Душа пер-

(а) Точнѣе: стала (*υληοτε*); здѣсь удержанъ слав. переводъ въ изъясняемомъ мѣстѣ Екклесіаста: *что было* (*τι το γεγονός*).

воначально была тѣмъ, чѣмъ снова окажется въ послѣдствіи по очищеніи, и тѣло, созданное Божиими руками, сотворено тѣмъ, чѣмъ въ надлежащія времена покажетъ его воскресеніе. Ибо какимъ всегда будешь видѣть его по воскресеніи, такимъ, конечно, сотворено и первоначально; потому что воскресеніе есть не иное что, какъ, безъ сомнѣнія, возстановленіе въ первобытное состояніе.

Почему Екклесіастъ прибавляетъ къ этому и слѣдующее, сказуя, что кромѣ первобытнаго нѣтъ ничего. Ибо говоритъ: *ничтоже ново подъ солнцемъ*. А симъ какъ бы сказалъ онъ: если что не по первобытному, то вовсе этого нѣтъ, а только почитается имѣющимъ бытіе. Ибо *ничтоже*, говоритъ Екклесіастъ, *ново подъ солнцемъ*, такъ что могъ бы кто сказать и указать на что либо совершающееся: «это ново, и дѣйствительно состоялось». Таковъ смыслъ сказаннаго, читается же сіе такъ: *и ничтоже ново подъ солнцемъ, уже возлагаетъ, и речетъ: се сіе ново есть*. И защищаетъ сказанное въ послѣдующемъ, говоря: если что дѣйствительно произошло, оно тоже, что было въ предшествовавшіе намъ вѣка. Сію мысль показываютъ самыя реченія Писанія, читаемыя такъ: *уже бысть въ вѣцѣхъ бывшихъ прежде насъ*.

Если же овладѣло нами забвеніе того, что было; то не дивись сему. Ибо и то, что нынѣ, предается забвенію. Когда естество уклони-

лось въ порокъ; тогда забыли мы доброе. Но когда настанетъ для насъ возвращеніе къ добруму; тогда снова покроеся забвеніемъ худое. Ибо сей, думаю, смыслъ заключается въ сказанномъ, когда Екклесіастъ говоритъ: *нѣсть намъ память первыхъ, и послѣднимъ бывшимъ не будетъ память.* Онъ какъ бы такъ сказалъ: память о томъ, что было по первоначальномъ благодѣствіи, и отъ чего человѣчество стало погруженнымъ въ зло, изгладить то, что по прошествіи долгаго времени произойдетъ на послѣдокъ. Ибо не будетъ памяти о семъ по совершившемся нанослѣдокъ; то есть, всецѣлое уничтоженіе памятованія золь содѣлано для естества послѣднимъ возстановленіемъ о Христѣ Иисусѣ. Ему слава и держава, во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСЕЛІЯ 2.

(1 12.) *Азъ*, сказано, *Екклесіастъ*. А мы дознали, кто этотъ Екклесіастъ, который заблудшее и разсѣянное собираетъ во едино, все дѣлаетъ единымъ стадомъ, чтобы ничто не оставалось не внимающимъ прекрасному все оживотворяющему гласу Пастыря; потому что говоритъ: *глаголю, яже Азъ глаголю, духъ сущъ и животъ сущъ* (Іоан. 6, 63.). Онъ-то именуеть себя Екклесіастомъ, какъ врача, и жизнь, и воскресеніе, и свѣтъ, и путь, и дверь, и исти-

ну, и какъ нарицающагося всѣми именами чело-
вѣколюбія. Посему, какъ голосъ врача, при-
вѣтливъ къ больнымъ, какъ слово жизни, дѣ-
лается дѣйственнымъ на мертвыхъ, которые,
какъ скоро слышатъ гласъ Сына челоувѣчес-
каго, не остаются уже въ давней мертвенно-
сти, но, и пребывая во гробахъ, взыскують
гласа воскресенія, какъ слово свѣта, примѣ-
няется къ тѣмъ, которые во тмѣ, какъ путь,
гладокъ для блуждающихъ, какъ дверь, готовъ
для имѣющихъ нужду войти; такъ Екклесіастъ,
конечно, бесѣдуетъ съ составляющими Цер-
ковь. Поэтому къ намъ глаголетъ Екклесіастъ;
и слова его слушать будемъ мы — Церковь.
Ибо какъ обращаютъ взоры ликъ—на устав-
щика, пловцы — на кормчаго, и военный
строй—на военачальника; такъ и составляющіе
полноту Церкви—на Правителя Церкви.

Посему, что же говорятъ Екклесіастъ? (12)
Азъ быхъ царь надъ Израилемъ во Иерусалимъ.
Когда же это? Не тогда ли, безъ сомнѣнія,
какъ *поставленъ царь отъ Него надъ Сиономъ*
горою святою Ею. Возвѣщаяя повелѣніе Гос-
подне. Кому рече Господь: Сынъ Мой еси Ты, и
Азъ днесь днесь родихъ Тя (Пса. 2, 6. 7.)? Ибо
рече, что Творца вселенной и Отца вѣковъ ро-
дилъ днесь, чтобы слово, снмъ приложеніемъ
означающаго время реченія ко времени рож-
денія, представило не предвѣчное существо-
ваніе, но плотское для спасенія челоувѣковъ

рожденіе во времени. Сіе-то, думаю, изображаетъ истинный Екклесіастъ, научая великой благочестія тайнѣ, ради которой Богъ явился во плоти. Ибо говоритъ Екклесіастъ:

(13) *Вдахъ сердце мое, еже взыскати и рассмотреть въ мудрости о всѣхъ бывающихъ подѣ небесемъ.* Вотъ причина, по которой Господь пришелъ къ людямъ во плоти, — *вдать сердце Свое, еже рассмотреть въ мудрости Своей о бывающихъ подѣ небесемъ.* Ибо что выше небесъ, то, какъ неодолимое болѣзнію, не имѣло нужды въ назирающемъ и во врачующемъ. Посему, такъ какъ зло на землѣ (пресмыкающійся и наглый звѣрь—змій, влачась на персяхъ и на чревѣ, въ пищу себѣ обращаетъ землю, не питаясь ничѣмъ небеснымъ, но влачась по тому, что попярается, попяраемое имѣетъ всегда въ виду, будучи питу человѣческаго шествія, и вливая ядъ въ утратившихъ власть наступати на змиевъ (Лук. 10, 19.)); то *вдалѣ* посему *сердце Свое взыскати и рассмотреть о всѣхъ бывающихъ подѣ небесемъ.* Ибо въ томъ, что превъше небесъ, Пророкъ не униженнымъ видитъ Божественное великолѣпіе, говоря: *взятся великолѣпіе Твое превъше небесъ* (Пса. 8, 2.); потому что грѣхомъ унижена была и небесная область. Такъ псалмопѣвецъ говоритъ: *грѣховъ своихъ ради слиришася* (Пса. 105, 43.). Сіе-то пришелъ рассмотреть Екклесіастъ, а именно, что подѣ небомъ про-

изошло такого, чего небыло прежде: какъ произошло суета, почему стало преобладать неосуществившееся, какое владычество у того, чего нѣтъ? Ибо зло не самостоятельно; потому что не отъ сущаго имѣеть свою особность. А что не отъ сущаго, то, конечно, не существуетъ особымъ естествомъ; и однакоже уподобившимся суетѣ преобладаетъ суета. Поэтому пришелъ изыскать Своею премудростію, что произошло подъ солнцемъ? Что за смѣшеніе въ томъ, что дѣлается здѣсь? Какъ сущее поработилось не сущему? Почему неосуществившееся владычествуетъ надъ сущимъ? и увидѣлъ:

Яко попеченіе лукаво даде Богъ сыномъ человеческимъ, еже упражняются въ немъ. О семъ же неблагочестиво думать такъ, какъ понялъ бы иный съ перваго взгляда, а именно: будтобы Самъ Богъ далъ людямъ лукавое попеченіе. Въ такомъ случаѣ къ Нему относилась бы причина золь. Ибо Кто благъ по естеству, Тотъ непременно готовъ бываетъ снабжать благами. Почему всяко древо доброе плоды добрые творитъ (Матѣ. 7, 17.); не на терніи зараждается гроздь, и не на виноградной лозѣ—терніе. По природѣ доброе изъ сокровищъ своихъ недаетъ ничего лукаваго. И добрый человекъ отъ избытка сердца не глаголетъ худаго, но произноситъ сообразное своей природѣ. Тѣмъ паче Источникъ благъ изольетъ

ли изъ естества Своего что либо лукавое? Напротивъ того болѣе благочестивый смыслъ требуетъ разумѣть сіе такъ, что Божіе данное благо. Это же есть свободное движеніе, которое при погрѣшительномъ употребленіи людьми содѣлалось орудіемъ грѣха. Ибо что свободно и не порабощено, то добро по естеству; а что сопряжено съ необходимостію, того никто не причислитъ къ благамъ. Напротивъ того самое свободное стремленіе мысли, безъ руководства уклонившееся къ избранію худаго, содѣлалось искушеніемъ для души, отъ высокаго и досточестнаго увлекшейся къ страстнымъ движеніямъ естества. Сіе-то и значить слово: *даде*, имѣющее не тотъ смыслъ, что Богъ въ жизнь человѣческую вложилъ зло, но тотъ, что человѣкъ данныя Богомъ блага по безразсудству употребилъ въ услуженіе злу. А святому Писанію обычно подобныя сими мысли изражать такими реченіями. Напримеръ: *предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (Рим. 1, 26.); и: *предаде ихъ въ неискусенъ умъ* (28.); и: *ожесточи сердце Фараоново* (Исх. 9, 19.); и: *что уклонилъ еси насъ Господи отъ пути Твоего, ожесточилъ сердца наша, еже не боится Тебе* (Иса. 63, 17.); и: *зablуждати сотвори и по непроходный, а не по пути* (Иса. 106, 40.); и: *прелстилъ мя еси, и прелстихся* (Іер. 20, 7.). Таковы и всѣ однообразныя съ сими изреченія, точный смыслъ которыхъ

не то подтверждаетъ, будтобы въ естествѣ человѣческомъ происходитъ что либо человѣческое отъ Бога, а напротивъ того обвиняетъ свободу, которая есть благо, и Богомъ данный естеству даръ, но содѣлалась зломъ отъ наклонности къ противоположному.

Поэтому Екклесиастъ (14) видѣлъ *всѣмская сотворенная* въ сеѣ жизни *подъ солнцемъ*, а именно, что все было *суетство*, потому что небыло разумѣвающаго, небыло взыскающаго Бога, когда *все уклонишася, вкупѣ неключили быша* (Иса. 13, 23.). Потому, сказавъ: *и се все суетство*, присовокупилъ причину, а именно, что не Богъ виновникъ этого, а произволеніе человѣческаго вождельнія, которое назвалъ онъ *духомъ*. Обвиняетъ же этотъ духъ не потому, что таковъ былъ онъ изначала (не подлежалъ бы онъ и осужденію, если бы такимъ былъ созданъ); но потому что, развратившись, пришелъ въ разладъ съ устройствомъ цѣлаго. Ибо говоритъ:

(15) *Развращенное не можетъ исправиться*, то есть, да не будетъ того, чтобы благоустроенной Богомъ твари свойственно было превратное. Какъ художникъ, обдѣлывающій себѣ что либо по замышленному чертежу, по линейкѣ и шнуру обрабатываетъ части, которая при своемъ художественномъ отношеніи одной къ другой составляютъ изъ себя цѣлое произведеніе сосуда, и если какая изъ частей

не обработана еще по снуру, то сего безобразія не допустить, конечно, правильный складъ цѣлаго, а надобно будетъ и эту часть, чтобы приладить ее къ прямой чертѣ, подвести подъ снуръ и выпрямить: такъ и Екклесія говоритъ, что естество развращенное порокомъ не можетъ находиться въ твари, въ которой соотношеніе частей устроено правильно.

И лишеніе, говоритъ онъ, *не можетъ исчислитися*. Обычное писанію словоупотребленіе учить подъ *лишеніемъ* разумѣть недостатокъ. И въ этомъ можно увѣриться изъ многихъ мѣстъ. Ибо *во всемъ и во всѣхъ* навѣки Павель умѣлъ *лишатися и избыточествовати* (Филип. 4. 12.). И по распутству расточившій отцовское имущество, когда одолевалъ голодъ, *начатъ лишатися* (Лук. 15, 4.). И о святыхъ разсуждая, Павель перечисляетъ и иныя злостраданія ихъ тѣломъ, присовокупляетъ же и сіе, что были *лишени и скорбяще* (Евр. 11, 37.). Посему и здѣсь Писаніе, сказавъ: *лишеніе*, реченіемъ симъ указало на недостатокъ. А недостающее не можетъ быть причисляемо къ тому, что есть. Ибо и учениковъ, пока всѣ они были въ своей познотѣ, числомъ было двѣнадцать; когда же погибъ сынъ погибели: число стало не полно, потому что недостающее не соприсчислялось къ тому, что оставалось. Послѣ Іуды число учениковъ и было и имено-

ваюсь единонадесять. Посему Екклесиастъ говоритъ: *лишеніе не можетъ исчислитися.* Что означаетъ это въ словѣ? То, что нѣкогда и мы сопричислялись къ цѣлому; потому что и мы принадлежали къ священной сотнѣ словесныхъ овецъ. Но поелюку отъ нагорной пажити уклонилась одна овца, — наше естество, увлекшись порокомъ въ эту соленую и сухую страну; то уже не то же упоминается число въ стадѣ заблудшихся, но именуется оно числомъ: девяносто девять. Ибо суетное дѣлается чѣмъ-то внѣ числа дѣйствительно состоящихъ вещей. Почему *лишеніе не можетъ исчислитися.* Посему-то *пріиде взыскати и спасти погибшаго* (Лук. 15, 10.), и воспріявъ на рамена возстановить въ число сущихъ, что погибало въ суетѣ несуществующаго, чтобы дѣйствительно число твари Божіей, когда погибшее будетъ спасено съ непогибшими, сдѣлалось снова полнымъ.

Итакъ какое возвращеніе заблудшагося, и какой способъ отрѣшенія отъ золъ для общенія во благѣ, научимся сему въ послѣдующемъ. Ибо *Искушенный во всяческихъ по подобію, развѣрѣха* (Евр. 4, 15,) бесѣдуетъ съ нами отъ нашего же, Воспріявшаго на Себя наши немощи самыми немощами естества указываетъ путь внѣ порока. Представь себѣ теперь, что бесѣдуетъ премудрость Того, Кто отъ самаго по плоти Соломона, бесѣдуетъ же о томъ, что наипаче

путеводить насъ къ презрѣнню вождельнаго для людей. Ибо не по подобію многихъ, у которыхъ не во власти вождельваемое, и Имъ изрекается слово, такъ что поэтому не имѣеть Онъ достовѣрности, обвиняя въ томъ, чего не извѣдалъ на опытѣ. Ибо мы все познаемъ не своимъ опытомъ, но по однимъ умозаключеніямъ знаемъ то, услажденіе пріятностію чего на опытѣ возбраняеть намъ бѣдность. Если кому предлагается нами совѣтъ, что не должно ему во что либо ставить цѣнимое людьми; то у слушающаго это готово замѣчаніе: «потому не цѣнишь ты этого, что самъ не позналъ сего опытомъ на себѣ». Но въ разсужденіи Бесѣдующаго съ нами объ этомъ дѣйствительно уничтожается всякое подобное возраженіе; потому что говорить сіе Соломонъ. А Соломонъ этотъ—третій изъ царей Израильскихъ, послѣ опаго Саула и избраннаго Господомъ Давида. Онъ, принявъ начальство отъ отца, и достигнувъ уже величія Израильтянъ, провозглашается царемъ царства; не войною и битвами покоря себѣ подданныхъ, но со всею властію живя въ мирѣ, поставлялъ для себя дѣломъ не пріобрѣтеніе того, чего у него небыло, но наслажденіе тѣмъ, что было; такъ что ему ни въ чемъ изъ желаемаго никакого небыло препятствія. Ибо изобиліе простиралось до той же мѣры, какъ и пожеланіе, и свободный былъ досугъ для наслажденія; такъ какъ ничто не-

приятное не пресѣкало препровожденія времени съ тѣмъ, что было вождельбно. Но, будучи мудръ въ иномъ и имѣя достаточное разумѣніе, чтобы найдти что либо для удовольствія, говорилъ онъ, что самъ примыслилъ и то и другое изъ вождельвасямаго для наслажденія, и сдѣлавъ все, что въ послѣдствіи нечислилъ въ словѣ, утверждалъ, что самымъ опытомъ дозналъ одинъ конецъ всѣхъ попеченій при этомъ, именно: *суетство*. Разказу же своему объ этомъ придалъ такой порядокъ, что сперва, въ первыя времена жизни, употреблялъ время на обученіе, и не ослаблялъ усилія въ этихъ трудахъ; воспользовался же произволеніемъ духа, то сестъ естественнымъ стремленіемъ къ приращенію вѣдѣній, хотя и съ трудами преуспѣвалъ въ желасмомъ. Такъ возрастая мудростію, не разумомъ только приникъ на это страстное и неразумное обольщеніе людей тѣлесными наслажденіями, но самымъ опытомъ дозналъ суетность каждаго изъ вождельбій. Вотъ цѣль изслѣдованій. Но время въ послѣдующемъ предложить по порядку написаннаго и самое обозрѣніе читаемаго.

(16) *Глаголахъ азъ съ сердце своею, еже реку: се азъ возвзгнхихся; потому что увидѣлъ я внезапно совокунившимся на мнѣ и величіе владычества и пышность царства. Но прежде этого занася пріобрѣщеніемъ во всемъ мудрости, которую невозможно и пріобрѣсти*

ипаче, какъ съ трудами и пролитіемъ пота. Посему сказавъ: *лаголахъ азъ въ сердце своемъ, еже реци: се азъ возвеличихся, присовокупилъ и сіе: умножихъ мудрость*; потому что пышность владычества, которая пришла ко мнѣ сама собою, увеличилъ я присовокупленіемъ мудрости, сказавъ самъ въ себѣ, что въ этомъ ипаче надлежитъ оказаться мнѣ имѣющимъ верхъ предъ царями, прежде меня бывшими, и имѣть больше ихъ мудрости. Ибо говоритъ: *умножихъ мудрость паче всѣхъ, иже быша прежде мене во Иерусалимѣ*. И размыслилъ, какъ возможно достигъ сего. Ибо кому не извѣстно, что мудрость состоитъ въ вѣдѣніи того, надъ чѣмъ прежде потрудились другіе трудолюбцы.

Почему говоритъ: (17) *сердце мое видя многая, премудрость и разумъ*, такъ какъ не само собою, не безъ усилія дано вѣдѣніе о подобномъ сему; но потому что, говоритъ Екклесіастъ, *сердце мое вдахъ, еже свидѣти премудрость и разумъ*. Не было бы возможности дозпать мнѣ сіе, если бы трудъ и размышленіе не предшествовали вѣдѣнію. Но и притчи и хитрость *уразумѣхъ*, продолжаетъ онъ, то есть, приобрѣлъ понятіе высшаго, составляемое по сходству чрезъ сличеніе сего съ окружающимъ насъ. И сіе-то изучилъ я, говоритъ онъ. Ибо, какъ свидѣтельствуеть, *уразумѣхъ притчи и хитрость*. Какъ и Господь, научая въ еванге-

ли слушателей, представляет взору слово о царствіи, избравъ, или жемчужину, или сокровище, или бракъ, или горчичное зерно, или закваску, или что либо подобное, не въ томъ смыслѣ, что это самое и есть царствіе; но уподобленіемъ означаемому сими вещами примѣнительно указываетъ слушателямъ нѣкоторыя отблески и загадочныя черты того, что превышаетъ понятіе. И на это, говоритъ Екклесіастъ, стало у меня произволенія духа приобрѣсти себѣ множество мудрости, чтобы, сдѣлавшись мудрымъ, по сему самому не погрѣшить мнѣ въ вѣдѣніи сущаго, и не оставаться пенашедшимъ того, что полезно; потому что изъ мудрости составляется вѣдѣніе, а вѣдѣніе дѣлаетъ для насъ болѣе доступнымъ судъ внимательнаго. Сіе же обыкновенно не безъ усилія достается старательнымъ, но приложившій себѣ вѣдѣніе, безъ сомнѣнія, до одной мѣры съ ученіемъ простираетъ и трудъ. Посему Екклесіастъ говоритъ: (18) *приложившій разума, приложитъ болъзнь*. А когда дошелъ до этого, тогда о пріятномъ произносятъ приговоръ, какъ о сущности.

Ибо сказываетъ о себѣ: (2, 1.) *рекохъ азъ въ сердце своемъ: прииди убо, да ты искушишь въ веселіи, и виждь во блазнь: и се такожде сіе суетство*. Ибо не тотчасъ предалъ я себя на такое испытаніе, и не прежде, какъ вкусивъ строгой и благонравной жизни, поползулся

на участіе въ удовольствіяхъ, но искусивъ себя въ первомъ, и преусиѣвъ правомъ въ угрюмости и непреклонности, въ чемъ для старательныхъ наиначе заключаются уроки мудрости; тогда уже спускаться до того, что почтается пріятнымъ для чувства, не страстію увлеченный въ это, но съ намѣреніемъ разсмотрѣть, точно ли къ вѣдѣнію истинно добраго содѣйствуетъ сколько нибудь приводимое въ улаженіе чувство. Ибо тогда, то есть въ началѣ, и смѣхъ дѣлаетъ своимъ врагомъ, и страсть называетъ (2) *погрѣшеніемъ*; и это по смыслу значитъ тоже, что назвать скудоуміемъ и безуміемъ. Ибо если кто въ собственномъ смыслѣ назоветъ чѣмъ инымъ этотъ смѣхъ, это и не слово, и не дѣло какое либо, совершаемое съ какою либо цѣлію, но непристойное разверстіе устъ, перерывистое дыханіе, содроганіе всего тѣла, расширеніе щекъ, обнаруженіе зубовъ, десенъ и нѣба во рту, кривляющія шея, безпорядочное измѣненіе въ голосѣ, пресѣкаемое перерывами дыханія; то будетъ ли это что другое, спрашиваетъ Екклесиастъ, а не безуміе? Почему говоритъ: (2) *слышу рекохъ: погрѣшеніе*; какъ бы такъ сказать смѣху: «ты не въ умѣ, изъ себя вышелъ, не держишься въ предѣлахъ долга, добровольно себя безобразя, извращая видъ свой въ страстный и производя это извращеніе безъ всякой пользы».

Рекозъ и веселію: что сіе твориши? Это тоже значить, какъ и сказать: «я былъ противъ удовольствія, подозрѣвая приближеніе его, какъ бы какого татя, тайкомъ вкрадывающагося въ таибпицы души; никогда не позволялъ ему овладѣвать мыслию. Ибо какъ скоро узнавалъ, что удовольствіе, подобно какому-то звѣрю, подползаетъ къ моимъ чувствамъ; тотчасъ вступалъ съ нимъ въ борьбу, и встрѣчалъ, говоря этому рабскому и неразумному веселію: *что сіе твориши?* для чего разслабляешь мужество естества? для чего размягчаешь крѣпость мысли? для чего обезсиливаешь бодрость души? для чего вредишь помысламъ? для чего свѣтлую ясность чистыхъ мыслей приводишь въ омраченіе своею туманностію?» Сдѣлавъ все это и подобное сему, продолжаетъ Екклесіастъ:

(3) *Разсмотрихъ, аще сердце мое повлечетъ аки вино плоть мою,* то есть, смотрѣлъ, какъ понеченію о духовномъ можно сдѣлаться преобладающимъ надъ плотскими движеніями, чтобы естеству не придти въ разладъ съ самимъ собою, когда умъ избираетъ одно, а къ иному влечетъ плоть, но чтобы плотское наше мудрованіе сдѣлать послушнымъ и подручнымъ разумной части души, когда меньшее будетъ увлечено и поглощено преизбыточествующимъ, какъ это бываетъ у жаждущихъ. Ибо вино, если поднесено будетъ къ жаждущимъ устамъ, не остается въ чашѣ, но переливается въ пію-

щаго, и тщательно втягивающій его внутрь дѣлается свѣтлымъ. Когда же исполнено это мною, тогда восхождение къ познанію сущаго содѣлалось для меня непогрѣшительнымъ и безпрепятственнымъ.

Сердце мое, говоритъ Екклесіастъ, *настави мя въ мудрости*, которою превозмогъ я возстаніе сластолюбія; и обученіе это содѣлалось для меня причиною, *еже удержати веселіе*. Вотъ смыслъ содержащійся въ сихъ словахъ по связи чтенія: а миѣ наипаче вождельбно было при вѣдѣніи не тратить жизнь ни на что суетное, но найти то благо, сподобившись котораго, человѣкъ не погрѣшаетъ въ сужденіи о полезномъ, и которое постоянно, а не временно, продолжается во всю жизнь, подавая надежду обладать благомъ во всякомъ возрастѣ и первомъ, и среднемъ, и послѣднемъ и во все число дней.

Доидеже увижду, говоритъ, *кое благо сыномъ человѣческимъ, еже творятъ подл солнцемъ въ число дней живота своею*. Хотя вождельбное для плоти всего болѣе служить приманкою чувству въ настоящемъ, но увеселяющее въ немъ минутно. Ибо ни чѣмъ происходящимъ въ тѣлѣ невозможно услаждаться продолжительно. Но удовольствіе пить прекращается съ насыщеніемъ; и при вкушеніи также наполненіе чрева угашаетъ пожеланіе; да и всякое другое вождельбіе такимъ же образомъ по

удовлетвореніи ослабѣваетъ, и если появляется снова, снова пропадаетъ. А ничто усладительное для чувства не продолжается навсегда, и не остается такимъ. И сверхъ этого еще иное благо человѣку въ дѣтствѣ и иное въ цвѣтущемъ возрастѣ, и иное пришедшему въ зрѣлость, другое же въ преклонномъ возрастѣ, и иное опять старцу, смотрящему въ землю. Но я, говоритъ Екклесіастъ, искалъ того блага, которое во всякомъ возрастѣ и во всякое время жизни равно есть благо—такое благо, что и пресыщенія имъ не частяся, и сытости въ немъ не находится, но и при удовлетвореніи продолжастся вождельніе, вмѣстѣ съ наслажденіемъ усиливается пожеланіе, и не ограничивается возрастомъ любителя; но чѣмъ болѣе человѣкъ наслаждается симъ благомъ, тѣмъ наче съ наслажденіемъ возрастаетъ пожеланіе, а съ пожеланіемъ возгорается наслажденіе, и во все продолженіе жизни всегда бываетъ прекрасно для обладающихъ, ни мало не измѣняясь отъ непостоянства возрастовъ и времени: смѣжаетъ ли кто очи, или подьсметъ взоръ, благоденствуетъ, или печаленъ, ночь ли проводить, или день,—однимъ словомъ всякому въ жизни служить такимъ благомъ, которое и для впаднаго въ какое либо несчастное обстоятельство не дѣлается чѣмъ ни есть худшимъ, или лучшимъ, не умаляется, не увеличивается. Таково, по моему разсужденію, въ подлинномъ

смыслъ благо, которое увидѣть домогался Соломонъ, *еже и творятъ люди подѣ солнцемъ во все число дней живота ихъ*. Не инымъ чѣмъ кажется оно мнѣ, какъ дѣломъ вѣры, дѣйствительность которой есть для всѣхъ общая, равно предлагается желающимъ, вѣсенльна, постоянно пребываетъ въ жизни. Вотъ—то благое дѣло, которое да будетъ и въ насъ, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

ВЕСТЬДА З.

Время изслѣдовать, чему послѣ этого научить насъ Екклесіастово слово. Сперва научились мы тому, что нами дознано, именно: что сей Екклесіастъ всей твари, взыскующій погибшее и заблудшее собирающій во едино. Онъ самый назираетъ земную жизнь. Ибо земное есть поднебесное, что въ Писаніи называется сунцимъ подѣ небесемъ, и въ чемъ преобладаютъ обольщеніе и несостоятельность. А во второй бесѣдѣ дознали мы, что отъ лица Соломонова сдѣлано осужденіе жизни, расположенной къ наслажденіямъ и страстямъ, чтобы тѣмъ болѣе убѣдились мы отринути таковую жизнь, когда имѣющій всякую возможность наслаждаться удовольствіемъ все, что вождѣлннымъ кажется для людей, оплевалъ, какъ ничто. Итакъ что же по порядку дознаемъ въ настоящемъ случаѣ изъ третьей бесѣды?

Думаю—урокъ болѣе всего приличный принадлежащимъ къ церкви, разумѣю исповѣданіе сдѣланнаго не по разуму, при которомъ въ душѣ производится болѣзненное чувство стыда признаніемъ въ дѣлахъ несообразныхъ. Ибо великимъ и сильнымъ оружіемъ къ избѣжанію грѣха служитъ обыкновенно хранящійся въ людяхъ стыдъ, для того, думаю, и вложенный въ насъ Богомъ, чтобы такое расположеніе души производило въ насъ отвращеніе отъ худшаго. Ибо сродны и близки между собою и самый стыдъ и болѣзненное чувство посрамленія; тѣмъ и другимъ воспящается грѣхъ, если только кто для сего пожелаетъ воспользоваться таковымъ расположеніемъ души. Ибо стыдъ часто больше страха обучалъ избѣгать дѣлъ несообразныхъ. Да и посрамленіе, слѣдующее за обличеніями въ погрѣшности, само по себѣ достаточно можетъ уцѣломудрить согрѣшающаго, чтобы онъ снова не впалъ въ что либо подобное. И еслибы кто захотѣлъ опредѣлить различіе стыда и посрамленія, то посрамленіе есть высшая степень стыда, а стыдъ наоборотъ низшая степень посрамленія. Различіе же и общеніе сихъ болѣзненныхъ чувствъ обнаруживаются на лицѣ краскою. Ибо стыдъ означается однимъ румянцемъ, такъ какъ съ душою по естественному нѣкоему расположенію состраждетъ нѣсколько и тѣло, и жаръ сердечной плевры воскипаетъ на поверх-

ности лица; а посрамленный обнаруженіемъ проступка дѣлается посинѣвшимъ и побагровѣвшимъ, потому что страхъ къ румянцу примѣшивается желчь. Посему такого болѣзненнаго чувства для рѣшившихся на что-либо несообразное достаточно будетъ, чтобы не оставаться имъ дольше въ томъ, за что обличеніемъ подверглись посрамленію. Если же это дѣйствительно такъ, и Писаніе коснулось потребнаго человѣку болѣзненнаго чувства, потому что таковое расположеніе врождено естеству въ предохраненіе отъ проступковъ; то сіе исповѣдію прегрѣшеній достигаемое преснѣжаніе хорошо признать собственнымъ урокомъ церкви. Ибо чрезъ это человѣкъ душу свою приводитъ въ безопасность оружіемъ посрамленія. Какъ если кто по неумѣренной обжорливости сконить въ себѣ какіе либо неусваримые соки, потомъ, когда произойдетъ жаръ въ тѣлѣ, уврачевавъ болѣзнь рѣзаніемъ и прижиганіемъ, и смотря на оставшійся отъ прижиганія на тѣлѣ струнъ, будетъ имѣть его какъ бы наставникомъ, удерживающимъ отъ безпорядочности въ послѣдующей жизни: такъ выставившій себя на позоръ исповѣданіемъ сокровеннаго, памятованіе о болѣзненномъ чувствѣ посрамленія поставяетъ себѣ наставникомъ для послѣдующей жизни.

Итакъ вотъ чему научаетъ Церковь нынѣшнимъ чтеніемъ написаннаго у Екклесіаста. Ибо

говорить онъ, свободно рѣчью обнародывая это, и предъ всѣми людьми, какъ бы ивѣкій неписанный столпъ, воздвигнувъ исповѣданіе содѣланнаго имъ; оно же таково, что познаніе сего и молчаніе о семъ славнѣе слова. Говорить же, дѣйствительно ли сдѣлавъ это, или измысливъ сіе для нашей пользы, чтобы слово въ послѣдствіи достигло цѣли, — не могу сказать сего въ точности, но крайней мѣрѣ, говорить то, о чемъ добровольно сказать не согласился бы имѣющій въ виду добродѣтель. А онъ, если по особенному смотрѣнію не сдѣланное описываетъ, какъ сдѣланное, и осуждаетъ это, какъ извѣдавшій на себѣ онытомъ; то дѣлаетъ сіе, чтобы мы прежде испытанія уклонились отъ пожеланія того, что осуждается; а если и добровольно себя самого допустилъ до наслажденія подобными вещами, чтобы чувствилъ свои занять тѣмъ, что одно другому противоположно; то предоставляется воля желающаго сдѣлать о семъ, какую угодно, догадку. Но если кто скажетъ, что Соломонъ дѣйствительно извѣдалъ онытомъ пріятности жизни; то примемъ сіе, понимая слѣдующимъ образомъ: какъ погружающіеся въ глубину моря и ищущіе чего либо на днѣ подъ водою, если найдутъ какую либо жемчужину, или другое что подобное сему изъ родящагося во глубинѣ, то имъ никакого удовольствія не представляетъ бѣдствованіе подъ водою, заставля-

сть же погружаться надежда на выгоду: такъ и Соломонъ, если испыталъ это, то, конечно, подобно какому нибудь ловцу въ морѣ пурпуровыхъ раковинъ, погружался въ наслажденіе не для того, чтобы наполниться соленою морскою водою (а подъ сею водою разумѣю удовольствіе), но чтобы въ такой глубинѣ отыскать что либо полезное для ума. Находимое же подобнымъ сему образомъ, по моему гаданію, съ пользою служить, или къ ослабленію порывовъ тѣла дозволеніемъ того, что ему угодно, потому что природа всегда упорнѣе стремится къ запрещенному, или къ содѣланію учителя сего достойнымъ вѣроятности, чтобы не почиталась уже привлекательною для людей вещь суетная, презрѣнная тѣмъ, кто изучилъ ее опытомъ. Ибо и о врачахъ сказываютъ, будто въ томъ преусиѣваетъ ихъ искусство, что касается рода недуговъ, узнаннаго ими на своемъ тѣлѣ, и что болѣе надежными совѣтниками и цѣлителями дѣлаются въ такихъ болѣзняхъ, о которыхъ, будучи прежде сами отъ нихъ вылѣчены, приобрѣли свѣдѣніе въ той именно мѣрѣ, въ какой научены собственнымъ своимъ страданіемъ. Посему посмотримъ, что потерпѣвшимъ себя въ жизни своей признаеть врачующій нашу жизнь?

(2, 4.). *Возвеличитъ*, говоритъ онъ, *твореніе мое, создахъ ми дома*. Слово прямо начинается осужденіемъ. Ибо говоритъ: *возвеличитъ*, не

Божіе твореніе, которое и я самъ, по мое. А мое твореніе не иное что есть, какъ то, что доставляетъ удовольствіе чувству. Твореніе же это по родовому понятію одно, но, при дробномъ дѣленіи, необходимо разлагается на многія по потребностямъ наслажденія. Тому, кто однажды вступилъ въ глубину вещественнаго, по всей необходимости должно всюду обращать око и смотрѣть, откуда можетъ произойти удовольствіе. Какъ вода изъ одного источника по водотечамъ проводится во многія мѣста, и вода, раздѣляемая изъ источника, остается тою же водою, хотя бы текла тысячами ручьевъ: такъ и удовольствіе, будучи по природѣ одно, но иначе и иначе представляясь въ различныхъ занятіяхъ, течетъ повсюду, присоединяя и себя къ потребностямъ жизни.

Напримѣръ жизнь необходимымъ для естества содѣлала жилище, потому что человѣчество немощно къ перенесенію неравностей тепла и холода. Посему въ этомъ отношеніи домъ полезенъ для жизни, но удовольствіе понудило человѣка преступить предѣлы потребности. Ибо не тѣлу только доставляя въ домѣ потребное, но готовя пріятности и услажденія глазамъ, едва не плачетъ о томъ, что неба не содѣлалъ верхнимъ жильемъ своимъ, и что не имѣетъ у себя лучей солнечныхъ, чтобы придѣлать ихъ къ потолку. Почему во всѣ стороны распространяетъ ряды построекъ, созидая

вокругъ себя цѣль помѣщеній, какъ бы пѣкую
 другую вселенную; до чрезвычайной высоты
 возводитъ стѣны; а внутренность жилищъ
 разнообразитъ расположеніемъ; камень изъ
 Лаконіи и Тессаліи и Кариста дѣлится желѣ-
 зомъ на тонкіе слои, отыскиваются шильскія
 и цумидійскія ископаемыя. И если гдѣ съ ве-
 ликимъ стараніемъ бываетъ найденъ фригійскій
 камень, по бѣлизнѣ мрамора разсѣвающій по
 мѣстамъ глубокую багрянцость, то дѣлается это
 наслажденіемъ для жадныхъ глазъ, живо пред-
 ставляя многовидный какой-то разнообразный
 разливъ красокъ по бѣлому. Сколько о семъ
 стараній! сколько чертежей! сколько ухищреній
 у расщипывающихъ вещества водою и желѣ-
 зомъ! а надъ распилкою другихъ обдѣлывае-
 мыхъ веществъ день и ночь трудятся руки
 человѣческія. И этого недостаточно трудя-
 щимся надъ суетнымъ украшеніемъ, и чистое
 стекло посредствомъ составовъ окрашиваетъ
 человѣкъ въ различныя цвѣта, чтобы и имъ
 прибавлялось нѣчто къ примышленной роскоши.
 Кто же опишетъ изысканное устройство по-
 толковъ, на которыхъ деревья, бывшія кедрами,
 ухищреніемъ искусства снова обращены въ мни-
 мыя деревья, и съ помощію рѣзьбы произраца-
 ютъ вѣтви, листья и плоды? Умалчиваю о золотѣ,
 вытянутомъ въ тонкія и воздушныя плевы, и по-
 всюду на нихъ накладываемомъ, чтобы обращать
 на себя жадность очей. Кто изобразить употреб-

не сложенной кости на изысканное убранство входовъ, покрытіе золотомъ сдѣланной на нихъ рѣзбы, или гвоздями прибитые къ рѣзбѣ листы серебра и всему тому подобное? Или полы въ домахъ блистающіе различными цвѣтами камней, такъ что и ноги ихъ наслаждаются блескомъ сихъ камней? И величаніе множествомъ такихъ домовъ, которыхъ построеніе дѣлаетъ необходимымъ, не потребность жизни, а прихотливость, простирающаяся отъ одного перазумія къ другому. Екклесіастъ находитъ бесполезнымъ. Ибо однимъ изъ зданій надлежитъ служить для состязанія въ бѣгу, другимъ для прогулокъ, однимъ быть входными, другимъ предвходными, а инымъ привратными. И недостаточнымъ для пышности почитаютъ имѣть врата и подъѣзды, и широкій проходъ внутри воротъ, если входящимъ не встрѣчается чего либо такого, что можетъ при входѣ немедленно изумить смотрящаго на это. При этомъ купели соединяютъ съ великолѣніемъ пользу, цѣлыми рѣками орошаютъ изъ обильныхъ водотечей, и при нихъ устрояютъ особыя помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій, убранцы до измѣщества различными мраморами; отсюда около зданія крыльцо, подпертыя столпами нумидійскими, или ѳессалійскими, или египетскими: мѣдь въ пстуканахъ припимаетъ на себя тысячи видовъ, въ какіе мелочная прихотливость отливаетъ вещество; видны

мраморныя изваянія и живописныя картины зрители которых совершаютъ блудъ очами, потому что искусство, подражая тому, что не бываетъ видимо, обнажаетъ это на картинахъ, да и что позволительно видѣть, изображено на нихъ въ изумительной красотѣ.

Но какъ подробно кому перечислить все, раченіе о чемъ служить, обличеніемъ и обвиненіемъ нерадѣнія о томъ, что важнѣе? Ибо чѣмъ больше увеличить челоуѣкъ раченіе о постройкахъ множествомъ и дороговизною заготовляемыхъ веществъ, тѣмъ паче обличить недостатокъ въ убранствѣ души. И кто внимателенъ къ себѣ, и подлинно украшаетъ свое жилище, чтобы со временемъ принять въ него обитателемъ Бога, у того есть другія вещества, изъ которыхъ собираетъ украшеніе для такого жилища. Знаю я золото, которое блистаетъ въ подобныхъ дѣлахъ, и исканывается изъ глубины мыслей писаній; знаю серебро—слова Божія разжиганія, которыхъ свѣтлость, какъ молнія, блещетъ, осѣвая истиною. А подъ лучами различныхъ камней, которыми украшаются стѣны такового храма, и подъ помостомъ зданія, представивъ въ умѣ различныя расположенія добродѣтелей, не погрѣшишь въ приличномъ сему дому убранствѣ. Помость пусть будетъ устланъ воздержаніемъ, при которомъ прахъ зѣмнаго разумѣнія не обезножитъ живущаго воздержно. Унованіе небес-

наго пусть озаряетъ потолокъ, на который
 взирая душевнымъ окомъ, не подобія красоты
 изображенныя рѣзцами увидить, но самый
 Первообразъ красоты, не золотомъ какимъ и
 серебромъ украшенный, но тѣмъ, что гораздо
 выше золота и драгоценнѣе камня. Если же
 надобно словомъ описать убранство разныхъ
 частей; то пусть здѣсь украшаютъ домъ не-
 тлѣніемъ безстрастіе; а тамъ убранствомъ жи-
 лищу служатъ правда и негнѣвливость; на
 одной сторонѣ сіяютъ смиренномудріе и вели-
 кодушіе, и на другой опять благочестіе предъ
 Богомъ. Все же это прекрасный художникъ—
 любовь пусть въ наилучшемъ порядкѣ прина-
 ровитъ одно къ другому. Пожелаешь ли купе-
 лей? если хочешь, имѣешь у себя домашнюю
 купель и свои водотечи, изъ которыхъ можно
 омыть душевныя скверны; симъ пользовался
 и великій Давидъ, но почамъ наслаждаюсь
 этою купелью. А столны, поддерживающіе
 крыльце души, дѣлай не какіе либо фригійскіе,
 какъ порфиновые; а напротивъ того постоян-
 ство и неподвижность во всемъ добромъ да
 будутъ для тебя многоцѣннѣе этихъ веществен-
 ныхъ прикрасъ. Подобій же всякаго рода, или
 живописныхъ, или изваянныхъ, какія людскимъ
 искусствомъ на обманъ уготовляются въ под-
 ражаніе истинѣ вовсе не допускаешь такое
 жилище, въ которомъ все наполнено изваяні-
 ями истины. А возжелѣвая состязаній въ бѣгѣ

и прогулокъ, имѣешь вмѣсто сего упражненіе въ заповѣдяхъ. Ибо такъ говоритъ Премудрость: *въ путехъ правды хожду, и посреде стезь оправданія живу* (Притч. 8, 20.). Какъ прекрасно приводитъ душу въ движеніе и упражненіе на сихъ путяхъ, и въ движеніи прошедшему поприще заповѣди снова возвращаться на оное! то-есть, у исполнившаго заповѣдь въ томъ, къ чему прилагается имъ стараніе, пусть въ другой и третій разъ украсятя и преспѣяніе права и благопристойности жизни. Кто такимъ образомъ приводитъ въ красоту свое зданіе, тотъ мало озаботитъ себя земнымъ веществомъ, не будетъ беспокоиться объ ископаемыхъ, не поѣдетъ за индійскія моря покупать слоновою кость, не станетъ напимать для изысканной работы художниковъ, которыхъ искусство посвящено извѣстному веществу; напротивъ того дома имѣеть онъ богатство, доставляющее вещества для такихъ построекъ.

Дѣтми благонравными безобразное положеніе признано достойнымъ сожалѣнія, а сыну глухому и грубому зрѣлище оныяненія служить поводомъ къ смѣху. Великій же списокъ страстныхъ движеній содержитъ въ себѣ признаніе въ пасаженіи винограда. Ибо сколько и какихъ страстныхъ дѣйствій производитъ вино, силу всего этого вѣражаетъ слово. Кто не знаетъ всего того, что вино, когда оно пе-

умѣренностію преступають потребность, бываетъ пицею къ воспаленію непотребства и къ доставленію удовольствій, растлѣніемъ юности, безобразіемъ старости, безчестіемъ для женъ, составомъ приводящимъ въ неистовство, напугіемъ къ безчинству, отравою души, омертвѣніемъ разума, отчужденіемъ отъ добродѣтели. Отсюда безъ всякаго повода смѣхъ, безъ всякой причины плачь, произвольно лькшіяся слезы, ничѣмъ неоправдываемое хвастовство, безстыдство во лжи, пожеланіе неосуществимаго, надежда на несбыточное, падменная угроза, неразумный страхъ, безчувственность къ дѣйствительно страшному, неосновательное подозрѣніе, неразумительное человѣколюбіе, обѣщаніе невозможнаго, не будемъ уже говорить о прочемъ, о неприличной дремотѣ, о расслабляющей боли въ головѣ, о неприличіяхъ отъ неумѣреннаго пресыщенія, о расслабленіи членовъ, о согбеніи шеи, не держащейся уже на плечахъ, когда винная влага расслабитъ связи ея составовъ. Чтѣ произвело это гнусное беззаконіе—кровосмѣшеніе съ дочерьми? Чтѣ въ такой мѣрѣ похитило у Лота разумѣніе сдѣланнаго имъ, что и на гнусный поступокъ отважился, и не зналъ на чтѣ отважился? Кто, какъ бы загадочно, изобрѣлъ странное наименованіе онымъ дѣтямъ? Какъ матери преступнаго плода содѣлались сестрами своихъ чадъ? Какъ дѣти одного и того же имѣ-

ли вмѣстѣ и отнемъ и дѣдомъ? Кто смѣсилъ естество въ беззаконіи? Не вино ли преступившее мѣру произвело это невѣроятное и достопаечное событіе. Не пьянство ли привнесло въ исторію такое похожее на басню сказаніе, которое своею необычайностію превосходитъ и подлинныя басни? *Жюлиа*, сказано, *отца своего винолъ* (Быт. 19, 33.). И такимъ образомъ, когда разумѣніе было изгнано изъ него виномъ, какъ одержимый какими чарами, оставилъ онъ по себѣ міру плачевную эту новѣсть, потому что уносимъ на время преступления у него похищено было чувство. О, для какого вреда жены сіи принесли съ собою это вино изъ содомскихъ запасовъ! О, какое недоброе привѣтствіе изъ дурной чашы влило отцу! О, гораздо было бы лучше и этому вину со всѣмъ прочимъ погибнуть въ Содомѣ, прежде нежели подало оно поводъ къ такому плачевному происшествію! И при такомъ числѣ такихъ примѣровъ ежедневно бывающихъ отъ вина въ мірѣ бѣдствій; безъ стыда въ признаніи своемъ выставяющіи на позоръ себя, говорятъ о себѣ, что онъ сдѣлалъ это, не только чтобы употреблять вино самому, но чтобы позаботиться объ обильнѣйшемъ снабженіи другихъ такимъ достояніемъ.

Насадилъ, говоритъ, *ми винограды*, въ которыхъ не имѣлъ я нужды; потому что самъ я—виноградъ плодоносный, виноградъ духовный.

цвѣтущій, многовѣтвистый, вѣтвями жизни и любвеобильными кольцами соплетающійся съ единоплеменнымъ, красующійся вмѣсто листь-евъ благоприличіемъ нравовъ, возвращающій сладкій и зрѣлый гроздь добродѣтели. Кто насаждаетъ сіе въ собственной дунѣ своей, воздѣлываетъ вино веселящее сердце, *дѣлаетъ свою землю*, по слову приточному (Притч. 12, 11.), какъ требуетъ законъ такого дѣланія, такъ что вызываетъ жизнь разсудкомъ, изъ корпей добродѣтелей исторгаетъ что чуждо ихъ и приросло къ нимъ, орошаетъ душу уроками, серпомъ строго оцѣнивающаго разума обѣкаетъ порывы мысли къ излишнему и бесполезному; тотъ весьма блаженъ въ этомъ дѣланіи, въ чану премудрости выжавъ гроздь свой.

Но не знаетъ такого насажденія, кто обращается къ землѣ и объемлетъ земное; потому что присоединяетъ къ этому богатое украшеніе вертоградовъ и садовъ плодовыхъ. Какая потребность во многихъ садахъ тому, кто имѣетъ въ виду одинъ садъ (б)? Какая мнѣ польза отъ вертограда, произращающаго овощи—ищу немощныхъ? Еслибы я былъ въ томъ саду, то не развлекался бы пожеланіемъ многихъ садовъ. Еслибы здоровою со-

(б) Рай.

хранилъ я душу, такъ что могла бы вкушать твердую пищу, то не заботился бы объ овощахъ, воздѣлывая для пищи, что годно недугу. Но когда однажды къ потребности привзошла роскошь, а пожеланіе ея перешло предѣлы, тогда, за расточительностію въ домахъ и послѣ расходовъ на суетное подъ домашнею кровлею, человѣкъ предается роскоши и подъ открытымъ небомъ, для удовольвенія желанію удовольствіи пользуется и свойствомъ воздуха. Домогается того, что при помощи воздѣлыванія, дерева всегда у него зелены и сѣннолиственны, на воздухѣ служатъ вмѣсто кровли, такъ что и подъ открытымъ небомъ наслаждается, какъ въ домѣ; поверхность земли, по искусству садовника, одѣвается всякаго рода травами, такъ что, куда ни обратить взоръ, повсюду представляется глазу все пріятное, и всегда окруженъ доставляющимъ удовольствіе, во всякое время года видитъ необычное времени, зимою траву, ранніе цвѣты, виноградную лозу обращающуюся въ дерево, и съ чужими вѣтвями сметающую свои вѣтви, нѣжныя объятія плюща съ деревьями. А какіе на нихъ виды плодовъ, будучи смѣшаны другъ съ другомъ изъ разнородныхъ, дѣлаютъ насиліе природѣ, по виду и вкусу показывая въ себѣ нѣчто среднее, такъ что плодъ, по видимому, есть то и другое, что можетъ произойти изъ растворенія разнородныхъ,—о всемъ

этомъ, и если еще что иное изобрѣло въ растеніяхъ искусство, наслающееся природу, чего не изыскиваетъ потребность жизни, ищетъ же необузданное пожеланіе; о всемъ этомъ говоритъ исповѣдающій дѣла свои, что было сіе въ его искусственныхъ вертоградахъ и садахъ. Ибо, сказавъ: (5.) *насадихъ древесъ всякаго плода, собирательнымъ симъ выраженіемъ показавъ, что не было у него недостатка въ подобномъ сему.*

Потомъ, послѣ снѣди, произращаемой подъ открытымъ небомъ и подъ крышею, и вода не оставляется несодѣйствующею разнообразію удовольствій, какъ будто должно наслаждаться всѣми стихіями, землею посредствомъ свойственнаго ей, воздухомъ посредствомъ деревьевъ, водою посредствомъ сдѣланнаго человѣческими руками моря. Ибо чтобы взгляды на воду услаждать обольщеніемъ глазъ, поность дѣлается озеромъ, потому что вода вокругъ обнесена стѣнами зданія, такъ что и купаніе доставляетъ удовольствіе прохлаждающимъ тѣло, и вытекающая вода, дѣлается повсюду, гдѣ потребно орошеніе, дѣласть сады болѣе цвѣтущими. (6.) *Сотворихъ ми, говоритъ Екклесіастъ, купели водныя, еже напоити отъ нихъ прозябеніе древесъ.*

А у меня былъ источникъ райскій, то есть, ученіе добродѣтелей, которымъ орошалась духовная сухость, пока презиралъ я земныя воды,

и наслажденіе которыми временно, и естество которыхъ преходить. И такъ гораздо лучше изъ божественнаго источника, которымъ орошаются и возвращаются душевныя добродѣтели, привести для себя хотя малый потокъ, чтобы въ душахъ нашихъ зеленѣлъ садъ добрыхъ предназначеній, при помощи Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЪДА 4.

Слово наше задерживаетъ еще эта несовѣдь; потому что повѣствующій о своихъ дѣлахъ описываетъ почти все, изъ чего познается суетность дѣлъ этой жизни. Теперь же приступаетъ какъ бы къ большому какому осужденію сдѣланнаго имъ, и къ тому, что служить къ охуденію страсти гордыни. Ибо что изъ изчисленнаго, дорогій ли домъ, множество ли виноградниковъ, красота ли вертоградовъ, собраніе ли водъ въ купеляхъ, или орошеніе ими садовъ, показываетъ столько кичливости, сколько имѣетъ ее въ себѣ, кто, будучи человекомъ, почитаетъ себя владыкою единоземниковъ? А Екклесіастъ говоритъ:

(2, 7.) *Притяжахъ рабы и рабыни, и домочадуы быша ми. Смотри, какое надмѣніе высокоумія! Стать наравнѣ съ Богомъ — вотъ до чего превозносится это слово! Ибо вселенская*

рлботиа превысшей надъ всеми власти, слышали мы въ пророчествѣ (Иса. 118, 91.). По-сему, кто своимъ достояніемъ дѣлаетъ достояніе Божіе, роду своему удѣляя власть ичн-таться господномъ мужей и женъ, тотъ что иное дѣлаетъ, какъ не преступаетъ въ гордынѣ самое естество, смотря на себя, какъ на пѣчто иное отъ своихъ подначальныхъ?

Притяжахъ рабы и рабыни. На рабство осуждаешь человѣка, котораго естество свободно и самовластно, даешь законъ вопреки Богу, извращая законъ данный Имъ естеству. Ибо созданнаго на то, чтобы ему быть господномъ земли, и кого Творецъ поставилъ въ начальство, подводилъ ты подъ иго рабства, какъ бы прекословя и противодѣйствуя божественной заповѣди. Развѣ забылъ ты предѣлы власти, что начальство твое ограничено надзоромъ надъ безсловесными. Ибо сказано: *да обладаетъ* птицами, рыбами и четвероногими (Быт. 1, 26.). Почему же, оставивъ подчиненное тебѣ въ рабство, превозносишься надъ самымъ свободнымъ родомъ, соплеменнаго тебѣ причисляя къ четвероногимъ и даже безногимъ? *Вся покорилъ еси* человѣку, зываетъ въ пророчествѣ Слово (Ис. 8, 7.), и перечисляетъ подчиненныхъ его разуму, скотовъ, воловъ, овецъ. Развѣ отъ скотовъ по твоему произошли люди? Развѣ волы по твоему произвели человѣчскій родъ? Одна услуга

у людей—безсловесныя. *Прозабавяй траву скотамъ, и злакъ на службу челоуькоумъ* (Пса. 103, 14.); а ты, смѣшавъ естество рабства и господства, сдѣлаешь, что оно само себя служитъ, и само надъ собою господствуетъ.

Притязаня рабы и рыбыни. За кабую, скажи мнѣ, цѣну? Какое изъ существъ нашель ты равноцѣннымъ этому роду. Какой монетой оцѣнилъ разумъ? Сколько олововъ поставилъ за образъ Божій? За сколько статировъ купилъ богоздашнюю природу? *Рече Богъ: сотворилъ челоуька по образу Нашему и по подобію* (Быт. 1, 26.). И этого по Божию подобію сущаго князя всей земли, отъ Бога наслѣдовавшаго власть надъ всѣмъ, что на землѣ, скажи мнѣ, кто продаетъ, и кто покупаетъ? Одному Богу возможно это; лучше же сказать, и Самъ Богъ не можетъ сего. *Не раскаянна бо, какъ сказано, дарованія Ею* (Рим. 11, 29.). Поэтому естества нашего не поработить и Богъ, Который призвалъ въ свободу насъ, самовольно поработившихся грѣху. Еслиже Богъ не поработяетъ свободнаго, кто владычество свое поставилъ выше Божія? Какъ будетъ проданъ князь всей земли и всего, что на землѣ? Ибо совершенно необходимо, чтобы вмѣстѣ было продано и достояніе покупаемаго. Во сколько же оцѣнимъ то, что въ цѣлой землѣ? А если это не оцѣнимо; то, скажи мнѣ, какой цѣны достоинъ тотъ, кто выше сего? Если наименуешь цѣ-

мый міръ, то и тогда не найдешь достойной цѣны. Ибо Вѣдуцій, какъ въ точности оцѣнить естество человѣческое, сказалъ, что и цѣлый міръ — недостойный выкупъ за душу человѣческую (Матѳ. 16, 26.). Посему, когда продается человѣкъ, не иное что выводится на торжище, какъ господинъ земли. А поэтому вмѣстѣ съ нимъ провозглашена будетъ продажною и тварь, то есть, земля, море, острова и все, что на нихъ. Итакъ чѣмъ же будетъ платить за это покупающій? Что получить продающій, когда такое пріобрѣтеніе послѣдуетъ за обмѣномъ? Но небольшая книжка, письменный договоръ, отчисленіе олововъ обманули тебя, будто бы ты сталъ владыкою образа Божія. — Какое безуміе! Если договоръ утратится, если писаніе источить моль, или смость уладшая откуда нибудь капля воды, гдѣ у тебя будутъ поручительства? гдѣ у тебя права на владычество?

Сверхъ сдѣланнагося тебѣ подручнымъ по имени ничего больше не вижу, кромѣ одного имени. Ибо что къ природѣ твоей прибавила власть? Ни времени, ни преимуществъ; и рожденіе твое отъ тѣхъ же людей, и образъ жизни такой же, и тобою господствующимъ, и имъ подчиненнымъ господству, въ равной мѣрѣ обладаютъ душевныя и тѣлесныя страсти, страданія и радости, веселія, безпокойства, печали и удовольствія, раздраженія и страхи.

болѣзни и смерти. Никакого нѣтъ въ этомъ различія у раба съ господиномъ. Не тотъ же ли воздухъ втягиваютъ въ себя дыханіемъ? Не также ли смотрятъ на солнце? Не одинаково ли принятіемъ новой пищи поддерживаютъ естество? И оба по смерти не одинъ ли прахъ? Не одинъ ли судъ? Не общее ли царство, не общая ли и гесенна? Во всемъ имѣя равное, скажи, въ чемъ же имѣешь больше, чтобы тебѣ, будучи человѣкомъ, почитать себя владыкою человѣка?

И притяжахъ, говорншь, рабы и рабыни, какъ стадо какое козловъ или свиней. Ибо сказавъ, что притяжалъ себѣ рабы и рабыни, присовокупилъ о прежде бывшемъ у него обиліи овецъ и воловъ: и стяжаніе скота, и стадъ много ми бысть, говоритъ Екклесіастъ, какъ будто въ одномъ порядкѣ тѣ и другіе подчинены его власти. Потомъ въ слѣдъ за симъ исповѣданіе грѣховъ переходитъ къ важнѣйшимъ. Ибо приписываетъ себѣ корень всѣхъ злыиъ, сребролюбіе (1 Тим. 6, 10.). Слово же въ слово говоритъ такъ:

Собрахъ ми сребро и злато. Какую скорбь причиняло золото землѣ, будучи смѣшано съ нею и разсыпано въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ началѣ положено было Творцемъ? Что сотворилъ Создатель приносящаго пользы болѣе, нежели плоды земные? Не одни ли древесные плоды и сѣмена удѣлилъ Онъ въ нищу? Для

чего преступилъ ты предѣлы власти? Или докажи, что дозволено тебѣ Творцемъ и это, — рыться и углубляться въ землѣ, огнемъ расплавлять, что подъ землею, и собирать, чего не сѣялъ; или, можетъ быть, иной не вмѣнить себѣ и въ вышю собирать такимъ образомъ деньги, вырывая изъ земли? Но поелику прилагается къ слову: *и ильнїя царей и странъ*; то мысль о собиранїи дѣлается уже не безответственною. Ибо сколько позволительно царской власти собирать имѣніе съ *странъ*, то есть, сколько налагать подати, сколько требовать десятины, къ какимъ денежнымъ вносамъ понуждать подданныхъ, Екклесїастъ говоритъ, что такъ онъ собиралъ тогда золото и серебро. Впрочемъ охотно желалъ бы я дознать, что прибудеть у собирающаго такъ, или иначе, подобныя вещества? Согласимся на то предложенїе, что не по мѣасу, или драхмѣ, или таланту прибываютъ они у сребролюбцевъ, но вдругъ озолотилось у нихъ все, земля, песокъ, горы, равнины, холмы; предположимъ, что все внезапно превратилось въ это вещество; чѣмъ же въ благоденствїи возрастетъ чрезъ это жизнь? Если во всемъ увидить то, что усматриваетъ теперь въ маломъ количествѣ, какое изъ душевныхъ благъ, что изъ вождельннаго для тѣла, прибудеть отъ сего обилїа? Родится ли отъ сего надежда, что живущїи въ такомъ обилїи зо-

лота сдѣлается мудрымъ, оборотливымъ, разумнымъ, свѣдущимъ, боголюбивымъ, цѣломудреннымъ, чистымъ, безетрастнымъ, не допускающимъ до себя и не терпящимъ всего того, что привлекаетъ къ пороку? Или, хотя и не въ силахъ сего сдѣлать, можетъ однакоже на многія столѣтія продолжить жизнь тѣлу; сдѣлать его нестарѣющимъ, безболѣзненнымъ, невредимымъ, дать ему все, что желательно для жизни плотской? Но никто не суетенъ такъ, и немалосвѣдущъ столько въ общемъ нашемъ естествѣ, чтобы подумать, будто бы и это будетъ у людей, если въ неисчетномъ множествѣ ко всѣмъ потечетъ по желанію каждаго то вещество, изъ котораго дѣлаются деньги. Ибо и нынѣ можно видѣть, что многіе изъ преимуществующихъ такимъ обиліемъ живутъ въ самомъ жалкомъ тѣлѣ, и еслибы не было при нихъ врачующихъ, то безъ врачей не могли бы они и жить. Итакъ, если предположительно присвояемое намъ словомъ обиліе золота не показало никакой выгоды ни тѣлу, ни душѣ; то тѣмъ паче оказывающееся въ маломъ количествѣ обличается не служащимъ къ пользѣ имѣющихъ его. Или что будетъ обладающему отъ этого вещества, когда не дѣйствуетъ оно ни на вкусъ, ни на обоняніе, ни на слухъ, да и для осязанія ту же имѣетъ цѣну, какъ и все твердое? По мнѣ никто въ прибавокъ къ золоту не дастъ добываемыхъ

въ обмѣнъ на него пищи, или одежды. Ибо кто на золото вымѣнялъ хлѣбъ или одежду, тотъ за полезное вознаградилъ бесполезнымъ, и онъ живъ, сдѣлавъ для себя пищею хлѣбъ, а не золото. А кто такимъ промѣномъ собралъ себѣ это вещество, тотъ на что употребляетъ деньги сіи, какимъ совѣтомъ пользуется отъ нихъ, какимъ ученіемъ въ дѣлахъ настоящихъ, какимъ предсказаніемъ о будущемъ? Какое имѣеть отъ нихъ утѣшеніе въ болѣзняхъ тѣлесныхъ? Считаетъ, откладываетъ, налагаетъ печать; если спрашиваютъ, отрекается, и если не вѣрять, клянется,—вотъ блаженство, вотъ копецъ старанія, вотъ наслажденіе: до этого простирается все счастье — доставить пищу клятвопреступничеству!

Но у золота, говорятъ, и видъ доброцвѣтнѣйшій; но красивѣе ли оно огня, но прекраснѣе ли звѣздъ, но свѣтлѣе ли лучей солнечныхъ? Кто же препятствуетъ тебѣ въ этомъ наслажденіи, такъ что необходимо тебѣ доброцвѣтностію золота доставлять удовольствіе взорамъ?—По огонь, говорятъ, гаснетъ; солнце заходитъ, и пріятность этого свѣтила не всегда ощутительна.—Да и у золота во тмѣ, скажи мнѣ, какое различіе съ свинцомъ? — Но, изъ огня или звѣздъ, говорятъ, не было бы у насъ кожъ, занястѣевъ, пряжекъ, поясовъ, ожерельевъ, вѣнковъ, и подобнаго тому; золото же и это доставляетъ, и если что иное дѣ-

лается для украшенія. Такъ желаніе защитить это вещество привело къ самому главному въ рачительности о суетѣ. Ибо сіе самое и скажу имъ: «о чемъ старается, кто золотомъ разивѣтилъ себѣ волосы, или примкнулъ украшенія къ устамъ, или кожу на шеѣ обложилъ ожерельями, или показываетъ, что на другой какой либо части тѣла носятъ золото? Гдѣ бы ни было оно возложено на тѣлѣ, самъ человѣкъ нимаго не преобразится отъ блеска золота. Кто видитъ златоносца, тотъ также смотритъ на золото, какъ бы если оно лежало въ лавкѣ, а посяцаго видитъ такимъ же, какимъ привыкъ его видѣть. Пусть это золото хорошо будетъ обдѣлано и вычеканено, пусть заключаетъ въ себѣ цвѣтные и огневидные камни, тѣмъ не менѣе естество никакого не пріобрѣтаетъ ощущенія отъ возложеннаго на человека; но ежели есть у него какое поврежденіе на лицѣ, или не достаетъ чего либо изъ естественныхъ принадлежностей, или глазъ выколотъ, или на щекѣ проведенъ отвратительный рубецъ; то гнусность остается на виду, не помрачаемая блескомъ золота; и если кому случится имѣть болѣзненное тѣло, то вещество сіе не доставитъ никакого утѣшенія страждущему. Поэтому для чего заботиться о томъ, что у заботящихся не приноситъ ничего полезнаго ни красотѣ, ни благосостоянію тѣла, и не утѣшаетъ въ скорбяхъ?» И какое распо-

ложеиіе у привязанныхъ сердцемъ къ сему веществу, когда, пришедши въ сознаиіе личности такого стяжанія, радуются, какъ будто имѣющіе у себя нѣчто большее. Если кто спросить ихъ: «одобряете ли, чтобы сестество перемѣнено было у васъ въ это; и сдѣлалось тѣмъ, что съ такимъ расположеніемъ вами цѣнится; согласитесь ли на сію перемѣну, чтобы изъ людей стать вамъ золотомъ; и оказаться уже не словесными, разумными, для жизненныхъ отправленій имѣющими у себя чувствительна, по желтымъ, тяжелыми, нѣмыми, неодушевленными и безчувственными, каково сестество золота?»—то не думаю, чтобы согласились на это даже сильно похотѣніемъ своимъ привязанные къ сему веществу. Посему, если для здравомыслящихъ желаніе, имѣть чловѣку свойства неодушевленнаго вещества, служить проклятіемъ; то какое безумное нествество заботиться о приобрѣтеніи того, чему концемъ суета, такъ что, приведенные въ бѣшенство деньгами ради нихъ осмѣливаются на убійство и разбой?

И не на это только, но и на лукавое примышленіе ростовъ, которое иной, назвавъ новымъ разбоемъ и убійствомъ, не погрѣшитъ противъ истины. Ибо какая разность имѣть у себя чужое, что тайно награблено изъ подкорманной стѣны, и убивъ прохожаго, сдѣлаться обладателемъ его собственности, или вынуж-

деннымъ ростомъ приобрѣсть себѣ непринадлежащее? Какое худое проименованіе! ростъ служить именемъ разбою (в). Какое горькое супружество! Какое лукавое состояніе, котораго не признала природа, и которое недугъ сребролюбцевъ ввелъ у неодушевленныхъ! Какое тяжкое чревоношеніе, отъ котораго рождается такой приплодъ! Изъ существъ одушевленное только различается мужскимъ и женскимъ поломъ. Имъ сказалъ по сотвореніи Богъ: *раститесь и множитесь* (Быт. 1, 22.), чтобы рожденіемъ другъ отъ друга живыя существа возрастали до множества. А этотъ приплодъ золота вслѣдствіе какого бываетъ брака? вслѣдствіе какого чревоношенія происходитъ на свѣтъ? Но знаю болѣзни рожденія такого приплода, научившись у Пророка: *се болю неправдою, зачатъ болѣзнь, и роди беззаконіе* (Иса. 7, 15.). Вотъ тотъ приплодъ, которымъ болѣла любостыжательность, который рождаетъ беззаконіе, повиваетъ челоуѣкопенавистничество. Ибо кто скрываетъ всегда свой недостатокъ, увѣряетъ съ клятвою, что ничего не имѣетъ, тотъ, какъ скоро увидитъ, что давить кого нибудь нужда, является тогда съ чреватимъ карманомъ, но корыстолюбію мучится

(в) Греческое слово: *δ τὸκος* значить вообще приплодъ, а поему какъ ростъ на деревьи, такъ и плодъ чрева.

тогда рождениемъ лукаваго роста, несчастному показываетъ надежду на заемъ, чѣмъ подбавляетъ пищи его злосчастію, подобно тому, кто масломъ тушитъ огонь; потому что займомъ не врачуетъ, но усиливаетъ потерю. И какъ въ засуху нивы сами собою произращаютъ терніе, такъ и при несчастіяхъ у любостяжательныхъ готовъ ростъ для бѣдствующихъ. Потомъ протягиваетъ руку съ деньгами, какъ уда крючекъ, прикрытый приманкою. А бѣднякъ, обольстившись достаткомъ въ настоящую минуту, если что и было у него сокрыто въ кладовой, выблевываетъ вмѣстѣ съ потянутымъ крючкомъ. Таковы-то благодѣянія роста! Если кто насильно отниметъ, или тайно украдетъ у другаго путевый запасъ, называютъ его грабителемъ, воровъ и тому подобными именами; а кто причиняетъ засвидѣтельствованную обиду и жестокость, договорами подтверждаетъ беззаконіе, того называютъ челоувѣколюбивымъ, благодѣтелемъ, спасителемъ и всѣми добрыми именами. Приобрѣтенное грабежемъ называется кражею, а кто при такой нуждѣ обнажаетъ Христа, того жестокость величается челоувѣколюбиемъ; ибо такъ называютъ наносимый ущербъ бѣднякамъ.

Собрахъ ли злато и сребро. Но премудрый, обучая жизни, къ списку того, въ чемъ иновѣдуется, причислилъ и сіе для того, чтобы люди дознали отъ извѣдавшаго опытомъ, что

это есть одно изъ дѣлъ осуждаемыхъ за неумѣстность, прежде извѣданія опытомъ охраняли себя отъ прираженія этого зла, какъ и мѣстами, гдѣ водятся разбойники и звѣри, можно проходить уже безъ вреда, потому что прошли напередъ подвергавшіеся на нихъ опасности. Но прекрасно Божественный Апостоль, прекрасно опредѣляетъ страсть сребролюбія, назвавъ ее корнемъ *всяко злыно* (1 Тим. 6, 10.). Если къ какой либо части тѣла бываетъ приливъ испорченнаго и гнилаго сока, и дѣлается въ томъ мѣстѣ воспаленіе; то всего необходимѣе, чтобы скончившаяся влага, по устремленіи ея къ наружности, прорвалась въ какомъ либо особомъ мѣстѣ и парывѣ. Такъ въ комъ бываетъ приливъ недуга сребролюбія, въ томъ страсть всего чаще склоняется къ невоздержанію. Поэтому Екклесіастъ въ слѣдъ за обиліемъ золота и серебра къ предшествующей болѣзни присовокупляетъ слѣдующее за нею неobservеніе благоприличія. Ибо говорить:

Сотвори хъ ми поющихъ и поющія, услажденія пиршествъ, виночерпцы и виночерпцы. Достаточно напоминанія имени, чтобы выставить на позоръ эту страсть, къ которой проложенъ нуть недугомъ сребролюбія. Какъ неумѣстна эта утонченность въ искусствахъ! Какъ внезапно покрываетъ эта рѣка удовольствій, какъ бы двумя потоками слуха и зрѣнія наводняя души, чтобы онѣ и видѣли и слышали худое!

Пѣніе подчиняетъ себѣ слухъ, зрѣніе преобладаетъ взоръ. Тамъ женскій голосъ вольною стройностію пѣсней вводитъ за собою въ сердце страсть; здѣсь взоръ, подобно какому-то военному орудію, поражая глаза разнѣженнаго уже пѣснями поражающаго, подчиняетъ себѣ душу. Вождемъ же этой дружины бываетъ вино, подобно нѣкоему лукавому стрѣлку, уязвляющее человѣка двоякаго рода стрѣлами, направляющее острія на слухъ и зрѣніе. Ибо стрѣлою для слуха служитъ пѣніе, а для взора—видимое. Не даромъ употреблено имя виночерпцевъ, по конечно названіе дается сообразно съ самымъ дѣломъ. Посему, когда пирующимъ обильно разливается цѣльное вино, а для этой прислуги употребляется юность, цвѣтущая красотою, или отроки убранные по женски, или самый женскій полъ присутствующій при пиршествѣ, и съ благожеланіями сливающій неблагопристойный помысль; тогда чѣмъ въ иной разъ естественно окончится такимъ усиліемъ? Ибо кто во всякомъ дѣлѣ предполагаетъ для себя пѣль, и пресунаетъ потребность въ заботливости о томъ, какъ нарядить поющихъ пѣсни, тотъ въ какое платье одѣнетъ виночерницъ, объ этомъ подобно лучше молчать, и не услубляться словомъ въ описаніе подобныхъ вещей, чтобы въ людяхъ страстныхъ напоминачіе сіе не раздражило ранъ самымъ обвиненіемъ. Вотъ на чтò золото, вотъ

для чего серебро — готовить такія при-
манки наслажденію!

Не поэтому ли страсть сластолюбія въ Пи-
савин называется змѣемъ, который имѣетъ
свойство, если голова его пройдетъ въ пазъ
стѣны, пройти въ него и вѣемъ тянущимся
сзади тѣломъ? Напримѣръ что скажу? Природа
дѣлаетъ необходимымъ для людей жилище; но,
по этой потребности сластолюбіе, вползая въ
пазъ души, превратило сію потребность въ
безмѣрную трату на дорогія убранства, и из-
мѣнило предметъ заботы; потомъ этотъ звѣрь—
сластолюбіе проползаетъ къ какимъ-то вино-
градникамъ, купелямъ, садамъ и украшеніямъ
вертоградовъ. Послѣ сего вооружается гордо-
стію, облекается въ кичливость, присвоивая
себѣ начальство надъ соплеменными. За симъ
тянется слѣдъ сребролюбія, за которымъ по
необходимости слѣдуетъ невоздержаніе — это
последняя и крайняя часть уподобленія въ
сластолюбіи звѣрю. Но какъ змѣю не возможно
втащить за край хвоста, потому что, чувствуя
естественнымъ образомъ, упирается вопреки
втаскивающимъ: такъ невозможно начинать съ
крайнихъ частей души, чтобы выжить изъ нея
вторгнувшееся сластолюбіе, если кто не загра-
дитъ этому злу перваго входа. Почему Настав-
никъ добродѣтели повелѣваетъ блюсти его
главу, главою называя начало порока, въ ко-
торомъ, если оно не допущено, бездѣйствен-

нымъ остается прочее. Ибо кто враждебно противосталъ удовольствію вообще, тотъ не поддастся частнымъ прираженіямъ страсти. А кто допустилъ въ себя начало страсти, тотъ съ этимъ вмѣстѣ принялъ въ себя цѣлаго звѣря. Поэтому выводящій наружу таковыя страсти, описавъ все, повторяетъ слово кратко. Ибо сказавъ въ началѣ: *возвеличихъ твореніе мое*, присоединяетъ теперь по частямъ изложеніе сдѣланнаго, а именно говоритъ: *возвеличихся*, показывая, что вѣдѣніе противоположнаго произошло у него не отъ чего либо малаго, но что опытъ доведенъ до самой крайней величины, такъ что въ бывшемъ прежде него не равняется этому ни одно воспоминаіе о чемъ либо подобномъ. Ибо говоритъ: *возвеличихся*; и даже присовокупилъ: *паче всѣхъ бывшихъ прежде мене во Іерусалимѣ*, и открылъ теперь цѣль, для которой спизомель до испытанія такихъ вещей, обучившись всякой премудрости.

(9) *И мудрость моя пребысть со мною*, говоритъ Екклесіастъ. Даетъ же разумѣть сказаннымъ, что съ мудростію испытывалъ всякое примышленіе наслажденія, что разумѣніе его остановилось на самомъ верху найденнаго въ этомъ; зрѣніе содѣйствовало пожеланію, произволеніе при удовольствіи взоровъ преисполнилось вождельваемымъ, такъ что ничего не оставалось изъ примышленнаго къ наслаж-

денію, но участіе въ удовольствіяхъ содѣлалось долею пріобрѣтенія. А это, кажется мнѣ, не иное чтó значить, но то, что въ себѣ самомъ имѣлъ онъ способность примыслить всякое наслажденіе, какъ бы съ имѣнія какого, съ того, чтó дѣлалось, собирая въ плодъ веселіе.

(10) *И не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего, и сердце мое возвеселися во всякомъ трудѣ моемъ: и сіе бысть часть моя отъ всего труда моего.* Частію Екклесіастъ называетъ обладаніе. Итакъ, когда по частямъ описалъ наслажденія, продолжая отъ начала до конца, и изображая словомъ все, съ чего наслаждающимся собираются удовольствія, красоту зданій, виноградники, вертограды, купели, сады, начальство надъ соплеменниками, обиліе денегъ, приготовленіе увеселеній на пиршествахъ, всё, какъ называетъ онъ, *усласжденія*, которыми занималась его мудрость, изслѣдывая и примысливая подобное тому, чѣмъ, какъ говоритъ Екклесіастъ, наслаждался онъ всякимъ чувствомъ, и глазами находящими, чтó служить къ удовольствію, и душою не возбранно имѣющею все, чего она вожелѣвала; тогда объясняетъ то выраженіе, которое употребилъ въ началѣ слова, обо всемъ отозвавшись, что все суета. Ибо, смотря на сіе, рѣшительно говоритъ о человѣческой жизни, что все суета, и чтó чувство видитъ, и чтó предначивается людьми для веселія.

(11) *И призьхъ на вся творенія моя, яже сотвориста руцѣ мои, и на трудъ, и яже трудихся творити: и се вся суета, и произволеніе духа, и нѣсть изобиліе подъ солнцемъ. Ибо вся сила и дѣйственность чувствъ имѣеть предѣломъ жизнь подъ солнцемъ; преступить этотъ предѣлъ и постигнуть разумѣніемъ блага превыснія естество чувственное не въ состояніи. Посему, обзрѣвъ все это и подобное сему, обучаешь не смотрѣть въ жизни ни на что здѣшнее, ни на богатство, ни на любочестіе, ни на начальство надъ подчиненными, ни на увеселенія, забавы и пиршества, и если что иное признается драгоценнымъ; но видѣть, что одинъ конецъ всему подобному—суета, въ которой не обрѣтается напослѣдокъ обилія. Ибо какъ пишущіе на водѣ, хотя производятъ рукою писмена, начертывая на влагѣ изображенія буквъ, но ни одно изъ начертаній не остается въ своемъ видѣ, стараніе же написать ограничивается однимъ дѣйствіемъ писанія; потому что за пишущею рукою слѣдуетъ всегда поверхность воды, сглаживающая начертанное: такъ все стараніе о наслажденіи и вся дѣятельность обнаруживаются въ томъ, что дѣлается это. А съ прекращеніемъ дѣйствія и наслажденіе изглаждается, и не сберегается ничего на послѣдующее время, и въ усладившихся не остается никакого слѣда веселія, или остатка въ удовольствіи прошедшей дѣятельности. Сіе-*

то означаетъ слово изрекшее: *нѣсть изобиліе подъ солнцемъ* трудящимся о чемъ либо такомъ, чему предѣль суета. Чуждыми сего да будемъ и мы по благодати Господа нашего Іисуса Христа! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

БЕСѢДА Б.

Теперь великимъ Вождемъ Церкви совершается для насъ тайноводство къ возвышеннѣйшимъ урокамъ. Ибо, предпочистивъ души въ предшествовавшихъ бесѣдахъ, и устранивъ всякое остающееся въ людяхъ пожеланіе суетнаго, такимъ образомъ приводитъ онъ къ истиннѣ умъ, отрясній съ себя горестъ суеты, какъ нѣкоторое бремя съ рамень. Таковому же какъ бы догмату да обучится Церковь, дознавая изъ настоящаго ученія, что начало добродѣтельной жизни—стать внѣ порока. Посему и великій Давидъ, предлагая въ псалмовнїяхъ нѣкое предварительное руководство къ чистому образу жизни, начинается въ словѣ не съ того, что въ ученіи о блаженствахъ представляется совершеннѣйшимъ. Ибо не сказалъ прежде всего, что блаженнѣе всѣхъ, кто во всемъ благоуспѣшенъ, уподобляется дереву, насажденному при исходящѣхъ водъ, всегда цвѣтеть, пребывая въ добрѣ, и въ надлежащее время пожинаетъ плоды жизни; но

началомъ блаженства поставилъ онъ удаленіе отъ зла; такъ какъ невозможно и добрымъ сдѣлаться, пока не омоешь съ себя скверну порока. Такъ и великій сей Екклесіастъ сперва очищаетъ словомъ отъ суетнаго, чтобы, какъ въ больномъ тѣлѣ, возстановилось благо здравія. Почему и преслѣдовалъ онъ словомъ суету, сказавъ, что чувство—не надежный оцѣнщикъ прекраснаго, представилъ взорамъ несостоятельность того, чего домогается вождельвательное наше расположеніе, отлучилъ отъ наслажденія тѣлеснаго, и такимъ образомъ показываетъ, что подлинно достойно избранія и истинно вождельвно то, раченіе о чемъ есть нѣчто дѣйствительное и состоятельное, всегда пребывающее для участвующихъ въ этомъ, и далекое отъ всякой суетной мысли.

(2, 12) *И призьтъ азъ видѣти мудрость,* говоритъ Екклесіастъ. Но чтобы въ точности видѣть желаемое, видѣлъ я прежде лести и безуміе; потому что взгляды на желаемое дѣлается болѣе точнымъ при сличеніи съ противоположнымъ. Мудрость же именуется онъ совѣтомъ, говоря: *яко кто чловѣкъ, уже пойдетъ въ слѣдъ совѣта, елика сотвори въ немъ?* Посему научаетъ, какая это чловѣческая мудрость—слѣдовать мудрости истинной, которую именуется и совѣтомъ, творящимъ истинно сущее и состоятельное, а не въ суетѣ представляющимся. Это есть верхъ чловѣческой муд-

рости. А истинная мудрость и совѣтъ, по моему мнѣнію, ни иное что, какъ мудрость о всемъ промыслительная: это—мудрость, которую все сотворилъ Богъ, какъ говоритъ Пророкъ: *вся премудростію сотворилъ еси* (Псал. 103, 24.). Христось же—*Божія сила и Божія Премудрость* (1 Кор. 1, 24.), которую все приведено въ бытіе и устрояется. Посему, если человѣческая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы придти въ уразумѣніе истинныхъ дѣлъ дѣйствительной мудрости и совѣта, а дѣломъ онаго совѣта, или оной мудрости, по моему мнѣнію, нетлѣніе, блаженство души, мужество, справедливость, благоразуміе и относительно къ добродѣтели всякое умопредставляемое имя и понятіе; то ею послѣдовательно приводимся, можетъ быть, къ вѣдѣнію благъ. Когда, говоритъ Екклесіастъ, увидѣлъ я это, тогда, какъ бы на вѣсахъ, различилъ сущее отъ несущаго, чтобы найти разность между мудростію и безуміемъ, какъ можетъ быть она найдена при сравненіи свѣта съ мракомъ. И мнѣ кажется въ разсужденіи прекраснаго прилично воспользоваться примѣромъ, взятымъ отъ свѣта, потому что тма по естеству своему не состоятельна; безъ чего либо преграждающая солнечный лучъ не будетъ и тмы. Свѣтъ же самъ по себѣ умопредставляется въ собственной своей сущности. Сямъ примѣромъ Екклесіастъ показываетъ, что порочность не состоятельна

сама по себѣ, но составляется лишеніемъ добра. А доброе всегда одинаково, и постоянно пребываетъ, и составляется безъ всякаго предварительнаго лишенія чего нибудь. Умопредставляемое же противоположнымъ доброму, въ сущности не существуетъ. Ибо что не существуетъ само по себѣ, то вовсе не существуетъ. И порочность есть лишеніе сущаго, а не бытіе. Посему равна разность, какъ между свѣтомъ и тмою, такъ между мудростью и безуміемъ. Ибо подъ именемъ мудрости Екклесіастъ объемлетъ отчасти всякое добро, а безуміемъ означаетъ все естество зла. Но какая намъ польза удивляться доброму, если учителемъ не будетъ указать какой либо путь къ пріобрѣтенію сего? Посему послушаемъ учащаго, какъ и намъ содѣлаться причастниками прекраснаго.

(14) *Мудраго*, говорить, *очи его во главъ его*. Что это значить? Есть ли вообще живое существо, назовемъ ли живущее въ водѣ, или на сушѣ, или въ воздухѣ, у котораго бы это чувствилище—глаза совершенно было внѣ головы? Ибо у всякаго глазъ напередѣ прочаго тѣла, а у имѣющихъ голову утверждень въ головѣ. Почему же Екклесіастъ говорить здѣсь, что у одного мудраго голова имѣетъ очи? Или подразумѣваетъ въ словѣ то, что есть нѣкое сходство между усматриваемымъ въ дунѣ и между частями тѣла? И какъ въ устроеніи тѣла

преимуществоющее надъ цѣлымъ называется головою, такъ и въ душѣ вмѣсто головы разумѣется владычественное и первенствующее? И какъ подошву ноги называемъ пятою, такъ у души можетъ быть подошва, которою соприкасается она съ сроднымъ ей тѣломъ, и тѣмъ подлежащему сообщаетъ чувствительную силу и дѣятельность? Посему, когда прозрительная и зоркая сила души занята чувственнымъ, тогда въ пяты ея перемѣщается естество очей, которыми разсматриваетъ дальнее, оставаясь невидящею высшихъ зрѣлищъ. Но если, познавъ суетность подлежащаго разсмотрѣнію, возводитъ взоръ къ Главѣ своей, Которая, какъ толкуетъ Павелъ, *есть Христосъ* (Ефес. 4, 15.); то да убажается за острозрѣніе, имѣя очи тамъ, гдѣ нѣтъ помраченія зломъ. Великій Павелъ и иные, если подобно ему велики, и всѣ, которые о Христѣ живутъ, движутся и существуютъ, имѣли очи во главѣ. Какъ сущему во свѣтѣ невозможно видѣть тму, такъ невозможно и имѣющему око во Христѣ устремлять его на что либо суетное. Посему, кто имѣетъ очи *во главѣ*, глава же, какъ уразумѣли мы,— начало всего, тотъ имѣетъ очи во всякой добродѣтели (потому что всяческая добродѣтель есть Христосъ)—въ истинѣ, въ справедливости, въ нетлѣніи и во всякомъ добрѣ.

Посему *мудраго очи его во главѣ его, а безумный во тмѣ ходитъ*. Ибо кто свѣтильника своего

не выдвигаетъ на свѣщникъ, но ставитъ подъ помостомъ постели, тотъ свѣтъ дѣлаетъ для себя тмою, ставъ творцемъ несостоятельнаго. Несостоятельное же суетно. Поэтому тма по значенію равняется суетѣ. И душа безумнаго, сдѣлавшись какою-то плотолюбивою и плотскою, смотря на это, ничего не видитъ. Ибо острозрительность въ этомъ подлинно есть тма. Видишь ли этихъ живыхъ и оборотливыхъ въ житейскомъ людей, называемыхъ правовѣдами, какъ пролагаютъ себѣ путь къ неправдѣ, свидѣтелями, защитниками, записями, услужливостію судей, чтобы и зло сдѣлать и подвести подъ наказаніе? Кто не подивится тонкости и изворотливости такихъ людей? Но однакоже слѣпы такіе люди, если устремить пытлиное око на того, кто обращаетъ взоръ въ горнее, поставленъ во главѣ существъ, совершенно слѣпы они, украшающіе пяту свою, угрызаемую зубами змія; тѣмъ самымъ, что обращаютъ взоръ къ дольнему, начертываютъ въ себѣ велѣнія грѣха. Ибо *любитъ неправду, ненавидитъ свою душу* (Пса. 10, 5.). И ублажаемое ими въ людяхъ бѣдственнѣе всякаго злополучія.

Но сколько еще наоборотъ такихъ, которые пренсполнены на высотѣ совершаемыхъ подвиговъ, заняты созерцаніемъ истинно сущаго, почитаются же какими-то слѣпцами и людьми бесполезными въ дѣлахъ вещественныхъ, какъ

хвалится таковымъ о немъ мнѣніемъ и Павелъ, называя себя *буилъ Христа ради*; потому что его благоразуміе и мудрость не были заняты ничѣмъ вожделѣваемымъ здѣсь? Почему и говорить: *мы буи Христа ради* (1 Кор. 4, 10.), какъ бы выражая снмъ: мы слѣпы для долей жизни, такъ какъ устремляемъ взоръ въ горнее и имѣемъ очи во главѣ. По сей-то причинѣ не имѣлъ онъ ни дома, ни стола, былъ нищимъ, скитальцемъ, терпѣлъ наготу, томился голодомъ и жаждою. Но таковымъ будучи долу, смотри, какимъ онъ былъ горѣ. Ибо возвысившійся до третьяго неба, гдѣ была его глава, тамъ имѣлъ очи, приводимый въ восхищеніе неизреченными тайнами рая, усматривающій незримое и наслаждающійся тѣмъ, что выше чувства и разумѣнія. И кто не почитетъ его жалкимъ, видя узникомъ, приѣмлющимъ раны подъ ударами, утонающимъ во время кораблекрушенія и вмѣстѣ съ узами носимаго по морскимъ волнамъ? Но если и терпѣлъ подобное сему среди людей, то не отрекся непрестанно имѣть очи во главѣ, говоря: *кто ны разлучитъ отъ любви Христовой во Христѣ Иисусѣ? Скорбы ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или меч* (Рим. 8, 35.)? А это значить тоже, что сказать: кто вырветъ у меня очи изъ головы, и переставитъ ихъ на попираемое ногами и земное? Но сіе Апостолъ повелѣваетъ равно дѣлать и намъ, научая гор-

ия *мудрствовать* (Кол. 3, 2.), что подобно тому, какъ если бы потребовалъ имѣть очи во славѣ.

Но если дознали мы, почему *мудраго очи во славѣ ею*, то будемъ бѣгать безумія, которое, для проходящихъ настоящую жизнь, бываетъ какою-то тмою. Ибо сказано: *а безумный во тмѣ ходитъ*. Безумный же, какъ говорить пророчество, есть тотъ, который говорить въ сердце своемъ: *нѣсть Богъ*, растлѣнъ и омерзился *въ начинаніихъ* (Пса. 13, 1.). А что по порядку рѣчи сказано въ послѣдующемъ, то врачуеть до малодушія привязанныхъ къ настоящей жизни, по мнѣнію которыхъ смерть есть нѣчто тяжелое, и какъ они увѣрены, для проходящихъ высшій образъ жизни никакой нѣтъ пользы отъ жизни добродѣтельной, потому что для тѣхъ и другихъ жизнь разрѣшается однимъ и тѣмъ же концемъ, и что, хотя преуспѣемъ въ лучшей жизни, смерти избѣжать не возможно. Посему Екклесіастъ, какъ бы отъ собственнаго своего лица, дѣлая подобныя симъ возраженія, снова нападетъ на нецѣпность представляющихъ оныя, какъ не обращающихъ вниманія на естество существующаго, и показываетъ разность добродѣтели и порока, и въ чемъ одна предъ другимъ преимуществуетъ, такъ что надѣмся отъ нихъ не какой либо равной чести, по причинѣ вообще всѣхъ постигающей смерти, но по причинѣ въ

послѣдствіи ожидающихъ благъ или золь находимъ сію разность. Буквально же возраженіе сіе читается такъ:

Увѣдѣхъ азъ, яко случай единъ случится всѣмъ имъ. (15) И рѣхъ азъ въ сердцахъ моихъ: якоже случай безумнаго, и мнѣ случится: и вскую умудрихся азъ излише? малолахъ въ сердце мое, понеже безумный отъ избытка малолетъ, яко и сіе суета. (16) Яко нѣсть памяти мудраго съ безумнымъ во вѣкъ, зане уже во дняхъ ирядущихъ вся забвена быша: и како умретъ мудрый съ безумнымъ? Къ сему присовокупляетъ Екклесіастъ, что признаетъ достойнымъ ненависти все то, къ чему прежде былъ пристрастенъ, любя суетное, какъ благо. И говоритъ, что возненавидѣлъ все, надъ чѣмъ трудился, имѣя въ виду настоящую жизнь; потому что трудился вовсе не для себя, но для того, кто будетъ по немъ, и о комъ, по неизвѣстности будущаго, не возможно предугнать, какъ воспользуется трудами его. Буквально же говорить это такъ:

(17) И возненавидѣхъ животъ: яко лукаво нѣтъ сотворенное подъ солнцемъ: понеже всяческая суета и произволеніе духа. (18) И возненавидѣхъ азъ всяческая, трудъ мой, или же изъ труждаюся подъ солнцемъ, яко оставлю его человеку будущему по мнѣ. (19) И кто вѣсть, мудръ ли будетъ, или безуменъ? и обладати ли имать всѣмъ трудомъ, или же трудился, и

мудрствовашъ подъ солнцемъ? и сіе же суета. Сказавъ это, говоритъ, что чужда душѣ его и та мысль, будтобы одинъ и тотъ же удѣлъ и живущаго добродѣтельно и не прилагавшаго никакого о себѣ старанія. У одного, говоритъ онъ, трудъ въ мудрости, въ вѣдѣніи, въ мужествѣ; а у другаго въ раздраженіи, въ скорбяхъ, причиняемыхъ житейскою рачительностію. Посему приводитъ ихъ въ равенство между собою, говоритъ онъ, есть дѣло, не только суеты, но и лукавства. Читается же сіе такъ:

(20) *И обратихся азъ отрещися сердцу моему о всемъ трудъ, и мже трудихся подъ солнцемъ.* (21) *Яко есть человекъ, еомже трудъ въ мудрости, и въ разумъ, и въ мужество: и человекъ, иже не потрудися о немъ, дастъ ему часть свою: и сіе суета и лукавство велие.* (22) *Яко бываетъ человеку во всемъ трудъ его, и въ произволеніи сердца его, и мже той труждается подъ солнцемъ.* (23) *Яко вси дніе его болзней и прости попеченіе ему, и въ ночи не спитъ сердце его: и сіе же суета есть.* Но все еще самъ себѣ предлагаетъ возраженіе тѣхъ, которые жизнь сластолюбивую признаютъ предпочтительнѣйшею жизни возвышенной, и опровергаетъ предлагаемое, отъ собственнаго своего лица излагая то и другое, и возраженіе и рѣшеніе. Ибо представляемое въ возраженіи таково: не должно почитать благимъ ничего

инного, кромѣ того, что человекъ въ себя при-
 нялъ, то есть, пищи и питія. Опроверженіе же
 состоитъ въ томъ, что не то благо, чѣмъ че-
 ловѣкъ питается и увеселяется, но это — муд-
 рость и вѣдѣніе, такъ что и имѣть о нихъ ра-
 ченіе есть уже благо; а что вождельнно для
 плоти, то для души—забота и суета. И под-
 линныя слова сего возвышеннѣйшаго ученія
 имѣютъ слѣдующій видъ:

(24) *Нѣсть благо человеку, который яств и
 пїетъ, и покажетъ души своей благо въ трудъ
 своемъ: и сіе видѣхъ азъ, яко отъ руки Божїя
 есть.* (25) *Яко кто яств и пїетъ кромѣ Ело?* (26)
*Яко человеку благу предъ лицемъ Ело даде муд-
 рость, и разумъ и веселіе; согрѣшающему же даде
 попеченіе еже прилагати и собирати, во еже
 дати благому предъ лицемъ Божїимъ: яко и сіе
 суета и произволеніе духа.* Посему, хотя смыслъ
 написаннаго въ послѣдствіи и предварительное
 воззрѣніе на связь рѣчи приводятъ къ тому
 самому, что мы кратко теперь изложили, одна-
 коже благовременно будетъ снова повторить
 чтеніе и въ точности согласить понятіе съ
 реченіями.

*И увидѣхъ и азъ, яко случай единъ случится
 всь.нъ и.нъ: и рѣхъ азъ, яко случай безумнаго и
 лнль случится, и вскую умудрится?* Вотъ возра-
 женіе, которое Екклесіастъ дѣлаетъ самъ себѣ,
 говоря: если одинъ этотъ случай смерти для
 того и другаго, и добродѣтель пребывающаго

въ мудрости не избавляетъ отъ вкушенія смерти, то суетнымъ для меня стало раченіе о мудрости. Какое же въ словѣ семъ опроверженіе сказаннаго? *Азъ, говоритъ, излише глаголахъ это въ сердце мое, понеже безумный отъ избытка глаголетъ: яко и сіе суета. Яко нльсть памяти мудраго съ безумнымъ во вѣкъ.* Екклесіастъ осуждаетъ сіе возраженіе, какъ излишне и непослѣдовательно сдѣланное, и безумнымъ называетъ слово, которое не принадлежитъ къ достойнымъ сбереженія, и изнашивается не изънутри хранилищъ мудрости, но, какъ нѣкоторый излишекъ разумѣнія, извергается, подобно пѣнію; потому что *безумный отъ избытка глаголетъ.* Но такъ пользоваться словомъ суетно и ни къ чему не служить, потому что слово сіе не имѣетъ попеченія о другомъ чемъ, а только старается убѣдить, чтобъ не обращали вниманія на видимое. Возражатель же ведетъ споръ о видимомъ; потому что и смерть есть нѣчто видимое. Посему, что же говорить? Въ этомъ мірѣ не совершается суда о добродѣтельной и лукавой жизни; потому что должно было бы одному лукавому умереть тѣлесно, а доброму остаться неизвѣдавшимъ тѣлесной смерти. И говоритъ сіе не зная, въ чемъ состоитъ безсмертіе добродѣтели, и какая разумѣется смерть живущихъ порочно. Память мудраго, говоритъ Екклесіастъ, живетъ всегда, и продолжается во весь

вѣкъ, съ безумнымъ же угасаетъ и памятованіе о немъ. О таковыхъ и Пророкъ говоритъ: *погибе память ихъ весьма гласно и очевидно* (Пса. 9, 7.). Ибо сіе показываетъ присовокупленіе: *съ шумомъ*. Посему Екклесіастъ говоритъ: *нѣсть памяти мудраго съ безумнымъ во вѣкъ*: напротивъ того жизнь мудраго увѣковѣчивается памятію; а безумнаго сопровождаетъ забвеніе. Ибо *во днешъ грядущихъ* все, что касается безумнаго, въ забвеніе приходитъ; выражается же всегда такимъ рѣченіемъ, какъ будто уже грядущіе дни наступили. *и вся забвена быша.*

Итакъ, если мудрый ищетъ мудрости, а безумный уничтоженъ смертію забвенія, то *како*, спрашиваетъ Екклесіастъ, говоришь, что *мудрый умретъ съ безумнымъ*? Посему скорбитъ и стыдится того, что было для него вожделѣнно въ этой жизни, и сказываетъ, что ненавидитъ все, чего желалъ для настоящей жизни, терпя подобно тому, кто по жадности безъ мѣры насытившись смѣшаннаго съ чѣмъ либо меда, потомъ, когда это лакомство обратится въ немъ въ дурный сокъ, при изbleваніи подмѣшаннаго состава ощущаетъ выплевываемое вмѣстѣ съ медомъ, и потому отъ воспоминанія о сей неприятности ненавидитъ медъ; потому что пресыщеніе примѣшаннымъ составомъ произвело разстройство. Посему-то Екклесіастъ, до пресыщенія наполнивъ себя тѣмъ, что вожде-

лѣвается для наслажденія, при очищеніи себя неповѣдію, какъ бы къ качеству какого яда ощутивъ отвращеніе и омерзеніе, къ постыдно имъ сдѣланному взываетъ, что ненавидитъ оную жизнь, слово въ слово говоря такъ: *и возненавидѣхъ животъ: яко лукаво лишь сотвореніе сотворенное подъ солнцемъ.* Не для другаго кого, говоритъ онъ, но для себя самаго сталъ я лукавъ въ томъ, что сдѣлано мною подъ солнцемъ. Ибо у меня не осталось ничего изъ сдѣланнаго, но все вождслѣваемое было мечтою и порывомъ произволенія. *Всяческая суета и произволеніе духа,* говоритъ онъ. А другіи называютъ достойнымъ ненависти попеченіе о здѣшнемъ; потому что человѣкъ трудится не для себя, но для того, кто будетъ по немъ. Что ни удастся съ раченіемъ сдѣлать въ этой жизни, укрытія для кораблей, пристани, величественныя и многостоящіе запасы для крепостей и зданій, преддверія, банни, красивые переходы и подъемы, земледѣльческія работы, всякаго рода рощи, изыщество луговъ, виноградники, обширностію угодобляющіеся морямъ, и если потрудится надъ чѣмъ инымъ сему подобнымъ, что ни удастся сдѣлать ему, пользуется этимъ послѣ него вступившій въ жизнь.

И неизвѣстно, не обратитъ ли онъ сего обилія въ пищу пороку. Ибо не всякому возможно для приобрѣтенія вѣдѣнія подвергать чувство

неспытанію подобныхъ вещей, какъ сдѣлалъ это я, говоритъ Екклесіастъ, по внушенію мудрости. Естественному стремленію, какъ молодому какому коню, давъ не надолго свободу увлечься низшими страстями, снова обуздаль я броздою разсудка, и подчинилъ его власти. Кто же знаетъ, говоритъ Екклесіастъ, возьметъ ли верхъ надъ привязанностію къ наслажденію и тотъ, кто послѣ насъ будетъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, а не останется скорѣе въ ихъ власти, подобно какому-то невольнику, преклонившись предъ владычествомъ сластолюбія? Посему-то говоритъ: *возненавидѣхъ азъ всяческая, трудъ мой, и азъ же азъ труждаюся подѣ солнцемъ, яко оставляю его человеку, будущему по мнѣ. И кто вѣсть, мудръ ли будетъ или безуменъ, и обладати ли имать всѣмъ трудомъ, и имже трудихся, и имже мудрствовашъ подѣ солнцемъ?* Вотъ, думаю, смыслъ сего изреченія: Екклесіастъ говоритъ о себѣ, что не по страсти поплзнулъ онъ вести жизнь въ удовольствіяхъ, но пришелъ къ этому по нѣкому внушенію мудрости, наслаждаясь сею жизнію свободно, а не подчиняя себя ея владычеству. Посему кто знаетъ, говоритъ онъ, что будущій по мнѣ не будетъ обладаемъ тѣмъ, надъ чѣмъ я трудился не по страсти, но руководясь мудростію? Ибо дастъ видѣть, что трудомъ наименовалъ и услажденіе; потому что участіе въ удовольствіи допустилъ до

себя принужденно, какъ испредолжимую какую борьбу. Посему и это, говорить Екклесіастъ, пусть причислитъ человѣкъ къ суетному. Сказываетъ же и кому-то иному, что отъ здѣшняго отрекся онъ душою своею, и готовъ обнаружить въ словѣ, что намѣренъ сказать. Ибо оклеветанъ предъ погрѣшающимъ противъ праваго сужденія, будтобы, видя ясное различіе противоположныхъ родовъ жизни, изъ которыхъ въ одномъ трудятся для добродѣтели, и не обращаютъ пожеланія ни къ чему человѣческому, а въ другомъ поступаютъ наоборотъ, онъ не терпитъ никакого труда людей добродѣтельныхъ, проводить же время въ однихъ тѣлесныхъ занятіяхъ. Почему, когда произноситъ кто предъ нимъ приговоръ о прекрасномъ, тогда, презирая превосходящаго мудростію, даетъ не только суетное, но лукавое и несправедливое сіе сужденіе. Выражаетъ же это Екклесіастъ такими словами: *и обратихся азъ, говоритъ, отрещися сердцу моему о всемъ трудѣ, имъ же трудихся подъ солнцемъ.* Чего же именно отрекся? *яко есть человѣкъ, сложже трудъ въ мудрости, и въ разумъ, и въ мужество,* а другой человѣкъ нисколько не потрудился о подобномъ сему. Такъ почему же иный таковому предоставитъ долю предпочтенія? Потому, говоритъ, что и человѣкъ тому, *иже потрудился о немъ,* то есть, трудившемуся въ жизни о добрѣ, *дастъ ему часть свою;* а

это значить, назоветь такую жизнь доброй долею.

Но *сие*, говоритъ Екклесіастъ, *суета и лукавство велие*. Ибо не велие ли лукавство, когда знаешь, какая въ человѣкѣ рачительность къ трудамъ, и сколько произволенія? Сіе-то и выражаетъ Екклесіастъ въ словахъ: *яко знаетъ (г) человѣку во всемъ трудъ его, и въ произволеніи сердца его, ильже той труждается подъ солнцемъ*. Что же знаетъ? *Яко вси дніе его бользней и ярости попеченіе ему, и въ нощи не спитъ сердце его*. Ибо дѣйствительно прискорбна жизнь тѣхъ, чья душа не знаетъ покоя отъ сего искушенія, и какъ бы жалами какими уязвляется сердце пожеланіями большаго. Мучительна эта рачительность любостыжательнаго, не столько увеселяющаяся тѣмъ, что имѣеть у себя, сколько огорчаемая тѣмъ, чего недостаетъ; у такихъ людей трудъ удѣляется и дню и ноци, занимая ихъ сообразно той и другой части времени, когда день тратится на труды, а ночь гонитъ сонъ отъ очей. Ибо заботы о выгодѣ не даютъ мѣста сну. Посему кто обращаетъ на сіе вниманіе, тому этой рачительности какъ не признать суетою? Къ сказанному прежде Екклесіастъ присовокупляетъ: *и сіе же суета есть*.

(г) Въ Писаніи, а выше и у Нисскаго читается зѣсь *увѣтанъ*, а не *увѣбани*.

Касается и другаго еще возраженія, а возражаемое таково: если что въ насъ, къ суетѣ причисляешь это, учитель; то несправедливо осуждаешь, какъ суетное, и то, что приемлемъ въ себя самихъ. Но пища и питіе бывають въ насъ самихъ; значить подобное сему не есть что либо отметаемое; напротивъ того иный благодать сію назоветъ Божиимъ благодѣліемъ. Вотъ смыслъ возраженія, самыя же реченія имѣють такой видъ. *Нѣсть благо чело-вѣку*, говоритъ Екклесіастъ, *развѣ еже ястъ и пїетъ, и покажетъ души своей благо въ трудѣ своемъ: и сіе видѣхъ азъ, яко отъ руки Божіа есть, яко кто ястъ и пїетъ кромѣ Его*. Вотъ что защитникъ чревоугодія возражаетъ учителю, и наставникъ мудрости даетъ на это отвѣтъ *человѣку благу*. (Прибавленіе слова: *благій*, безъ сомнѣнія, указываетъ на отличіе, такъ что разумѣемое подъ именемъ благости дѣлается явнымъ изъ противоположнаго.) Посему *человѣку*, а не скоту, не такому *человѣку*, который смотритъ себѣ на чрево, и вмѣсто разсудка имѣетъ гортань, но *благу*, живущему по образу единого Благаго. Не то наслажденіе узаконилъ Богъ, которому радо естество скотское, но въ замѣнъ пищи *даде* ему мудрость, разумъ и веселіе. И дары благости увеличить ли кто яствами чрева? *Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ* (Матѳ. 4, 4.)— вотъ слово истиннаго Слова. Не хлѣбомъ пи-

тается добродѣтель, не мясами укрѣпляется и тучиѣтъ сила души; другими явствами питається и приводится въ мужество высокая жизнь. Пища благаго есть цѣломудріе, хлѣбъ— мудрость, приправа—справедливость, питіе— безстрастіе, удовольствіе не какое либо тѣлесное сношеніе съ тѣмъ, что пріятно, но то, что и по имени и на дѣлѣ есть веселіе (*εὐφροσύνη*). Потому Екклесіастъ и наименовалъ симъ словомъ происходящее въ душѣ расположеніе къ прекрасному, что такое состояніе бываетъ слѣдствіемъ благоразумія (*ἐκ τῆ εὐφροσύνης*). Посему надлежитъ дознать изъ сего тоже, что слышимъ и у Апостола: *нѣсть царствіе Божіе брашно и питіе, но правда, и безстрастіе, и блаженство* (Рим. 14, 17.). А чего домогаются люди для тѣлеснаго наслажденія, то возбуждаетъ рачительность грѣшниковъ, и есть попеченіе души, увлекаемой отъ горняго къ земному, у которой все продолженіе пребыванія въ сей жизни тратится на то, чтобы тщательно *прилагати и собирать*. Посему, кто предъ лицемъ Божіимъ признаеть сіе за благо, тотъ самъ не знаетъ, что благое поставляетъ онъ въ суетномъ. Это сказалъ я собственными своими словами, но мысль сію запечатлѣть присовокупленіе Божіихъ словесъ. Ибо Екклесіастъ продолжаетъ: *грѣшнику даде попеченіе еже прилагати и собирать, во еже дати благому предъ лицемъ Божіимъ: яко и сіе суета и про-*

изволеніе духа. Посему, что въ настоящемъ ученіи дозволяя мы при семъ взаимномъ сличеніи хорошаго и худаго, то да будетъ намъ пособіемъ къ избѣжанію того, что осуждается, и напутіемъ къ преслѣянію въ лучшемъ.

ВЕСТЬДА · 6.

(3, 1) *Всѣмъ время, и время всякой вещи подѣ небесемъ.* Вотъ начало словесъ подлежащихъ нашему обозрѣнію. И трудъ изслѣдованія не малъ; и польза отъ него достойна труда. Ибо цѣль обозрѣннаго нами въ первыхъ частяхъ книги всего болѣе, можетъ быть, обнаружится въ этой части, какъ покажетъ по порядку слѣдующая за симъ рѣчь. Въ предыдущихъ словахъ какъ суетное осуждено все, чего домогается человекъ вовсе не для какой либо душевной пользы. Ибо указано благо, къ которому надлежитъ возводить взоръ по тѣмъ понятіямъ, какія вложены намъ въ умъ, а предпочитающимъ наслажденіе тѣлесное противопоставлено услажденіе сообразное съ мудростію. Остается узнать, какъ человекъ жить добродѣтельно, заимствовавъ въ семъ словѣ какъ бы и нѣкое искусство и способъ къ преслѣянію въ жизни. Сіе-то обѣщаетъ намъ изслѣдованіе Екклесіастовыхъ словъ въ своемъ началѣ, гдѣ утверждается, что *всѣмъ время, и время всякой вещи подѣ небесемъ.* Если кто при-

никнетъ во глубину смысла, то найдетъ великое любомудріе заключенное въ сихъ реченіяхъ, и созерцательное и исполненное полезныхъ совѣтовъ. И чтобы намъ въ немногихъ словахъ открыть быль путь къ обзорѣнію сего изреченія, приступимъ къ слову такъ:

Въ существующемъ одно вещественно и чувственно, а другое умопредставляемо и невещественно. Въ последнемъ безплотное выше чувственаго постиженія, и сіе лучше познаемъ тогда, какъ совлечемся чувствъ. Чувство же, способное къ постиженію естества вещественнаго, не имѣетъ свойства проникать тѣло небесное и простирается за предѣлы видимаго. По сей причинѣ слово сіе бесѣдуетъ съ нами и о земномъ и о небесномъ, чтобы мы проводили сію жизнь непогрѣшительно. Вещественная сія жизнь есть жизнь во плоти; возрѣніе на прекрасное потемняется нѣсколько видимымъ чувственно. Посему для сужденія о прекрасномъ имѣемъ нужду въ нѣкоемъ свѣдѣніи, чтобы, какъ при постройкахъ всему, что дѣлается, направленіе давали какое-то правило или нить. Потому и намъ предварительно указывается словомъ, чѣмъ направляется жизнь къ должному.

Два, говоритъ Екклесіастъ, отличительные въ жизни признака прекраснаго въ каждой вещи, какая вожелѣнна для настоящей жизни, именно соразмѣрность и благовременность. И сему-то учитъ онъ теперь, говоря: *всѣмъ изъ время*

(ὁ χρόνος) и время всякой вещи подъ небесемъ. А подъ временемъ (ὁ χρόνος) должно разумѣть мѣру, потому что всему, что приходитъ въ бытіе, спротяженно время. Поэтому не усиливаюсь утверждать, что сіи отличительные признаки прекраснаго совершенно примѣнимы къ всякому преснѣянiю въ добродѣтели, пока не покажетъ сего продолженіе рѣчи; но что больше бываетъ успѣха въ жизни, проводимой при такомъ соблюденiи сказаннаго, сіе можно примѣтить всякому. Ибо кому неизвѣстно, что и добродѣтель есть мѣра, измѣряемая посредственностію сравниваемыхъ? Не можетъ она быть добродѣтелию, имѣя или недостатокъ, или излишекъ противъ должной мѣры; такъ напримѣръ въ мужествѣ недостатокъ его дѣлается боязливостію, а излишекъ—дерзостію. Посему-то нѣкоторые изъ питомцевъ внѣшней мудрости, ставъ, можетъ быть, хищниками нашихъ писаній, и понявъ мысль выраженную въ семъ изреченiи, одинъ въ краткомъ своемъ правилѣ совѣтовалъ ни въ чемъ не имѣть недостатка, другій воспрещалъ чрезмѣрность. Одинъ утверждалъ, что всего лучше мѣра, другій узаконилъ, ни въ чемъ не допускать излишества. А тѣмъ и другимъ доказывается, что не достигать требуемой добродѣтелию мѣры достойно осужденія, превзойти же соразмѣрность—заслуживаетъ презрѣніе. Но и касательно благовременности тоже слово объяснить намъ, что

и не предварять благовременности, и не опаздывать противъ нея, признается дѣломъ добрымъ. Что пользы земледѣльцу, который поручилъ срѣзывать колосья прежде, нежели созрѣла въ пору жатва, или отложилъ попеченіе о жатвѣ, пока сѣмена не высыплются изъ стеблей. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ попеченіе о дѣлѣ не послужитъ къ добру, потому что отъ безвременности жатвы утратится польза времени, не тогда, какъ слѣдовало, на сіе употребленнаго. А что говорится о части, то должно разумѣть и о цѣломъ. Подобное сему узнаемъ и въ мореплаваніи, если кто предупредить или опуститъ благовременность. А что скажетъ иный о врачебномъ искусствѣ? сколько причинять вреда излишекъ или недостатокъ надлежащихъ ко врачеванію времени и мѣры? Но сіе надлежитъ оставить, потому что въ продолженіи рѣчи яснѣе откроетъ сіе словами самаго Екклесіаста представленный примѣръ.

Для чего же напередъ предлагается это нашему разсмотрѣнію? Для того, что въ чемъ не соблюдается ни мѣры ни времени, то не есть благо; напротивъ того прекрасно и возжелѣнно, что имѣетъ совершенство въ томъ и другомъ. Ибо если одно только въ немъ возжелѣвается, остальное же презрѣно, то бесполезно и преспѣяніе въ остальномъ. Посему какъ у насъ, которые совершаемъ движеніе

двумя ногами, если случится что съ одною, бесполезною дѣлается для хожденія и непострадавшая нога, по немощи содѣйствующей: такъ, если при времени недостаетъ мѣры, или при мѣрѣ благовременности, то тѣмъ, чего недостаетъ, непременно обращается въ бесполезное и то, что есть, но во времени оказываетъ пользу соразмѣрность, и въ мѣрѣ благовременность. Посему время (*χρόνος*) понимается нами какъ мѣра, потому что каждой отдѣльно взятой мѣры мѣрою служить время. Что ни бываетъ, безъ сомнѣнія, бываетъ во времени, и съ продолженіемъ всего, что бываетъ, продолжается вмѣстѣ и протяженіе времени, малое протяженіе времени съ малымъ, и большее съ большимъ. Есть мѣра чревопошенію, мѣра возрастанію колосевъ, мѣра созрѣванію плодовъ, мѣра мореплаванію, мѣра путешествію, мѣра каждому возрасту, младенчеству, дѣтству, отрочеству, прихожденію въ юность, юношеству, мужеству, среднему возрасту, совершеннолѣтію, зрѣлости и преклонной старости. Посему такъ какъ не одна всему мѣра времени, ибо по разности подлежащихъ не возможно, чтобы все было одно другому равномѣрно, общая же, какъ сказано, мѣра всему измѣряемому есть время, собою все объемлющее: то посему самому не сказалъ Екклесіастъ: всему мѣра, по причинѣ великаго равенства въ измѣряемомъ относительно къ большому и меньшему.

но говорить: *всѣмъ время*—эта родовая мѣра, которою измѣряется все, что ни бываетъ. Какъ въ человѣчествѣ устарѣвшее изнемогаетъ, а недозрѣвшее безчинствуетъ; лучшее же—средина между двумя возрастами, то, что избѣгаетъ непріятностей того и другаго, въ чемъ оказываются и сила, не соединенная съ безчинствомъ юности, и благоразуміе, не сопряженное съ немощію старости, почему сила срастворена съ благоразуміемъ, и равно избѣгаетъ и старческаго безсилія и юношеской дерзости: такъ и опредѣляющій всѣмъ время устраняетъ словомъ порокъ въ томъ и другомъ отношеніи, происходящій отъ несоблюденія мѣры, лишая чести то, что преступило время, и отвергая то, что не достигло совершенства во времени. Но время намъ продолжить по порядку и самое обозрѣніе богодохновенныхъ словесъ.

(2) *Время рождати*, говоритъ Екклесіастъ, *и время умирати*. Прекрасно на первомъ мѣстѣ сопрягъ словомъ сію необходимую чету, съ рожденіемъ сочетавая смерть (ибо за рожденіемъ необходимо слѣдуетъ смерть, и всякое рожденіе разрѣшится въ тлѣніе), чтобы при совокупномъ указаніи на смерть и рожденіе, напоминаніемъ о смерти, какъ бы жаломъ какимъ, пробудить погруженныхъ въ плотскую жизнь и поставить къ заботливости о будущемъ. Тоже самое сокровеннымъ образомъ въ

первыхъ написаніяхъ книгъ любомудрствуетъ другъ Божій, Моисей, прямо послѣ *Бытія* написавшій и *Исходъ*, чтобы читающіе написанное самымъ порядкомъ книгъ научены были, что́ нужно имъ знать о себѣ самихъ. Ибо кто слышалъ о *Бытіи*, тому невозможно не подумать тотчасъ и объ *Исходѣ*. Туже мысль имѣвшимъ оказывается здѣсь и великій Екклесіастъ, когда поставляетъ смерть въ такой близости съ рожденіемъ. Ибо говоритъ: *время рождати, и время умираати*, то есть, пришло время, и я родился; придетъ время, и я умру. Если всё обратимъ на сіе вниманіе, то не пойдёмъ, оставивъ это сокращенное шествіе, кружиться съ нечестивыми, добровольно блуждая по круговратному пути жизни, увлекаясь властительствомъ, знатностію и богатствомъ, которыми будучи замедляемы на такомъ множествѣ путей этого міра, не находимъ исхода изъ лабиринта сей жизни, тѣмъ самымъ, что, повидимому, употребляемъ усиліе, смѣшивая для себя признаки непогрѣшительнаго пути. Сколько блаженны, говоритъ Екклесіастъ, тѣ изъ людей, которые, оставивъ коловратныя оболъщенія жизни, приводятъ себя на сокровенный путь добродѣтели. А на этомъ пути тотъ, кто не обращаетъ души ни къ чему здѣшнему, но со тщаніемъ устремляется къ предложенному въ упованіи вѣрою.

Но изслѣдуемъ сказанное снова. *Время*, го-
Гр. Писск. Ч. II. 20

ворить Екклесіастъ, *раждати, и среля умирати*. О, еслибы и для меня содѣлались и рожденіе послѣдовавшимъ во время, и смерть благовременною! Ибо никто не скажетъ, будто бы невольное это рожденіе и произвольная смерть указываются теперь Екклесіастомъ, какъ средства къ преслѣванію въ добродѣтели; потому что не по волѣ жсны муки рожденія, и не въ произволеніи кончающихся смерть. А что не зависитъ отъ насъ, того не назоветъ никто ни добродѣтелию, ни порокомъ. Посему надлежитъ уразумѣть сіе благовременное рожденіе, и сію смерть, бывающую во время. Миѣ кажется, что то рожденіе зрѣло и непреждевременно, когда кто, какъ говоритъ Исаія, зачавъ отъ страха Божія, съ душевными муками рожденія породить собственное свое спасеніе (Иса. 26, 18.). Ибо дѣлаемся въ некоторымъ образомъ отцами себѣ самимъ, когда образуемъ, порождаемъ и производимъ себя на свѣтъ добрымъ произволеніемъ. Совершаемъ же это пріятіемъ въ себя Бога, дѣлаясь чадами Божиими, чадами силы, и сынами Вышняго. И онять раждаемся преждевременно, и дѣлаемся недопосками и легковѣсными, когда не вообразился въ насъ, какъ говоритъ Апостоль (Гал. 4, 19.), образъ Христовъ. Ибо должно совершеннымъ быть Божію человѣку (2 Тим. 3, 17.). Совершенъ же конечно тотъ, въ комъ совершенно исполненъ законъ естества. По-

сему, если кто своею добродѣтелию содѣлалъ себя чадомъ Божиимъ, пріявъ право на сіе благородство, то онъ позналъ время добраго рожденія, и справедливо по Евангелію радуется, *яко родися человекъ въ міръ* (Іоан. 16, 21.). Но содѣлавшійся чадомъ гнѣва (Ефес. 2, 3.), сыномъ погибели (2 Сол. 2, 3.), нечадіемъ тмы, рожденіемъ схиднымъ (Матѳ. 3, 7.), порожденіемъ злымъ, и всѣмъ другимъ, что только порицается, какъ рожденіе лукавое, не позналъ порождающаго въ жизнь времени. Ибо одно, а не много, время раждающихъ въ жизнь. Кто погрѣшилъ въ ономъ неблаговременностию рожденія, тотъ родилъ себя на гибель, и повилъ душу на смерть.

Но если явно то, какъ можемъ родиться во время, то очевидно также всякому, какъ можно и умирать во время; на примѣръ у святаго Павла всякое время было благовременно для благой смерти. Ибо въ собственныхъ своихъ писаніяхъ взываетъ о семъ, подтверждая нѣкотораго рода клятвою, когда говоритъ: *по вся дни умираю, тако ми ваша похвала* (1 Кор. 15, 31.)! и еще: *Тебѣ ради умерщвляемъ есмь весь день* (Рим. 8, 36.); и: *сами въ себѣ осужденіе смерти имъхомъ* (2 Кор. 1, 9.). Конечно же не неизвѣстно, какъ *по вся дни* умираетъ Павелъ, который никогда не живетъ грѣху, всегда умерщвляетъ плотскіе уды, и посылъ въ себѣ мертвенность тѣла Христова, всегда

сраспинается Христу, и никогда не живетъ себѣ самому, но имѣеть въ себѣ живущаго Христа. Та смерть, по нашему разсужденію, будетъ благовременна, которая дѣлается виновницею истинной жизни. Ибо сказано: *азъ убію, и жизни сотворю* (Второз. 32, 39.), въ удостовѣреніе, что быть умерщвленнымъ грѣху и оживотвореннымъ Духу по истинѣ есть Божій даръ: потому что симъ умерщвленіемъ Божественное Слово обѣщается оживотворить. Но подобно сказанному и слѣдующее за симъ:

Время, говоритъ Екклесіастъ, *садити, и время исторгати сажденое*. Знаемъ, кто нашъ дѣлатель, и чье мы *тяжаніе*. Ибо одно дознали мы отъ Христа, а другое отъ раба Христова Павла. Господь говоритъ: *Отецъ Мой дѣлатель есть* (Иоан. 15, 1.); Апостоль же сказуетъ намъ: *Божіе тяжаніе есте* (1 Кор. 3, 9.). Посему великій Дѣлатель умѣетъ насаждать только благое (ибо *насади Богъ рай во Едемъ на востоцѣхъ* (Быт. 2, 8.)); исторгаетъ же все противное благому. Ибо *всякъ садъ, еликоже не насади Отецъ Мой небесный искоренится* (Матѳ. 15, 13.). Посему фарисейскія злоба, невѣріе и неблагодарность за совершаемыя Господомъ чудеса,—вотъ раствѣнія исторгаемыя. Ибо надлежитъ одержать верхъ спасительной проповѣди; надлежитъ проповѣдану быть Евангелію въ цѣломъ мірѣ; надлежитъ всякому языку исповѣдать, *яко Господь Іисусъ*

Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. 2, 11.). И такъ, послѣдку сему надлежитъ совершиться непременно; то преобладающее нынѣ невѣріе нѣкоторыхъ есть насажденіе не Отца, но всѣлящаго плеселы, или во Владычнемъ виноградникѣ насадившаго содомскія розги. Такъ чему научены мы въ Евангеліи Владычнымъ словомъ, тоже самое узнали теперь въ этой загадкѣ Екклесіаста, а именно, что одно и тоже время—и принять въ себя спасительное насажденіе вѣры, и исторгнуть вмѣстѣ плеселы невѣрія. Но что сказано частію о преспѣяніи въ вѣрѣ, то слѣдуетъ разумѣть и о всякой добродѣтели. *Время садити цѣломудріе и исторгати* насажденіе непотребства. Такъ, когда насаждена справедливость, искореняется прозябаніе неправды; насажденіе смиренномудрія ниспровергаетъ кичливость; прозябшая любовь изсушаетъ лукавое древо ненависти, какъ и плодами противоположнаго древа, то есть, ненависти, приумноженная неправда охлаждаетъ любовь. А такимъ образомъ (чтобы не промедлить слова, говоря о всемъ порознь) не погрѣшимъ, подобно сему представляя себѣ и все иное. Опять и слѣдующая рѣчь согласна съ изслѣдованнымъ прежде. Ибо Екклесіастъ говоритъ:

(3) *Время убивати, и время цѣлити.* А сіе ясно истолковано напередъ въ пророческомъ словѣ, которое отъ лица Бога говоритъ: *Азъ убью, и жизни сотворю.* Если не убіемъ въ себѣ

вражды, то не исцѣлимъ раположенія къ любви, которое страдаетъ въ насъ ненавистію. А также время убить и все прочее, что живетъ на зло намъ, разумѣю это злое полчище страстей, эту междуусобную брань, воздвигаемую на насъ сластолюбіемъ и плѣняющую насъ закономъ грѣховнымъ. Ибо убіеніе таковыхъ враговъ дѣлается исцѣленіемъ для приведеннаго въ изнеможеніе грѣхомъ. Врачи говорятъ, что глисты и нѣкоторыя другія подобныя имъ животныя отъ худосочія зараждаются во внутренностяхъ; и жизнь ихъ дѣлается болѣзнію для тѣла. Но если будутъ они умерщвлены какимъ либо врачебнымъ питіемъ; то страждущій снова возстановляется въ здравіи. Таковыя страданія тѣла сходны съ душевными недугами. Когда раздражительность тѣмъ, что сосетъ внутренности, или памятозлюбіемъ расслабляя силу и разумъ души, и худой образъ жизни породятъ этого звѣря—зависть, или другаго какого, столько же злаго; тогда чувствующій, что душа его внутри себя питаетъ звѣря, благовременно воспользуется врачевствомъ истребляющимъ страсти. А чтобы по умерщвленіи оныхъ въ сдѣланшемъ сіе совершилось исцѣленіе, къ сему служитъ евангельское ученіе.

Время разрушати, и время созидати. Сіе дознати можно и въ сказанномъ отъ лица Божія Пророкомъ Іереміемъ, которому дана отъ

Бога сила сперва истребить, искоренить, расточить, а потомъ возобновить, создать и насадить (Іер. 1, 10.). Ибо прежде надобно испровергнуть въ насъ зданія порока, и потомъ уже пріискать время и мѣсто къ построению храма Божія, созидаемаго въ нашихъ душахъ, для котораго веществомъ служитъ добродѣтель. *Аще кто назидаетъ на основаніи селѣ, злато, сребро, каменіе честное* (1 Кор. 3, 12.), — всѣмъ этимъ именуется добродѣтель, а дровами, сѣномъ, тростіемъ, по толкованію, означаетъ сестство порока, которое не на иное что уготовляется, а только на истребленіе огнемъ. Посему, когда построенія состоятъ изъ сѣна и тростія, то есть, изъ неправды и гордыни, и прочей житейской злобы; тогда слово повелѣваетъ прежде привести ихъ въ уничтоженіе, и потомъ уже золото добродѣтели употребить въ вещество къ построению духовнаго дома. Ибо невозможно съ тростіемъ соединиться серебру, или съ сѣномъ войти въ одинъ составъ золоту, или съ деревомъ—жемчужиной. Если же будетъ это, непременно надобно уничтожиться одному изъ двухъ соединяемыхъ веществъ. Ибо *кое общеніе свѣту котиль* (2 Кор. 6, 14.)? Посему пусть будутъ прежде разрушены построенія тмы, и тогда воздвигнуты свѣтлыя зданія жизни.

(А) *Время плакати, и время слѣзатися.*
Уясняется слово сіе евангельскимъ изреченіемъ,

произнесеннымъ отъ лица Господа, въ которомъ сказано: *блаженни плачущіи: яко тѣи утѣшатся* (Матѳ. 5, 4.). Посему нынѣ время плакать; а время смѣяться предоставлено въ уповаіи; потому что настоящая печаль содѣлается матерью ожидаемаго веселія. Да и кто не въ слезахъ и не въ скорби будетъ проводить всю жизнь свою, если только придетъ въ чувство себя самаго, и узнаеть о себѣ, что онъ имѣлъ, и что потерялъ, въ какомъ состояніи естество сего было первоначально, и въ какомъ оно въ настоящее время? Смерти тогда не было, болѣзнь не появлялась; мое и твое,—эти лукавыя рѣченія въ началѣ не имѣли и мѣста въ жизни. Ибо какъ были солнце общее, и воздухъ общій, а прежде всего общая Божія благодать и общее Божіе благословеніе, такъ право участія во всякомъ благѣ всеѣмъ наравнѣ подлежало, и незнакомъ былъ недугъ любостыжательности, небыло ненависти у имѣющихъ меньше къ владѣтелямъ бѣльшаго, даже вовсе небыло и этого бѣльшаго; а сверхъ сего тьмо-численныя качества, которыхъ никто не воз- можетъ представить словомъ, величіемъ своимъ во много кратъ превосходили сказанное, разумѣю: равночестіе съ Ангелами, дерзновеніе предъ Богомъ, созерцаніе премірныхъ благъ, возможность и намъ украситься неизреченною лѣпотою блаженнаго Естества, показывая въ себѣ божественный образъ, сіяющій красотою

души. На мѣсто же этого появились въ насъ лукавый рой страданій, злое гнѣздо огорченій. Что назоветъ кто первымъ изъ золъ житейскихъ? Все одно съ другимъ равноцѣнно, все одно у другаго предвосхищаетъ первенство въ превосходствѣ золъ, все дѣлается поводомъ къ такимъ же слезамъ. Что будетъ кто оплакивать паче бѣдственной этой жизни? За что болѣе сѣтовать на естество? За скромность ли, или многотрудность жизни? За то ли, что слезами она начинается, и слезами оканчивается? За жалкое ли младенчество? За скудоуміе ли въ старости? За непостоянство ли юности? За обремененіе ли трудами въ совершенномъ возрастѣ? За тяготу ли супружества? За одиночество ли въ жизни безбрачной? За безчадіе ли, не оставляющее по себѣ корня? За то ли, что богатство возбуждаетъ зависть, а нищета мучительна? Умалчиваю о множествѣ всякаго вида разностей въ болѣзняхъ, о потерѣ членовъ, объ увѣчьяхъ, о загноспіяхъ, объ утратѣ дѣятельности въ чувствилищахъ, о помѣнательствѣ ума отъ бѣсовъ, о всѣхъ страданіяхъ, сколько ихъ заключаетъ въ себѣ естество, и какимъ подвергнуть каждаго изъ людей есть въ естествѣ возможность. А это неистовство любовной страсти, эту зловонную тицу, въ которой вращается бѣшенная сія страсть, прохожу мимо; не говорю о сопряженной съ нищею неприятели по причинѣ изверженія, чтобы

не подать вида, будто бы словомъ симъ во всемъ позорю жизнь, представляя естество наше какимъ то производителемъ гноя. Оставляя все это и подобное тому, скажу, что для чувствительныхъ наиболѣе достойно слезъ известное всѣмъ, а именно, что по мнѣваніи этой тѣниподобной жизни ожидается насъ *нѣкое чашіе суда, и оная ревность поаясти хотящую сопротивныя* (Евр. 10, 27.). Посему, кто такъ и подобно сему разсуждаетъ; тотъ не будетъ ли всю жизнь проводить въ слезахъ? Итакъ нынѣ пусть будетъ время подумать о семъ. Ибо слѣдствіемъ скорбей настоящей жизни, какъ и естественно, содѣлается то, что не будемъ погрѣшати въ оной. А когда преуспѣемъ въ этомъ, предоставится намъ въ упованіи обѣщанная благодать всеелія, *Упованіе же, какъ говорить Апостоль, не посрамитъ* (Рим. 5, 5.).

Присовокупляемое Екклесіастомъ есть какъ бы повтореніе прежде сказаннаго. Ибо, сказавъ о благовременности слезъ и смѣха, прибавилъ: *время рыдати, и время ликовати.* А это не иное что есть, какъ усиленіе того и другаго изъ упомянутыхъ состояній. Чувствительный и отъ сердца происходящій плачь въ Писаніи называется рыданіемъ. А также и ликованіе означаетъ усиленіе всеелія, какъ подобное сему дознаемъ изъ Евангелія, въ которомъ сказано: *нискахомъ валъ, и не плясаете: рыда-*

холъ валъ, и не плакасте (Лук. 7, 32.). Такъ исторія говоритъ, что у Израильтянъ было рыданіе во время преставленія Моисеева, и что Давидъ, идя съ ковчегомъ, когда переносилъ его отъ иноплеменныхъ, скакалъ, не въ обыкновенномъ явившись видѣ. Ибо сказано, что онъ изглашалъ стройныя пѣсни, ударяя въ мусикійское орудіе, въ ладъ производилъ движеніе ногою, и мѣрнымъ движеніемъ тѣла обнаруживалъ внутреннее расположеніе (2 Цар. 14—16.). Итакъ, поелику человекъ двойственъ, то есть, состоитъ изъ души и тѣла, а сообразно съ симъ двойственна также и жизнь въ каждомъ дѣйствіи въ насъ происходящемъ; то прекрасно будетъ рыдающимъ въ тѣлесной жизни, если у нихъ много поводовъ къ оплакиванію сей жизни, приуготовить душѣ стройное ликованіе. Ибо чѣмъ чаще омрачается жизнь печалію, тѣмъ паче для души скопляются поводы къ веселію. Мрачно смотритъ воздержаніе; потупляетъ взоръ смиреніе; потерпѣть ущербъ—поводъ къ слезамъ; предлогъ къ плачу—не имѣть равенства съ обладающими. Но *смиряться вознесется* (Лук. 14, 11.), борющійся съ нищетою увѣнчается, покрытый струями, и во всемъ показывающій жизнь свою достойною слезъ упокоится на лонѣ патриарха, гдѣ да будемъ и мы по милосердію спасающаго насъ Иисуса Христа! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЬДА 7.

(3, 5.) *Время разлетати каменіе, и время собирать каменіе.* Тѣмъ самымъ, что показалъ этотъ чиновничекъ церковной силы, увеличилъ онъ силы слушающихъ, такъ что могутъ они и низлагать сопротивляющихся и готовить запасы къ низложенію. Ибо то, чему научились мы прежде, когда дознали пользу во всемъ соображаться съ мѣрою, какой требуетъ время, и признакомъ прекраснаго полагать во всемъ благовременность, приводитъ насъ въ эту возможность. какъбы представлять себѣ у души нашей какую-то мышцу, которою бросаетъ она въ цѣль убійственныя для врага камни, и въ какого непріятеля ни были бы они брошены, снова возвращаетъ ихъ себѣ, чтобы имиже всегда поражать сопротивника.

Обращающіе вниманіе только на букву и останавливающіеся на томъ смыслѣ сказаннаго, какой представляется съ перваго взгляда, къ настоящимъ реченіямъ примѣняютъ законъ Моисеевъ, потому что законъ повелѣваетъ бросать камни въ тѣхъ, которые окажутся въ чемъ либо преступниками закона. Такъ дознаемъ изъ самой исторіи о согрѣшившихъ противъ субботы, о похитившихъ священныя вещи и о другихъ прегрѣшеніяхъ, за которыя наказаніемъ законъ опредѣлилъ побіеніе кам-

нями. И если бы Екклесіастъ призналъ благо-
временнымъ собирать камни, хотя о семъ ни-
какой законъ не даетъ повелѣній, и на подоб-
ное сему никакое историческое событіе не
указываетъ, согласился бы и я съ объясняю-
щими изреченіе сіе закономъ, а именно, что
тогда подлинное время бросать камни, когда
кто нарушитъ субботу, или похититъ что либо
изъ прицесеннаго въ даръ Богу. Теперь же
это прибавленіе, что камни снова должно со-
бирать, чего никакимъ закономъ не опредѣ-
ляется, приводитъ насъ къ другому разумѣнію.
Постараемся дознать, какой это родъ камней,
которымъ послѣ того, какъ брошены, снова
надлежитъ содѣлываться достояніемъ бросаю-
щаго. Ибо Екклесіастъ учитъ насъ, что, когда
бросимъ камни во время, во время опять и
соберемъ ихъ.

Посему, мнѣ кажется, что и законъ, если
разумѣть его по первому представившемуся
понятію, берется не очень высоко. Ибо что
великаго и боголѣпнаго оказывается въ бук-
вальномъ разумѣніи написаннаго? Если пой-
манъ человекъ, собирающій дрова въ субботу,
должно ли за это побивать его камнями, когда
въ этомъ проступкѣ не видно никакой не-
правды? Ибо какую сдѣлалъ неправду, кто нѣ-
сколько сухихъ сучьевъ, здѣсь и тамъ разбро-
санныхъ по пустышѣ, собралъ, чтобы поддер-
жать ими огонь? Не обвиняется онъ за при-

своеиіе себѣ чужаго, почему казалось бы справедливымъ понести ему наказаніе за обиду; напротивъ того принадлежащее всѣмъ вообще для него дѣлается причиною, что мещуть въ него камни. Но онъ осуждается какъ злодѣй за то, что сдѣлалъ это въ субботу. Кому не извѣстно, что каждое дѣло, худо ли оно, или не таково, оцѣнивается по собственному его свойству; время же, въ которое совершается дѣйствіе, разсматривается отдѣльно отъ свойства того, что сдѣлано? Ибо временное продолженіе что имѣетъ общаго съ совершаемымъ по нашему произволенію? Если кто спроситъ насъ: что такое день? безъ сомнѣнія отвѣтимъ: время, когда солнце надъ землею, и мѣрою его положимъ утро и вечеръ. Такое же понятіе дня приличествовать будетъ не одному только какому либо дню изъ обращающихся въ седмидневномъ кругѣ времени; напротивъ того сіе же понятіе принадлежитъ и первому, и второму дню, даже до седьмаго, и день субботній, покольку онъ день, не отличается отъ прочихъ. А если кто станетъ допытываться о значеніи грѣха, о томъ, чего не должно дѣлать ближнему, конечно отвѣтимъ, напримѣръ, такъ: *не прелюбы сотвори: не убій: не укради* (Исх. 20, 13—15.) и прочее. Родовой законъ сихъ заповѣдей, заключающій въ себѣ каждую изъ нихъ, состоитъ въ томъ, чтобы любить ближняго, какъ себя самаго. Это равно и во

всякій день, если исполняется, безъ сомнѣнія, прекрасно, а если нарушается, признается противоположнымъ прекрасному. И если что сего дня признано худымъ дѣломъ, будетъ ли это преступленіе—убійство, или другое что изъ запрещеннаго, никто на слѣдующій день того же самаго не почтетъ хорошимъ. Поэтому, если худое всегда таково, въ какое бы время ни отважился кто на сіе: то и неподлежащее отвѣтственности не сдѣлается подлежащимъ отъ времени. Поэтому, если наканунѣ субботы собирать дрова и зажигать костеръ не есть неправда, и не подвергается это наказанію; то почему тоже самое въ слѣдующій день дѣлается преступленіемъ?

Но знаю субботу—день покоя, знаю законъ о недѣланіи, который, несвязавъ въ человѣкѣ естественной его дѣятельности, повелѣваетъ быть безъ дѣла, если только повелѣваетъ и невозможное, заповѣдуя ничего не дѣлать намъ, у которыхъ, кромѣ другихъ дѣлъ, и самый образъ жизни есть дѣло: таковы: зрѣніе очей, естественная дѣятельность слуха, обоняніе ноздрей, вдыханіе воздуха устами, слово слабое языкомъ, приготовленіе пищи зубами, вареніе ея во внутренностяхъ, движеніе съ помощію ногъ, совершеніе руками всего, что обыкновенно дѣлаютъ у насъ сіи члены. Поэтому, возможно ли пребыть непреложнымъ закону о недѣланіи, когда естество не допу-

скаеть бездѣйствія? Какъ убѣжду ничего не видѣть въ субботу тотъ глазъ, у котораго естественное свойство — непременно на что нибудь смотрѣть? Какъ удержу дѣятельность слуха? Чѣмъ убѣдится у меня обоняніе, отлагать на субботу воспримчивое ощущеніе испареній? Какъ впутренности, порабоцаясь закону, не будутъ дѣйствовать имъ особенно принадлежащею дѣятельностію, оставлять въ тѣлѣ пищу непереваренною, чтобы только показать, что естество пребываетъ празднымъ въ субботу? Если же прочія части тѣла нашего не могутъ принять закона о бездѣйствіи; потому что бездѣйственное вовсе не будетъ причастно и жизни: то, безъ сомнѣнія, невозможно не нарушить субботы, хотя бы оставались рука или нога не подвижными, въ томъ же видѣ и на томъ же мѣстѣ. Посему, такъ какъ законъ положенъ не одному члену, но цѣлому человѣку, то навѣрцо не сохранимъ мы закона, не дѣйствуя членомъ, если будемъ нарушать постановленное, согласно съ естествомъ дѣйствуя прочими чувствилищами. Но законъ отъ Бога; а все заповѣданное Богомъ не таково, чтобы противорѣчить естеству, или оказываться невходящимъ въ законъ о добродѣтели; несогласное же съ разумомъ бездѣйствіе не есть добродѣтель; посему надлежитъ разыскать, чего требуетъ заповѣдь о субботнемъ бездѣйствіи.

Итакъ утверждаю, что всего законоположенія, какъ даннаго Богомъ, цѣль одна, принявшихъ законъ соблюсти чистыми отъ дѣлаицъ порока; и весь законъ, возбраня запрещенное, повелѣваетъ субботствовать отъ дѣлъ лукавыхъ. И скрижали, и левитское соблюденіе, и строгость, предписанная во Второзаконіи, требуютъ отъ насъ быть праздными и бездѣйственными въ томъ, дѣланіе чего есть порокъ. Посему, если кто принимаетъ законъ въ томъ смыслѣ, что человѣку должно быть празднымъ отъ порока, то согласенъ и я, что мудрый Екклесіастъ опредѣляетъ время, — бросать камни въ собирающаго себѣ дрова, чѣмъ возбраняется собираніе сухихъ сучьевъ порока, собираемыхъ въ лицу огню. Если же останется голый буквальный смыслъ; то не вижу, почему законъ признавать боголѣпнымъ.

Посему должно уразумѣть, какіе это камни, бросаемые въ такого человѣка, чтобы раченіе его о собираніи сучьевъ не достигло своего конца. Если же это дрова, которыми возженъ будетъ огонь собирающему (а конечно не неясно сіе для того, кто какъ либо вводитъ таинственный смыслъ; ибо Апостоль *дровами, тростіемъ и сѣномъ* прекрасно называетъ дурное зданіе (1 Кор. 3, 12.), потому что таковыя зданія во время суда дѣлаются огнемъ, и плевы, говоритъ евангельское слово, уготовляются огню (Матѣ. 3, 12.) и о безплодной вѣтви данъ

приговоръ , что она пригодна только для огня (Іоани. 15, 6.): то явно будетъ, что дрова, собираемыя на уготовленіе огня суть суетныя предначинанія жизни; а во время побиваемый камнями, какъ пойметъ иный, не погрѣшая противъ надлежащаго смысла, есть клонящійся къ худому помыслъ. Безъ сомнѣнія же надлежитъ разумѣть, что убійственныя для порока помыслы суть тѣ мѣтко бросаемыя изъ пращи Екклесіастовой камни, которые всегда надобно и бросать и собирать. Бросать къ низложенію того, что высится противъ нашей жизни; а собирать, чтобы лоно души всегда было полно таковыхъ заготовленій, и имѣть намъ подъ руками, что бросить во врага, если когда противъ насъ иначе измыслить кознь.

Посему откуда же соберемъ камни, чтобы замечать ими врага? Слышалъ я пророчество, которое говоритъ: *каменіе свято валяется на земли* (Зах. 9, 16.). А это—словеса, сходящія къ намъ отъ богодухновеннаго Писанія; ихъ надлежитъ собирать въ лоно души, чтобы во время воспользоваться ими противъ огорчающихъ насъ; метаніе ихъ такъ прекрасно, что и врага они убиваютъ, и не отдаляются отъ руки метущаго. Ибо кто камнемъ цѣломудрія мететь въ невоздержный помыслъ, въ удовольствіяхъ собирающій дрова въ нищу огню, тотъ и помыслъ побораетъ симъ метаніемъ, и

оружіе всегда носить въ рукѣ. Такъ и правда дѣлается камнемъ для неправды, и ее убиваетъ, и хранится въ лонѣ поразившаго. Такимъ же образомъ все разумѣемое лучшимъ бываетъ убійственно для понимаемаго, какъ худшее, и не отдаляется отъ преуспѣвающего въ добродѣтели.

Такъ по нашему разсужденію, надлежитъ во время бросать камни и во время собирать камни, чтобы совершались всегда добрыя метанія къ истребленію худшаго, и никогда не оскудѣвало у насъ обиліе таковыхъ оружій. Далѣе же за симъ въ связи рѣчи предлагаемая мысль опредѣляетъ время и неблаговременность какого-то обманія, и буквально читается такъ:

Время обманити, и время удалитися отъ обманія. Но сіи понятія не иначе сдѣлаются для насъ ясными, какъ по предварительномъ уразумѣніи сего чтенія изъ Писанія же, когда явно намъ будетъ, о чемъ богодухновенное слово обыкновенно употребляетъ это раченіе. А сіе великій Давидъ даетъ видѣть въ псалмахъ, гдѣ взываетъ, говоря: *обидите Сионъ, и обманите его* (Пса. 47, 13.). Да и самъ этотъ Соломонъ, когда съ любовію расположеннаго къ премудрости вводитъ въ искренній съ нею союзъ, какъ говоритъ и нѣчто иное, чѣмъ производится въ насъ сближеніе съ добродѣтелію, такъ присовокупляетъ и слѣдующее:

почти ю, да тя обзидетъ (Притч. 4, 8.). Посему, если Давидъ повелѣваетъ намъ объять Сіонъ, а Соломонъ сказалъ, что почтившіе премудрость объемлются ею: то не погрѣшимъ противъ надлежащаго разумѣнія, дознавъ то самое, обманіе чего благовременно. Сіонъ есть гора возвышающаяся надъ іерусалимскою крѣпостію. Поэтому совѣтующій тебѣ объять его, повелѣваетъ быть приверженнымъ къ высокой жизни, чтобы достигнуть самой твердыни добродѣтелей, которую Давидъ загадочно означилъ именемъ Сіона. А уготовляющійся сожителемъ съ премудростію возвыщаетъ тебѣ о томъ объятіи, какое у нихъ послѣдуетъ. Итакъ время объимати Сіонъ, и время быть объатымъ премудростію, такъ какъ именемъ Сіона указывается высота жизни; а премудрость означаетъ собою всякую въ частности добродѣтель. Посему, если изъ сказаннаго узнали мы благовременность объятія, то изъ сего же самаго научились, съ кѣмъ разлученіе полезнѣе союза. Ибо сказано:

Время удалитися отъ обзиданія. Кто освоился съ добродѣтелію, тотъ чуждается сношенія съ порокомъ. Ибо *кое общеніе свѣту ко тмѣ, или Христови съ велиаромъ?* или какъ возможно тому, кто служитъ двоимъ противоположнымъ между собою господамъ, содѣлаться угоднымъ для обоихъ? Ибо любовь одного производитъ ненависть въ другомъ. Посему, когда чувство

любви имѣеть хорошее послѣдствіе, а это есть благовременность, тогда дѣйствительно послѣдуетъ отчужденіе отъ противоположнаго. Если истино возлюбилъ ты цѣломудріе, то возненавидишь противоположное. Если съ любовію взираешь на чистоту; то явно, что возгнушался ты зловоніемъ грязи. Если привязанъ къ доброду, то непремѣнно сталъ далекъ отъ привязанности къ худому.

А если кто значеніе обманія перенесеть на любовь къ богатству, то Екклесіастово слово показываееть, какое богатство обымать— доброе дѣло, и объятія какихъ стяжаній надлежитъ удаляться. Знаю вождельнное сокровище, *сокровенное на селѣ* (Матѣ. 13, 44.), не вѣсмъ видимое. Знаю еще богатство презрѣнное, не упваемое только, но видимое уже очами. Сему научаееть апостольское слово, говоря: *не смотрящихъ на мѣ видимыхъ, но невидимыхъ: видима я бо, временна: невидима же, вѣчна* (2 Кор. 4, 18.). Если поняли мы это, съ помощію сего поймемъ и продолженіе слова.

Екклесіастъ говоритъ: *(б) время искати, и время погубляти*. Ибо кто уразумѣлъ изъ изслѣдованнаго, отъ обманія чего надлежитъ удаляться, и съ чѣмъ входитъ въ связи, тотъ будетъ знать, чего надлежитъ искать, и потеря чего прибыточна. Ибо сказано: *время искати, и время погубляти*. Посему, чего на-

добно ииѣ искать, чтобы получить приличное времени? Но чего должно искать, показываетъ пророчество, говоря: *взыщите Господа, и утверждайтесь* (Пса. 104, 4.); и еще: *взыщите Господа, и вегда обрѣсти Того, призовите* (Иса. 55, 6.); и: *да возвеселится сердце ищущихъ Господа* (Пса. 104, 3.). Посему познавъ я изъ сказаннаго то, что надлежитъ искать, и чего нахождение само есть всегдашнее исканіе. Ибо не иное что значить искать сіе, и не иное — находить; но выгода обрѣтенія есть самое исканіе. Угодно ли дознать тебѣ и благовременность? Когда время искать Господа? Отвѣчу кратко: цѣлую жизнь. Ибо объ этомъ одномъ благовременно имѣть раченіе при всякомъ другомъ раченіи. Не въ установленные какіе либо дни и не въ опредѣленное на сіе время разыскать Господа благо есть; напротивъ того никогда не прекращать сего вовсе ипущему — вотъ истинная благовременность. *Очи мои, говоритъ Пророкъ, выну ко Господу* (Пса. 24, 15.). Видишь, съ какимъ прилежаніемъ око изслѣдываетъ искомое, не давая себѣ никакого отдохновенія, никакой перемежки въ наблюденіи искомаго. Ибо присовокупленіемъ слова: *выну* показалъ всегдашнее продолженіе и непрерывность раченія.

Также уразумѣемъ и *время погубляти*, признавая для себя выгодою губить то, присутствіе чего дѣлается вредомъ имѣющему. Худое

стяжаніе—сребролюбіе, поэтому погубимъ его; худой запасъ — злопамятство, поэтому отбросимъ его; пагубное приобрѣтеніе—невоздержное похотѣніе, имъ-то болѣе, нежели чѣмъ другимъ, обвиняемъ, чтобы такою нищетою приобрѣсти себѣ царство: ибо *блаженни нищии духомъ* (Матѳ. 5, 3.), то есть, обѣднявшіе такимъ богатствомъ. И всѣ другія дѣвольскія драгоценности блаженнѣе человѣку даже и въ началѣ не приобрѣтать, чтобы содѣлаться вовсе нестяжателями оскверняющаго; а не менѣе прекрасно и тому, кто прежде имѣлъ у себя это лукавое стяжаніе, губить и въ ничто обращать таковыя имущества. Но вовсе не имѣть когда либо участія въ подобномъ выше того, что совмѣстно съ естествомъ человѣческимъ; а уничтожить получивъ—на сіе достанетъ крѣпости и человѣческихъ силъ. Посему не имѣть никакихъ стяжаній противника принадлежить единому Господу, пріившему на Себя одиѣ съ нами немощи, кромѣ грѣха; ибо говоритъ Отецъ: *рядетъ сего міра князь, и во Мнѣ не находитъ* ничего изъ принадлежащаго ему (Іоан. 14, 30.). А какъ очищать себя тщательнымъ покаяніемъ, примѣры сему можно видѣть и на людяхъ, отличившихся добродѣтелію. Погубилъ Павелъ худое стяжаніе невѣрія, при помощи Сообщившаго ему благодать пророчества, и сталъ онъ исполненнымъ сокровища, котораго искалъ. Погубилъ Исаія при очище-

ни Божественнымъ углемъ всякое нечистое, и слово, и помышленіе: и чрезъ это исполнился Духа Святаго. Губить всякіи въ приобщеніи лучшаго все признаваемое противнымъ тому. Такъ цѣломудреннѣй губить неотребуется, правдивѣй неправду; скромнѣй — гордыню, доброжелательнѣй — ненависть, исполненнѣй любви — вражду. Какъ въ евангеліи слѣпой пачель, чего не имѣлъ, погубивъ, что имѣлъ; ибо по отъятіи слѣпоты вошелъ вмѣсто ея лучъ свѣта, — и на прокаженнаго, по уничтоженіи болѣзни, нисходитъ благодать здравія, и возставляемыхъ отъ смерти въ присутствіи жизни оставляетъ мертвость: такъ и въ предстоящемъ намъ любомудрїи невозможно приобрѣсти что либо высокое не погубившимъ раченія о земномъ и низкомъ. Ибо пахожденіемъ послѣдняго губится для насъ болѣе предпочтительное; и обратно потеря сего содѣлается причиною обрѣтенія драгоценнаго. Сему научаемся мы Господнимъ Словомъ: *обрѣтъи душу свою поубитъ ю* (Матѣ. 10, 39.). Ибо то самое, что душа бываетъ обрѣтена въ вождѣваемомъ по веществу, дѣлается причиною не обрѣтенія ея въ благахъ истинныхъ. И наоборотъ лишеніе и гибель перваго дѣлается приобрѣтеніемъ уповаемаго. *Кая бо польза человеку, ище мїръ весь приобрящеть, душу жег свою отщетитъ* (Матѣ. 16, 26.)? *Время, сказано, искати, и время поубляти.* Посему, если

узнали мы, какая выгода въ томъ искомомъ, которое обрѣтается потерею приобрѣтеннаго худо: то перваго взыщемъ, а послѣднее погубимъ. Взыщемъ прекраснаго, а погубимъ худое. Но прекрасно и близко къ разсмотрѣнному и то, что читается въ связи съ написаннымъ.

Евклесіастъ говоритъ: *время хранить, и время отрывать*. Что же *хранить*? Очевидно найденное нами въ слѣдствіе исканія. Что *отрывать*? Безъ сомнѣнія то, потеря чего признана полезною. Родилась у тебя правая мысль, пришло тебѣ желаніе видѣть Бога; *возжада душа твоя къ Богу крѣпкому живому* (Псал. 41. 3.); родилось въ тебѣ сильное желаніе быть во дворахъ Господнихъ; а дворы Господни, по моему разсужденію, суть добродѣтели, съ которыми водворяется Слово, и всякій послѣдующій Слову; храни это, чтобы не расточилось у тебя богатство чистыхъ стяжаній ума. Вкрадывается какой противный помысль, подобно скрытному какому татию истребляющему чистыя помышленія; изринуть и изгнать быть долженъ онъ изъ ума. Ибо по удаленіи его въ безопасности сохранится у насъ сокровище благъ. Если же вредоносный не изринуть, то никакой не будетъ выгоды отъ приобрѣтенія; потому что богатство утечетъ по злоумышленію подкапывающихъ стѣны.

Итакъ, послѣлику извѣдали мы время *исканія*,

а всякій ищущій находить: то, чтобы найденное оставалось при насъ, приставимъ къ сокровищу какую либо бдительную стражу. Сказано: *всящѣмъ храненіемъ блюди твое сердце* (Притч. 4, 23.), послѣ того, какъ нашель, храня найденную благодать. Напримѣръ, приступивъ съ вѣрою, обрѣлъ ты чистоту въ купѣли. Но больше труда—сохранить, что пріялъ, нежели найти, чего не имѣлъ. Потому, какъ, по сказанному нами, благовременность исканія не опредѣляется какимъ либо временемъ, но вся жизнь есть единое время для добраго сего исканія: такъ утверждаемъ, что и время хранения измѣряется всею жизнію, предлагая и теперь тоже пророческое слово, которое говоритъ: *очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои* (Пса. 24, 15.). Въ томъ и безопасность къ храненію добраго нашего стяжанія, чтобы хранителемъ нашихъ стяжаній содѣлался Богъ. Ибо когда *очи мои будутъ выну ко Господу*, тогда недейственнымъ останутся сѣти сопротивника, которыми онъ строитъ козни тому, что въ душѣ драгоценнаго. Сказано: *не даждь во смятеніе ноги твоя, и не воздремлетъ храняй тя* (Пса. 120, 3.). Итакъ настоящее изреченіе состоитъ въ связи съ предыдущимъ словомъ; то повелѣвало искать, чтобы найти; а это совѣтуетъ хранить, чтобы не потерять. Способъ же хранить благо состоитъ въ томъ, чтобы отметить все

признаваемое сопротивнымъ, какъ и въ осажденномъ городѣ охраненіе дѣлается болѣе надежнымъ, когда изгнаны предатели; а пока они въ городѣ, скрытые враги сіи злоумышляютъ болѣе явныхъ. Ибо сказано: *время хранить, и время отрѣзати.*

Дальнѣйшее послѣдованіе рѣчи возводитъ душу къ высшему нѣкому лобомудрію объ умопредставляемомъ. Ибо показываетъ, что вселенная сама въ себѣ крѣпко связана, и въ стройности умопредставляемаго нѣтъ никакого разрыва, а напротивъ того у существъ имѣется какос-то между собою единодуніе. И ничто не отдѣляется отъ взаимной связи всего; напротивъ того все пребываетъ въ бытіи, содержимое силою Суцаго. А дѣйствительно сущее есть или сама благодать, или другое имя, если кто кромѣ сего примыслить какое либо въ означеніе нетлѣннаго Естества. Да и какъ кто либо найдетъ Ему *имя, еже,* по выраженію божественнаго Апостола, *паче всякаго имени* (Фил. 2, 9.)? Вирочемъ, какое ни найдено было бы имя въ означеніе неизглаголаннаго могущества и естества; означаемое непремѣнно есть благо.—Итакъ сіе-то благо, или что-то пресвысшее блага, и само дѣйствительно существуетъ, и отъ себя даю и даетъ существамъ силу и придти въ бытіе, и пребывать въ бытіи. А все, представляемое внѣ Его, есть несущественность. Ибо что внѣ суцаго, то

не въ бытіи. Посему такъ какъ зло представляется чѣмъ-то противоположнымъ любви; а Богъ есть всесовершенная добродѣтель; то виѣ Бога зло, котораго свойство состоитъ не въ томъ, что оно въ бытіи, но въ томъ, что оно не въ добрѣ. По нашему положенію слово: зло есть наименованіе того, что виѣ понятія о добрѣ. Зло представляется столько же противоположнымъ добру, сколько несуществующее противоположно существующему. Итакъ, послѣку мы по свободному устремленію отъ добра, то, какъ о тѣхъ, которые не во свѣтѣ, говорится, что видятъ тму (ибо ничего невидѣть значитъ видѣть тму), такъ и въ насъ, отпадшихъ отъ добра, осуществилось тогда несущественное естество зла, и доколь пребудетъ, пока мы виѣ добра. Если же свободное движеніе нашей воли прерветъ сношеніе съ несущественнымъ и сблизится съ Сущимъ, то и сіе, что теперь во мнѣ, не имѣя болѣе бытія, вовсе не будетъ имѣть и того, чтобы оставаться во мнѣ; потому что зло, виѣ произволенія взято, само по себѣ не существуетъ. А я, обратившись и прильбнившись къ истинно Сущему, и пребываю въ Сущемъ, который и всегда былъ, и на всегда пребудетъ, и нынѣ есть.

Сіи мысли, кажется мнѣ, внушаются сказаннымъ: (7) *время раздражи, и время шити*, а именно, чтобы мы, отторгшись отъ того.

съ чѣмъ на зло себѣ сроднились, прильпились къ тому, единеніе съ чѣмъ для насъ благо. Ибо сказано: *ниль прильпятся Богови, бласго есть, полагати на Господа упованіе мое* (Ис. 72, 28.). Иный можетъ сказать, что совѣтъ сей полезенъ и для многаго инаго; на примѣръ: *излите злою отъ васъ сальмъ* (1 Кор. 5, 13.). Сіе повелѣваетъ божественный Апостоль объ осужденномъ за беззаконное смѣшеніе, приказывая отторгнуть его отъ общей полноты Церкви, чтобы и *малъ квасъ*, какъ говоритъ онъ, порока въ осужденномъ не содѣлалъ бесполезнымъ *все слышеніе* церковной молитвы (6).

Отторгнутаго же за грѣхъ снова сшиваетъ Апостоль покаяніемъ, говоря: *да не мноюю скорбію пожренъ будетъ* (2 Кор. 2, 7.). Такъ благовременно умѣлъ онъ и отдрать загрязненную часть церковной ризы, и снова пришить благовременно, когда стала омыта отъ скверны покаяніемъ. Можно видѣть и многое сему подобное, что, какъ, по сказаніямъ, у древнихъ, такъ и въ наше время, совершалось и совершается въ церквахъ домостроительственно. Ибо знаете, съ кѣмъ у насъ прервано единеніе, и съ кѣмъ мы всегда какъ бы сшиты. Отторгнувъ отъ ереси, во всякое время привязаны мы къ благочестію, и тогда видя хитонъ церкви нераздраннымъ, когда отторгся кто отъ общенія въ ересь. Но согласно ли съ

взглядомъ прежде нами изслѣдованнымъ любомудрствуетъ Писаніе о существахъ, или въ этомъ совѣтѣ научаешь оно чему либо подобному; во всякомъ случаѣ изреченіе сіе содержитъ въ себѣ полезное и ко многому прилагаемое правило, во время отрывая отъ того, съ чѣмъ быть въ связи худо, и во время привязуя опять къ тому, съ чѣмъ единеніе полезно.

Но мы перейдемъ къ послѣдующему въ словѣ, чѣмъ по высшему любомудрію разсмотрѣнное слово болѣе, кажется мнѣ, имѣеть близости съ послѣднимъ изреченіемъ. Ибо напередъ указало *время молчать*, а по молчаніи дало *время глаголати*. Посему, когда и о чемъ лучше молчать? Иный скажетъ, что объ относящемся къ нраву часто молчаніе приличнѣе слова, какъ напримѣръ Павелъ различаетъ благовременность молчанія и слова, иногда узаконяя молчать, а иногда совѣтуя говорить. *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ*— вотъ законъ молчанія; *но точію еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (Ефес. 4, 29.)— вотъ время говорить. *Жены въ церквахъ да молчатъ* (1 Кор. 14, 34.). Апостоль опять опредѣлилъ время молчанію. *Аще же чего не знаютъ, научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ*; опять указавъ благовременность слова. *Не лжете другъ на друга* (Колос. 3, 9.); вотъ

благовременность молчанія. *Глаголите кійждо искреннему своему истину* (Ефес. 4, 25.), — снова дозволеніе говорить. Много подобнаго сему можно сказать и изъ ветхаго писанія. *Внегда востати грѣшному предо мною, оньмльхъ и смирихся, и умолчахъ отъ блазъ* (Пса. 38, 2. 3.): *яко глухъ не слышахъ, и яко нльмъ не отверзаяй устъ своихъ* (Пса. 37, 14.). Безгласнымъ дѣлается, кто пребываетъ неподвижнымъ къ воздаянію за зло; а для чего надлежитъ употребить слово, отверзаетъ *уста въ притчахъ*, провѣщавааетъ *зананія* (Псал. 77, 2.), исполняетъ *уста хваленія* (Пса. 70, 8.), дѣлаетъ языкъ *тростію* (Пса. 44, 2.).

Но когда въ Писаніи тысячи примѣровъ, какая нужда утончаться въ словѣ о томъ, что всѣми признано? А что пришло мнѣ на мысль прежде сего, именно же, что благовременность *молчати* и *глаголати* согласуется съ предложеннымъ умозрѣніемъ о *раздраніи* и *сшитіи*, намѣреваюсь это же, повторивъ снова, сказать въ немногихъ словахъ. Ибо тамъ слово, отторгнувъ душу привязанную на зло себѣ къ противнику, привело въ единеніе съ истинно сущимъ, прилѣпивъ ее къ тому, что выше слова, какъ предварительно о семъ была рѣчь: а здѣсь, поэтому же, кажется мнѣ, напередъ повелѣно молчать, именно же, потому что, чего отторгшаяся отъ зла душа непреставно ищетъ, и съ чѣмъ, обрѣтши это, желаетъ быть

сошвенною, то, превосходя всякое понятіе и наименованіе, выше всякаго къ истолкованію служащаго слова. И упорно старающійся вмѣстить это въ значеніе слова, самъ того не примѣчая, погрѣшаетъ противъ Божества. Ибо о чемъ вѣруемъ, что все превышаетъ, то, конечно, выше и слова. А кто предпріемлетъ неопредѣлимое объять словомъ, тотъ не соглашается ли уже, что превышаетъ всего вводимое имъ вмѣсто всецрвышняющаго, потому что собственное слово свое почитаетъ чѣмъ-то сему подобнымъ и столько же великимъ, поколику и въ какой мѣрѣ вмѣстило сіе слово, не зная, что боголѣпное понятіе объ истинно-сущемъ сохраняется только при увѣренности, что Божество превышаетъ вѣдѣнія? Посему все сущее въ твари взираетъ на то, что сродно съ нимъ по естеству: и пѣтъ существа между тварями, которое бы пребывало въ бытіи, изшедши изъ себя самаго. Пѣтъ ни огня въ водѣ, ни въ огнѣ воды, ни суши въ глубинѣ, ни влажности въ сушѣ, ни въ воздухѣ землянаго, ни въ землѣ также воздушнаго: напротивъ того каждое существо, оставаясь въ собственныхъ своихъ естественныхъ предѣлахъ, дотолѣ и существуетъ, пока пребываетъ внутри собственныхъ своихъ предѣловъ. Если же что станетъ внѣ самого себя, то оно будетъ и внѣ бытія. И какъ сила чувствилищъ, оставаясь при естественныхъ дѣятельностяхъ, не

можетъ перейти въ дѣятельность чего либо ближайшаго; глазъ не дѣйствуетъ, какъ слухъ, слухъ не имѣетъ вкуса, осязаніе не бесѣдуетъ, языкъ не производитъ того, что дѣлаютъ зрѣніе и слухъ: но каждое чувство имѣетъ предѣломъ собственной своей силы свою естественную дѣятельность: такъ и всякая тварь не можетъ обширностію своего воззрѣнія выйти изъ самой себя, но всегда въ себѣ пребываетъ, и на что ни смотритъ, видитъ себя, хотя и думаетъ, будто бы видитъ нѣчто высшее себя, однакоже не имѣетъ по естеству и способности смотрѣть внѣ себя. Такъ напримѣръ при обзорѣніи существъ усиливается отрѣшиться отъ представленія пространства, но не отрѣшается. Ибо со всякимъ вновь обрѣтаемымъ представленіемъ непремѣнно вмѣстѣ усматриваетъ и пространство, объемлемое существованностію представляемаго умомъ. Пространство же есть не иное что, какъ тварь. А то благо, котораго искать, и которое сохранить научились мы, будучи выше твари, выше и постиженія. Ибо наша мысль, совершая путь по пространственному протяженію, какъ постигнуть непространственное естество, всегда чрезъ разложеніе времени извѣдывая, что изъ находимаго его старше? Хотя своею любознательностію протекаетъ она все познаваемое, однакоже не находитъ никакого способа перейти представленіе вѣчности, чтобы поставить

себя вѣѣ, стать выше, и существа прежде всего созерцаемаго, и самой вѣчности. Но, какъ бы нашедши себя на нѣкой вершинѣ горы, предположи, что это какая-то скала, гладкая и круглая, внизу по паружности красная, простирающаяся въ безпредѣльную даль, а въверху подъемлющаяся въ высоту утесомъ, который нависшимъ челомъ надасть въ какую-то обширную пронасть. Посему, что естественно терпѣть касающемуся краемъ ноги этого клонящагося въ пронасть утеса, и не находящему ни опоры ногѣ, ни поддержки рукѣ, — это же, по моему мнѣнію, терпѣть и душа, прошедшая то, что проходимо въ протяженномъ, когда взыскуеть естества предвѣчнаго и непротяженнаго; не находя, за что взяться, ни мѣста, ни времени, ни мѣры, ни чего либо другаго сему подобнаго, къ чему доступъ возможенъ для нашего разумнїя, по повсюду скользя при соприкосновенїи съ неударжимымъ, приходитъ она въ круженїе и смущенїе, и снова обращается къ сродному, возлюбивъ такую только мѣру познанїя о Превысшемъ, при какой можно убѣдиться, что Оно есть нѣчто иное съ естествомъ вещей познаваемыхъ. Посему, когда слово приходитъ къ тому, что выше слова, тогда настаетъ время молчать, и неизъяснимое чудо оной неизглаголанной силы содержать въ тайнѣ сознанїя, зная, что и великіе мужи глаголали о дѣлахъ Божїихъ, а не о

Богъ, говоря: *кто возлагаетъ силы Господни* (Пса. 105, 2.)? и : *повѣлѣзъ вся дѣла твоя* (Пе. 9, 1.); и еще: *родъ и родъ восхваляютъ дѣла Твоя* (Пса. 144, 4.). Дѣла глаголють, и о дѣлахъ возвѣщаютъ, и убѣждаютъ гласно исповѣдать о томъ, что сдѣлано. Но когда слово о самомъ пресвосходящемъ всякое слово, тогда тѣмъ самымъ, что говорятъ, прямо узаконяють молчаніе. Ибо глаголють, что великолѣпно, славѣ, святыни Его *нѣсть конца* (3). Подлинно чудо! Почему слово убоилось приблизиться къ славѣ Божественнаго чуда, такъ что удивленіе не коснулось чудесности чего либо изъ усматриваемаго отъ нѣ? Ибо не сказало, что сущности Божіей нѣсть конца, почитая весьма дерзновеннымъ составить о семъ понятіе, но только выражаетъ словомъ удивленіе усматриваемому въ словѣ великолѣпно. Пророкъ не могъ также видѣть и сущности самой славы, но изумлявалъ, представивъ мысленно славу Его святыни. Посему сколько далека былъ отъ того, чтобы любопытствовать объ естествѣ, что оно такое, кто не имѣлъ силъ даже подивиться послѣдному изъ проявляемаго? потому что не святыни Его и не славѣ святыни дивился, но предположивъ удивляться только великолѣпно славы святыни, чудомъ оной приведенъ въ изнеможеніе. Ибо не объялъ мыслию конца въ возбуждающемъ удивленіе. Почему говорить, что *славѣ, великолѣпно, святыни Его*

нѣсть конца. Итакъ, если рѣчь о Богѣ, то, когда вопросъ о сущности, время молчать: а когда о какомъ либо благомъ дѣйстви, вѣдѣніе о которомъ нисходитъ и до насъ, тогда время возглаголатъ силы, возвѣститъ чудеса, повѣдать дѣла, и до сихъ предѣловъ пользоваться словомъ; а въ разсужденіи того, что внѣ оныхъ, не позволять твари выступать изъ своихъ предѣловъ. довольствоваться же, если познаеть сама себя. Ибо, по моему разсужденію, если тварь не познала сама себя, не постигла, какова сущность души и естество тѣла, откуда существо, откуда рожденія одного отъ другаго, какъ несуществующее осуществляетъ, какъ существующее разрѣшается въ несуществующее; какая стройность въ мірѣ семъ изъ противоположностей. — если тварь не познала сама себя; то какъ объяснить то, что выше ея? Посему время молчать объ этомъ: потому что молчаніе о семъ лучше. Время же говорить о томъ, чѣмъ жизнь наша возрастаетъ въ добродѣтели, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВЕСЬДА 9.

(3. 8.) *Время любить, и время ненавидѣти.* Кто будетъ имѣть столько чистый слухъ, чтобы чисто принять слово о любви, не привнеся

въ себя съ нимъ ничего изъ нечистой любви? И нашимъ, можетъ быть, ушамъ потребны персты Иисусовы, чтобы Божественнымъ прикосновеніемъ истиннаго Слова способность слуха у души нашей освобождена была отъ всякой скверны, заграждающей слухъ, и уразумѣли мы достойную похвалы любовь, вияли душею, когда *время любви*, и когда *время ненавидѣти*. Не думаю же, чтобы это было иное какое либо время, кромѣ полезнаго. Ибо, по моему разсужденію, польза того и другаго изъ сихъ расположеній показывасть благовременность обнаруженія каждаго; такъ что, если открывающееся на дѣлѣ не служитъ къ пользѣ, то оно и неблаговременно. Прежде же всего, думаю, надлежитъ выразумѣть значеніе этихъ двухъ словъ, разумѣю, слова: *любити* и *ненавидѣти*, чтобы такимъ образомъ уразумѣть намъ въ словѣ и благовременное ихъ употребленіе.

Любовь есть внутренняя связь съ тѣмъ, что пріятно, производимая удовольствіемъ и пристрастіемъ. Ненависть есть отчужденіе отъ непріятнаго и отвращеніе отъ оскорбляющаго. То или другое изъ сихъ расположеній можно употреблять и съ пользою, и вопреки тому; и всякая добродѣтельная жизнь какъ бы отсюда ведетъ свое начало. Ибо къ чему приклонились съ любовію, съ тѣмъ основаніемъ душами: а къ чему расположены съ ненавистію, того чуждаемся. Съ хорошимъ, или съ худымъ бу-

детъ связь души, любимое душею нѣкоторымъ образомъ срастворяется съ нею. Но что ни было бы это, какъ скоро войдетъ въ среду ненависть произведетъ разрывъ и съ хорошимъ и съ дурнымъ. Посему должно намъ смотрѣть, что любезно, и что ненавистно, естеству, чтобы таковымъ расположеніемъ души пользуясь, благовременно содѣлаться по ненависти чуждыми худаго, и войти въ единеніе съ естествомъ добра. И о, еслибы естество человѣческое прежде всего обучалось этому, разумью различеніе хорошаго и того, что не таково! Къ нашей жизни не имѣли бы и доступа страсти, еслибы съ самаго начала распознавали мы хорошее. А теперь, цѣнителемъ хорошаго на первый разъ дѣлая неразумное чувство, возрастаемъ съ образовавшимся въ началѣ сужденіемъ о вещахъ, и потому съ трудомъ можемъ быть отвлечены отъ того, что признало въ насъ хорошимъ чувство, и съ чѣмъ своимъ возрастаніемъ утвердили мы себя въ добромъ сношеніи.

Хорошимъ представляется для людей, что глазамъ въ неодушевленномъ веществѣ, или въ одушевленныхъ зрѣлищахъ, доставляетъ нѣкоторое удовольствіе доброцвѣтностію. Для слуха прекрасно стройное пѣніе! а въ сокахъ и запахахъ опредѣляется хорошее, одно по одобренію вкуса, а другое—обонянія. Но что всего грубѣе и неразумнѣе, такъ это чувство

осязанія, которымъ въ приговорѣ о томъ, что хорошо, беретъ въ естествѣ верхъ невоздержное сластолюбіе. Итакъ, поелику чувства рождаются у насъ немедленно, вмѣстѣ съ нашимъ рожденіемъ, и ими пользуемся съ первыхъ дней жизни; а у чувственности великая близость съ неразумною жизнію; потому что подобное сему усматривается и у безсловесныхъ; между тѣмъ какъ умъ, неразвертывающійся во младенчествѣ, встрѣчаетъ какъ бы препятствіе въ своей дѣятельности, и нѣкимъ образомъ утѣсняется преобладаніемъ неразумнаго чувства; то по сему самому ошибочное и погрѣшительное употребленіе исполненнаго любви расположенія дѣлается началомъ и основаніемъ порочной жизни. И какъ у насъ двойное нѣкое естество, срастворенное изъ духовнаго и чувственнаго; то въ слѣдствіе сего двойная у насъ и жизнь, совершающаяся сообразно тому и другому естеству, и именно по части чувственной тѣлесно; а по другой части безплотно. Но тѣмъ, что прекрасно, и тѣмъ, что не таково, не одно и тоже равно служить для того и другаго вида нашей жизни, напротивъ того для жизни духовной — духовное, а для чувственной и тѣлесной части то, что угодно признавать таковымъ чувству. Итакъ, поелику чувство рождается вмѣстѣ съ началомъ нашего бытія, а умъ, который можетъ открываться въ человѣкѣ только по-

степенно, ожидаетъ, когда придетъ онъ въ соразмѣрный возрастъ: то по немногу раскрывающійся умъ находится по сей причинѣ подъ владычествомъ чувства, и что всѣми силами непрестанно беретъ верхъ, тому привыкаетъ повиноваться, то и признавая или хорошимъ или дурнымъ, что, или избираетъ, или отвергаетъ чувство. Посему затруднительнымъ и безуспѣшнымъ для насъ дѣлается уразумѣнiе истинно добраго; потому что бываемъ предубѣждены рѣшенiемъ чувствъ, ограничивая хорошее только тѣмъ, что веселитъ и услаждаетъ. Ибо какъ невозможно видѣть небесныя красоты, когда воздухъ надъ главою наполненъ туманомъ: такъ и душевное око не можетъ усматривать добродѣтели, когда при зрѣнiи, какъ бы туманомъ какимъ, объято сластолюбиемъ. Посему, такъ какъ чувство имѣетъ въ виду удовольствiе, а удовольствiе препятствуетъ уму усматривать добродѣтель; то дѣлается оно началомъ порока, потому что и умъ, преобладаемый чувствомъ, подтверждаетъ неразумное сужденiе о хорошемъ; и если глазъ скажетъ, что красота состоитъ въ доброцвѣтности видимаго, соглашается съ тѣмъ и разумѣнiе. А также и въ прочемъ то и признается хорошимъ, что веселитъ чувство.

Но если бы возможно намъ было какъ либо въ началѣ имѣть истинное сужденiе о хорошемъ, и умъ самъ собою оцѣнивалъ доброе:

то не рабствовали бы мы, поработившись неразумному чувству. и ставъ скотоподобными. Посему, чтобы могло быть въ насъ различаемо такое смѣшеніе, и непогрѣшительно распознавалось, что достолюбезно по естеству, и что опять противоположно сему, Екклесіастъ о томъ говоритъ теперь въ слѣдующихъ словахъ: *время любить, и время ненавидѣти*, чѣмъ различаетъ свойство вещей, показывая, что любимо, и что ненавидимо, можетъ быть съ пользою. Ибо юность, кипя страстями своего возраста, говоритъ: что ей время любить то, что любезно юности: но Екклесіастъ противорѣчитъ юности, опредѣляя иное время чистой любви: потому что погрѣшительная связь души съ тѣмъ, что ни съ чѣмъ несообразно, не есть и любовь. Какъ при здоровомъ состояніи нашего естества, жажда появляется въ тѣлѣ благовременно; а въ комъ такое расположеніе произведено угрызеніемъ особаго рода схида (д), о тѣхъ никто не скажетъ, что жажда дѣйствуетъ въ нихъ благовременно; потому что жажда у нихъ бываетъ не естественнымъ побужденіемъ, но недугомъ: такъ и нечистая любовь юности есть не любовь, но болѣзнь воли, производимая воспалительнымъ угрызеніемъ возраста.

(д) Сей родъ схида у древнихъ назывался: дипсада.

Поэтому не всякая любовь благовременна, а только ощущаемая къ достойному любви. Но о семъ невозможно приобрѣсти яснаго вѣдѣнія, если въ взглядѣ о семъ nebudeтъ разобрано самое понятіе любви. Итакъ изъ благъ, какія вождельныи людямъ, одни дѣйствительно таковы, какими и именуются, другія же имѣють ложное наименованіе. Все то, что невременное доставляетъ наслажденіе, и не таково, что одному кажется хорошимъ, а для другихъ бываетъ бесполезно, напротивъ же того всегда всѣмъ и во всемъ, у кого бы ни находилось, служить благомъ, — есть истинное благо, пребывающее всегда одинаковымъ, и недопускающее примѣси чего либо худаго; и оно изслѣдывающими сіе до точности усматривается въ единомъ Божественномъ и вѣчномъ естествѣ. А все прочее, что хорошо для чувства, хотя кажется хорошимъ по мнимому обольщенію, но не состоитъ, и не состояло, такимъ въ естествѣ своемъ, будучи же естества текучаго и скоропреходящаго, по нѣкому обольщенію и суственному предположенію людьми невѣжественными признается за дѣйствительно хорошее. Посему, если привязанные къ непостоянному не желаютъ всегда неизмѣннаго; то кажется, что Екклесіастъ, когда говоритъ: *время любить и время ненавидѣти*, какъ бы стоя на высокой нѣкой башнѣ, такъ взываетъ человѣческому естеству: истинное благо есть нѣчто иное: оно же са-

мое и прекрасно, и приобщающихся его дѣла-
 етъ таковыми. Ибо каково по природѣ то,
 чего приобщаются, въ тоже самое необходимо
 прелагаются и причащающіеся: такъ напри-
 мѣръ: благоухающими дѣлаются уста того, кто
 пріемлетъ въ уста какіе либо благоухающіе
 ароматы, и наоборотъ зловонны уста ядуща-
 щаго чеснокъ, или что другое еще болѣе зло-
 вонное. И такъ, поелку всякая грѣховная сквер-
 на зловонна, а напротивъ того добродѣтель
 есть Христово благоуханіе, исполненное же
 любви сношеніе съ любимымъ естественно
 производитъ сраствореніе; то къ чему привер-
 жены мы любовію, тѣмъ и дѣлаемся, или бла-
 гоуханіемъ Христовымъ, или зловоніемъ. Воз-
 любившій прекрасное самъ будетъ прекрасенъ;
 потому что благодать Пребывающаго въ немъ
 въ себя претворяетъ пріявшаго ее. Посему-то
 всегда Сущій предлагаетъ намъ Себя въ снѣдь,
 чтобы мы, пріявъ Его въ себя, содѣлались
 тѣмъ же, что Онъ. Ибо говоритъ: *плоть Моя*
истинно есть брашно, и кровь Моя истинно
есть пиво (Іоанн. 6, 55.). Посему, кто любитъ
 сію Плоть, тотъ не бываетъ другомъ собствен-
 ной своей плоти, и кто съ любовію распо-
 ложетъ къ сей Крови, тотъ содѣлается чистымъ
 отъ крови чувственной. Ибо плоть Слова и
 кровь, какая въ этой плоти, имѣютъ въ себѣ
 не одинъ какой либо благодатный даръ, —
 но сладостны для вкушающихъ, желательны

для вождѣвающихъ, достолюбезны для любящихъ.

Если же кто обратитъ любовь къ несостоятельному; то каково оно по естеству, таковымъ же по всей необходимости сдѣлается и предающійся этому. Посему, такъ какъ въ существующемъ, иное дѣйствительно, а иное суетно, то надлежитъ узнать суетное, чтобы чрезъ противоположеніе уразумѣть намъ естество дѣйствительно сущаго. Такъ поступаютъ всѣ святые, уклонившихся отъ прямаго пути и идущихъ путемъ погрѣшительнымъ возвращая на тотъ путь, съ котораго совратились, зывая имъ издали: «бѣги пути, по которому идешь; на немъ разбойники и грабители и засады убійць», — чтобы вмѣстѣ и путникъ предотвратилъ опасность нагубнаго пути, и уклоненіе съ сего пути содѣлалось путеводствомъ на путь спасающій. Такъ и великій Екклесіастъ свыше призываетъ человѣческому роду, блуждающему *по непроходный, а не по пути*, какъ говоритъ Пророкъ (Псал. 106. 40.), ясно въ сказанномъ выражая слѣдующее: «для чего, люди, блуждаете въ жизни! Для чего любите суетное, привержены къ непостоянному, и привязаны своимъ расположеніемъ къ тому, что не имѣетъ никакой состоятельности? Есть другой путь неогрѣшительный и спасительный; его возлюбите, по немъ шествуйте съ любовію; сему имя—истина, жизнь, нетлѣніе,

свѣтъ и тому подобное. А тотъ путь, по которому идете, достоинъ ненависти и отвращенія; потому что лишенъ свѣта и покрытъ тмою, ведетъ къ стремнинамъ, пропастямъ и мѣстамъ, гдѣ живутъ звѣри, скрываются разбойники».

Посему сказавшій: *время любить*, указалъ, что дѣйствительно заслуживаетъ дружбу и достолюбезно; и предписавшій время для ненависти научилъ, отъ чего надлежитъ имѣть отвращеніе. Посему дознавъ, что достолюбезно по естеству, къ сему и прилѣпимся любовію, нимало не совращаемые съ пути неумѣньемъ судить о прекрасномъ и не расточая любви на то, что запрещаетъ любить и великій Давидъ, говоря: *сынове чловѣчестіи, доколь тяжкосердіи? вскую любите суету, и ищите лжи* (Пса. 4, 3.)? Ибо одно только достолюбезно по естеству — истинно Сущее, о чемъ законоположеніе говоритъ въ десятословіи: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всего помышленія твоего* (Второз. 6, 5.). И одно также поистинѣ ненавистно, это — изобрѣтатель грѣха, врагъ нашей жизни, о которомъ законъ говоритъ: *возненавидиши врага твоего* (Матѳ. 5, 43.). Любовь къ Богу содѣлывается крѣпостію любящаго; а расположенность къ пороку приноситъ гибель любящему зло. Ибо такъ говоритъ пророчество: *возлюблю Тя Господи крѣпость моя: Господь*

укрѣпленіе мое, и приближище мое, и избавитель мой (Пса. 17, 2. 3.). О противоположномъ же говоритъ: *любилъ неправду, ненавиждитъ свою душу. Одождитъ на грѣшники слѣи* (Пса. 10, 5. 6.). Посему время для любви къ Богу—вся жизнь, и время для отчужденія отъ сопротивника — цѣлая жизнь. Кто хотя малую какую часть жизни своей пребываетъ внѣ любви Божіей, тотъ, безъ сомнѣнія, бываетъ внѣ Того, отъ любви къ Кому отдалился онъ. А пребывающему внѣ Бога, необходимо быть и внѣ свѣта (потому что Богъ свѣтъ есть), также внѣ жизни и нетлѣнія и внѣ всякаго понятія и всякой вещи представляемыхъ лучшими, что все есть Богъ. Ибо кто не въ этомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, въ противномъ. Посему такового приемятъ въ себя тма, тлѣніе, всегубительство и смерть.

Различивъ это въ краткомъ изреченіи, Екклесіастово слово показываетъ свойство того и другаго изъ представляемаго противоположно, открывъ сіе благовременною любовію и во время обнаруживаемою ненавистію. Время, говоритъ онъ, возлюбить доброе; и время также возненавидѣть противоположное; говоритъ же такъ: «той мысли держись, человѣкъ, что слово сіе имѣетъ въ виду прекрасное; потому что извращенное и погрѣшительное расположеніе нашей души, къ тому или другому изъ этого, есть корень и начало грѣха. Сказано:

никто не может двѣма господинома работати, ибо или единого возненавидитъ, а другою возлюбитъ (Лук. 16, 13.). Это противоположеніе научаетъ, кто господствуетъ худо, и кого надлежитъ чуждаться по ненависти, а также кто властвуетъ надъ подначальнымъ ко благу, и къ кому прилѣпляться прилично любви. Если же кто будетъ держаться ненавистнаго, а пренебрегать достоящимъ, то онъ нарушитъ благовременность любви и ненависти къ собственному своему вреду. Ибо небрегающій о дѣлѣ потерпитъ отъ него вредъ, а держащійся погибели, приобрѣтетъ себѣ то, чего держался. Посему различившій словомъ разумѣемое о добродѣтели и порокахъ, познаетъ благовременность, какъ надлежитъ вести себя въ разсужденіи того и другаго. Воздержаніе и снотвореніе, цѣломудріе и ненужность, скромность и кичливость, доброжеланіе и зломысліе, также все мысленно представляемое противоположнымъ, ясно указывается тебѣ Екклесіастомъ, чтобы ты хорошимъ расположеніемъ подалъ о семъ душѣ полезный совѣтъ. Посему время возлюбить воздержаніе, и возненавидѣть снотвореніе, чтобы содѣлаться тебѣ не снотворителемъ, а наче боголюбцемъ, и возненавидѣть также все прочее, любостроительность, корыстолюбіе, славолубіе, и что только обращеніемъ любви къ тому, чего не должно любить, разрываетъ связь съ добрымъ. Напри-

мѣръ дознали мы между прочимъ ученіе, что всякое движеніе души къ доброму уготовано Создавшимъ естество наше; если же погрѣшительное, конечно, употребленіе таковыхъ движеній породило поводы къ пороку; то свободная наша воля, будучи сама въ себѣ прекрасною, какъ скоро приводится къ дѣйствию на зло, дѣлается крайнимъ изъ золъ. И на оборотъ, сила, отталкивающая непріятное, которой имя есть ненависть, служитъ орудіемъ добродѣтели, когда вооружается на противное; но дѣлается оружіемъ грѣха тогда, какъ противоборствуетъ добру. Посему *всякое созданіе Божіе* изъ уготованныхъ въ насъ *добро и ничтоже отменно, со благодареніемъ пріемлемо* (1 Тим. 4, 4.); а неблагодарное употребленіе ихъ сдѣлало созданіе сіе страстію, по которой прекращается близость къ Богу, вводится же и поставляется на мѣсто Бога противоположное: такъ что таковыми людьми обоготворяются страсти. Такъ ненасытнымъ *богъ чрево* (Фил. 3, 19.). Такъ любостыжательные дѣлаютъ для себя идоломъ свою болѣзнь. Такъ по обольщенію омраченные душевными очами въ вѣкѣ семъ богомъ себѣ сдѣлали тщеславіе. Короче сказать, чему кто отдавъ подъ иго, свой помыслъ сдѣлаетъ рабомъ и подручнымъ, то и обоготворяетъ въ собственной своей страсти; но онъ не потерпѣлъ бы сего, еслибы не освоился любовію съ зломъ.

Поэтому, если уразумѣли благовременность любви и ненависти, то одно возлюбимъ, а съ другимъ поведемъ брань. Ибо Екклесіастъ говорить: (8) *время брани, и время мира. Видишь полчище сопротивныхъ страстей, законъ плоти, противуюющъ закону ума, и плывяющъ закономъ ирѣховнымъ* (Римл. 7, 23.). Обрати вниманіе на разнообразное приуготовленіе къ битвѣ, какъ сопротивное воинство въ тысячѣ мѣстахъ угрожаетъ нападеніемъ твоему городу; посылаетъ соглядатаевъ, привлекаетъ къ себѣ измѣнниковъ, устраиваетъ заставы и засады, заключаетъ условія о вспоможеніи, заготовляетъ боевыя оружія, пращниковъ, стрѣлковъ, рукопашныхъ бойцовъ, конскую силу, и все сему подобное ополчается противъ тебя. Конечно же, не неизвѣстенъ тебѣ смыслъ сказаннаго, знаешь, кто измѣнникъ, кто соглядатай, кто подстерегающіе въ засадѣ, кто пращники, кто стрѣлки, кто рукопашные бойцы и дружина конниковъ. Поэтому, все сіе имѣя въ виду, надлежитъ и намъ вооружиться, призвать союзниковъ, развѣдать о подвластныхъ намъ, не благопріятствуетъ ли кто врагамъ, предусмотрѣть на пути засады, обезопасить себя отъ ударовъ щитами, прикрыть себя сверху отъ вступающихъ въ рукопашный бой, и переконать подступъ къ намъ конницы. А инымъ прилично и стѣны обезопасить укрѣпленіями, чтобы не поколебали ихъ стѣнобитныя орудія.

Безъ сомнѣнія же никакимъ словомъ не объяснимъ въ подробности, какъ врагъ каждаго того города, населеннаго въ душѣ Богомъ, или допытывается о нашихъ силахъ, чрезъ соглядатаевъ, или даже между нами самими находитъ сдѣлавшихся предателями нашихъ силъ. Но чтобы яснѣе раскрылось это понятіе, скажемъ: таково первое прираженіе искушенія, съ чего берутъ начало страсти. Вотъ кто бываетъ соглядатаемъ нашихъ силъ! Представилось, напримѣръ, глазамъ зрѣлище, которое можетъ возобновить въ насъ вождельніе. Сия-то врагъ и извѣдываетъ въ тебѣ силы, крѣпки ли опѣ, и готовы ли къ отбою, или слабы и готовы сдаться. Ибо, если не принялъ ты на себя согбенной наружности, и силы разумѣнія не растерялись у тебя при томъ, что увидѣлъ, но безстрастно перенесъ ты встрѣчу, то немедленно приводишь въ ужасъ соглядатая, какъ бы показавъ ему какую копьями вооруженную дружину воиновъ, разумію ополченіе помысловъ. Если же во время зрѣнія чувство разнѣжилось отъ удовольствія, и подобіе видимаго образа посредствомъ очей вторглось внутрь сердца, то внутренній военачальникъ умъ, какъ немѣющій никакого мужества, или никакой отваги, но сластолюбивый и изнѣженный, подвергается тогда нападенію, и вокругъ соглядатая собирается множество предателей изъ толпы помысловъ. А это—тѣ предатели, о

которыхъ Господь говоритъ: *врази человеку домашніи его* (Матѣ. 10, 36.), которые отъ сердца исходятъ и скверняютъ человѣка, и имена которыхъ ясно можно дознать изъ Евангелія (15, 18, 19.). Послѣ сего нетрудно тебѣ будетъ уразумѣть по порядку подробности этого непріятельскаго распоряженія, невидимо уготовляющаго засады, въ которыя попадаютъ неосмотрительно идущіе путемъ жизни. Ибо тѣ, которые подъ видомъ дружбы и доброжелательства совлекаютъ внимающаго имъ въ грѣховную пагубу, тѣ самые суть подстерегающіе въ засадахъ при дорогахъ, это хвалители сластолюбія, руководящіе къ зрѣлищамъ, показывающіе удобство дѣлать худое, своими поступками вызывающіе на подражаніе подобнымъ дѣламъ, на конечную пагубу губимымъ именующіе себя ихъ братьями и друзьями. О нихъ написано, что *всякъ братъ записаніемъ запишетъ, и всякъ другъ мстиво наскочитъ* (Іер. 9, 4.).

Если же уразумѣли мы засады, то въ состояніи будемъ до ясности развѣдать и объ этой толпѣ прашниковъ, стрѣлковъ и конейщиковъ; потому что обидчики, люди раздражительные и злорѣчивые, сами предназначая обиды, вмѣсто стрѣлъ или камней, стрѣляютъ и мещутъ язвительными словами, и проходящихъ безъ брони и неосторожно поражаютъ въ средину сердца. А непогрѣшаты и тѣ, которые страсть кичливости и гордыни сравняютъ

съ величавостію коней. Ибо подлинно это какіе-то высококочивые и высокосердые кони, надменными кичливостію реченіями, какъ дутыми какими копытами, брыкающіе людей скромныхъ. О нихъ-то говоритъ Писаніе: *да не придетъ мнѣ нога юрдыни* (Пс. 35, 12.). А подь орудіями, которыми разбиваются связи стѣны, прекрасно сдѣласть иной, понявъ любостыжальность. Ибо нѣтъ ничего столько тяжелаго и неприступнаго въ вражескомъ ополченіи, какъ орудіе сребролюбія; потому что, хотя наилучшимъ образомъ оградятся души стройною связію другихъ добродѣтелей, но тѣмъ не менѣе и чрезъ нихъ нерѣдко проникаетъ это стѣнобитное орудіе. Можно видѣть, что и при цѣломудріи вторгается любостыжаніе, при вѣрѣ, при точномъ храненіи тайствъ, при воздержаніи и смиренномудріи и при всемъ тому подобномъ, бываетъ это тяжкое и непреборимое прираженіе зла. Почему иные воздержные, цѣломудренные, пламенѣющіе вѣрою, люди строгаго образа жизни, скромные нравами, не въ состояніи бываютъ противостоять этой только болѣзни.

Посему, если уразумѣли мы полчище непріятелей, то время вести и брань. Никто же да не осмѣливается сопротивное ополченіе обратить въ бѣгство, не взявъ въ руки апостольскаго всеоружія (Ефес. 6, 11.). И конечно всякому извѣстенъ способъ божественнаго

оного вооруженія, которымъ Апостолъ стоящаго предъ дружиною враговъ дѣлаетъ неуязвимымъ сопротивными стрѣлами. Ибо раздѣливъ добродѣтели на виды, каждый видъ добродѣтели Апостолъ содѣлалъ особеннымъ оружіемъ, пригоднымъ для насъ въ каждомъ обстоятельствѣ. Съ вѣрою соплетши и соткавъ справедливость, изъ нихъ вооружаемому уготовляетъ броню, прекрасно и безопасно ограждая вонца тою и другою. А если вѣра и справедливость отдѣлена одна отъ другой; то оружіе не можетъ содѣлаться безопаснымъ для того, кому вручается. И вѣра безъ дѣла правды недостаточна ко спасенію, а также праведность жизни для спасенія небезопасна сама по себѣ, не въ сопряженіи съ вѣрою. Посему, какъ бы вещества какія, соплетши въ семь оружіи вѣру и правду, Апостолъ приводитъ у воина въ безопасность вмѣстилище сердца; ибо подъ бронею разумѣется сердце. А голову доблестнаго обезопасиваетъ надеждою, означая симъ, что хорошему воину приличествуетъ, какъ нѣкое перо на шлемѣ, имѣть въ горнемъ *упованіе* чего либо возвышеннаго. И щитъ, оружіе прикрывающее, есть несокрушимая вѣра, которую не можетъ пронзить остріе рожна. Подъ рожнами же, какіе мещутъ въ насъ непріатели, будемъ, конечно, разумѣть разнообразныя прираженія страстей. Но спасительное оружіе, которое вооружаетъ де-

сную руку доблестно подвизающихся со врагами, есть Святой Духъ, страннѣйшій, когда противодѣйствуетъ, и спасительнѣйшій, когда сообщается пріемлющимъ. И всякое евангельское ученіе доставляетъ безопасность погамъ, такъ что ни одна часть тѣла не оказывается обнаженною и открытою для принятія удара.

Посему, если дознали мы, съ кѣмъ надлежитъ вести брань, и такъ вступать въ битву; то прилично дознать и другую сторону дѣла, съ кѣмъ, какъ объявляетъ слово сіе, быть въ союзѣ и мирѣ. И такъ ктоже тотъ добрый военачальникъ, съ которымъ сблизусь миромъ? Кто царь таковаго воинства? Не явно ли, какъ то и другое узнаемъ изъ богодухновеннаго Писанія, что небесное воинство есть дружина Ангеловъ? Ибо сказано: *бысть множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога* (Лук. 2, 13.). И Даниилъ усматриваетъ тьмы темъ предстоящихъ, и видитъ тысячи тысячъ между служащими (Дан. 7, 10.). И Пророкъ, свидѣтельствующій о подобномъ сему, Господа вселенной именуетъ Господомъ воинствъ и Господомъ силъ (Иса. 23, 10.). И Навину говоритъ Сильнѣйшій въ брани: *азъ Архистратигъ силы* (Нав. 5, 14.). Если же уразумѣли мы, какое это доброе скоборничество, и кто вождь сихъ споборниковъ; то вступимъ съ Нимъ въ союзъ, прибѣгнемъ къ Его могуществу, содѣлаемся друзьями Пріобрѣтшаго столько силы. Какой же способъ

сближенія съ Нимъ, сему учитъ насъ вводящій въ сію пріязнь, великій Апостоль, когда говоритъ: *оправдисшеса убо вѣрою, миръ имамы къ Богу* (Рим. 5, 1.); и еще: *по Христь молимъ, яко Богу молящу нами: молимъ по Христь, примиритеса съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20.). Ибо мы, которые нынѣ *блхомъ естествомъ чада шьва* (Ефес. 2, 3.), дѣлая то, чего не надлежало, и сопричислялись къ противящимся десницѣ Вышняго, отложивъ нечестіе и мірскія похоти, какъ начавшіе жить свято, и праведно, и благочестно, сѣмъ примиреніемъ вступаемъ въ союзъ съ истиннымъ Миромъ. Ибо такъ говоритъ о Немъ Апостоль: *яко Той есть миръ нашъ* (Ефес. 2, 14.). Слово это есть конецъ и начало всего дѣлаемаго во время. Ибо обучены мы все дѣлать во время, чтобы самимъ для себя преуспѣть въ слѣдующемъ: пребывая во враждебномъ расположеніи къ сопротивнику, имѣть миръ съ Богомъ. Конечно же, если воипствомъ мира назоветъ кто тѣ добродѣтели, съ которыми надлежитъ быть въ пріязни, то не чуждымъ сего даннаго смысла будетъ слово; такъ какъ всякое именованіе и понятіе добродѣтели относится къ Господу добродѣтелей.

И для чего кому либо длить рѣчь о подобномъ сему, когда и сказаннаго достаточно, чтобы открыть смыслъ, заключающійся въ сихъ реченіяхъ? Но послѣку Екклесіастъ воз-

будиль снмъ душу напередъ обученнаго высокими этими уроками, то возводитъ еще въ высшее нѣкое состояніе душу, которая слѣдуетъ за словомъ, и говоритъ: (9) *кое изобиліе творящаго, въ нихъ же сама трудится?* А это тоже, что сказать: какое слѣдствіе всѣхъ трудовъ человѣческихъ, изъ которыхъ ни одного нѣтъ уже болѣе? Человѣкъ воздѣлываетъ землю, плаваетъ по морямъ, злостраждетъ въ воинскихъ трудахъ, торгуетъ, терпитъ убытокъ, пріобрѣтаетъ выгоду, судится, борется, уходитъ съ поприща побѣжденнымъ, получаетъ лобѣдный приговоръ, признается бѣдствующимъ, ублажается, покоится дома, скитается по чужимъ людямъ, терпитъ все иное, что видимъ въ различныхъ житейскихъ занятіяхъ, гдѣ у каждаго свое дѣло. И тратящему жизнь свою на подобныя занятія какое приноситъ преимущество забота объ этомъ? Не вмѣстѣ ли и жизнь прекращается, и все покрывается забвеніемъ? Оставленный тѣмъ, чего вождѣлвалъ, уходитъ обнаженнымъ, не взявъ съ собою ничего изъ здѣшняго, кромѣ одного сознанія объ этомъ, отъ котораго послѣ въ таковыхъ занятіяхъ по заблужденію къ проводившему жизнь бываетъ на небо такой какъ бы гласъ: кое изобиліе было тебѣ отъ многихъ этихъ трудовъ, которыми трудился ты? Гдѣ великолѣпныя дома? Гдѣ погреба съ деньгами? Гдѣ мѣдныя изваянія и восклицанія

хвалящихъ? Теперь вотъ огонь, бичи, неподкупный судъ, и непогрѣшительное изслѣдованіе сдѣланнаго въ жизни. Посему кое изобиліе творящаю, въ нихъ же самъ трудится? И послѣ сего Екклесіастъ говоритъ:

(10) Видѣхъ попеченіе, еже даде сыномъ человѣческимъ, еже пеущия въ себѣ. (11). Всяческая, яже сотвори, добра во время свое: и въкъ далъ есть въ сердце ихъ, яко да не обратятъ чловѣкъ сотворенія, еже сотвори Богъ отъ начала и даже до конца. Что сіе значитъ? Позналъ я, говоритъ опъ, отчего естество чловѣческое озабочено жизнью, поводы къ тому заимствовавъ изъ благодѣяній Божіихъ. Богъ все сотворилъ на добро, и причастнымъ существаго далъ разсудокъ, отличающій лучшее, познанная которымъ благовременность употребленія каждой вещи доставляетъ употребляющимъ ощущеніе прекраснаго. Поелику же погрѣшилъ чловѣкъ въ правомъ сужденіи о сущемъ, лукавымъ совѣтомъ совращенъ у него правильно судящій разсудокъ, то переменна во времени, что въ каждой вещи было полезнаго, превратила сіе въ испытаніе противоположнаго. Если кто, предложивъ на столѣ все приготовленное для пиршества, положить вмѣстѣ и какіе либо приборы, служащіе къ удобному принятію пищи, какіе приготовляются въ подобныхъ вещахъ любителями искусства, или небольшие ножи, которыми гости разрѣ-

зываютъ себѣ что либо предложенное, или серебряныя остроконечныя снаряды, у которыхъ обыкновенная на другой части пустота дѣлается для удобнаго черпанія вареныхъ овощей; и потомъ кто либо изъ приглашенныхъ на пирь, измѣнивъ употребленіе положенныхъ на столѣ вещей, каждую воспользуется не надлежащимъ образомъ, ножомъ зарѣжетъ или себя или кого вибудь подлѣ себя, а остриемъ выколетъ глазъ или у ближняго или свой: то иный скажетъ, что такой-то во зло употребилъ приготовленіе дающаго пирь. Хотя устроившій пиршество самъ предуготовилъ причину произшедшаго; но въ худомъ лежащаго на столѣ употребленіи, доведенномъ до сей бѣды, виновецъ безразсудно воспользовавшійся положеннымъ. Такъ, говоритъ Екклесіясть, позналъ и я, что каждая вещь приведена въ бытіе Богомъ для всего наилучшаго, только бы употребленіе каждой вещи было въ свое время, и какъ слѣдуетъ; но извращеніе правильнаго сужденія о вещахъ и доброе обратило въ поводъ къ злу. Скажу напримѣръ такъ: что пріятнѣе дѣятельности глазъ? Но когда зрѣніе дѣлается страждущимъ служителемъ въ такихъ дѣлахъ, говорится, что сотворенное въ благодѣяніе стало причиною золь. И это не иное что значить, а только то, что человекъ, хорошимъ воспользовавшись худо, употребленіе сдѣлалъ страданіемъ. Такъ и все

прочее, что дано естеству Богомъ, зависить отъ произволенія пользующихся, чтобы содѣлаться служащимъ къ благу, или во зло. Посему Екклесіастъ говоритъ: *всяческая, яже сотвори, добра во время свое: и вѣкъ далъ есть въ сердце ихъ*. Вѣкъ же, какъ понятіе чего-то протяженнаго, означаетъ все твореніе Божіе въ немъ происшедшее. Посему слово объемлющимъ указываетъ на все объемлемое. Итакъ все, что произошло въ вѣкъ, Богъ далъ сердцу человѣческому ко благу, чтобы по величію и красотѣ тварей человѣкъ усматривалъ въ нихъ Сотворшаго. Но люди, чѣмъ были облагодѣтельствованы, отъ того потерпѣли вредъ, каждою вещію воспользовавшись, не какъ было должно, и не на пользу. Посему сказано: *яко да не обрѣщетъ человекъ сотворенія, еже сотвори Богъ съ цѣлію служить на пользу во всемъ сотворенномъ отъ начала творенія и даже до совершенія вселенной, тогда какъ въ числѣ существъ нѣтъ ни одного худаго. Ибо и не естественно изъ добраго произойти чему либо худому. И если добръ Виновникъ всего; то, конечно, добро и все, что имѣетъ самостоятельность свою отъ добраго. Потомъ Екклесіастъ говоритъ:*

(12) *Уразумѣхъ, яко нѣсть благо въ нихъ, но токмо, еже веселитися, и еже творити благо въ животъ своея. Въ словѣ семъ кратко повторяется уже сказанное. Ибо, если употребленіе*

Божіихъ созданій во время опредѣляетъ, что хорошо для человѣческой жизни; то хорошимъ будетъ одно, постоянное при хорошемъ веселіе, которое раждается отъ добрыхъ дѣлъ. Ибо дѣланіе заповѣдей нынѣ отличившагося добрыми дѣлами веселитъ надеждою; а потомъ, усладивъ благими надеждами, присовокупляетъ свойственное достойнымъ веселіе, когда изрекаетъ Господь сдѣлавшимъ доброе: *приидите благословенніи, наследуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34.). И что для тѣла—пища и питіе, которыми поддерживается естество, то для души—имѣть въ виду добро, и, какъ это есть истинный даръ Божій, возводить взоръ къ Богу. Ибо вотъ то имя, которое объясняется въ сказанномъ въ послѣдствіи (Екк. 7, 2.). Читается же сіе такъ:

(13) *И всякъ человекъ, уже яствъ и пїетъ, и видитъ благое во всемъ трудѣ своемъ, сіе даяніе Божіе есть.* Какъ человекъ плотскій, говоритъ Екклесіастъ, имѣеть крѣпность отъ того, что ѣсть и пьеть: такъ, кто имѣеть въ виду благое (а истинное благо есть тотъ, кто одинъ благъ), имѣеть даяніе Божіе во всемъ трудѣ своемъ, именно то самое, что всегда имѣеть въ виду благое, при помощи Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и сила во вѣки вѣковъ! Аминь.

8. О БЛАЖЕНСТВАХЪ.

—

С Л О В О 1.

Узрѣвъ же народы, възиде на гору: и спдшу Ему, приступиша къ Нему ученицы Его. И отверзъ уста Своя, учаше ихъ, глаголя: блажени нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное (Матѣ. 5, 1—3.).

Кто въ числѣ собравшихся таковъ, чтобы ему и быть ученикомъ Слова, и вмѣстѣ съ Нимъ съ земли—отъ понятій пустыхъ и низкихъ, взойти на духовную гору возвышеннаго созерцанія,—на эту гору, которая избѣгла всякой тѣни высящихся холмовъ злобы, и освѣщаемая отвсюду лучемъ истиннаго свѣта, въ чистой ясности истины, съ вершины своей даетъ видѣть все, что для заключенныхъ въ междугорья невидимо? А что открывается

взору съ высоты сей, какіе это виды, и какъ многочисленны, описываетъ Самъ Богъ Слово, ублажая восшедшихъ съ Нимъ на гору, какъ бы перстомъ какимъ указуя здѣсь царствіе небесное, а тамъ наслѣдіе горней земли; потомъ помилованіе, правду, утѣшеніе, приобретаемое родство съ Богомъ всяческихъ, и плодъ гоненій, именно тотъ, чтобы стать сообитателемъ Божиимъ, и все иное, чтó кромѣ сего, по персто-указанію Слова свѣше съ горы, можно видѣть въ упованіи простирающему взоры съ этой высокой стражбы.

Итакъ, послѣдуя Господь восходитъ на гору, послушаемъ, чтó взываетъ Исаія: *приидите, и взыдемъ на гору Господню* (Иса. 2, 3.); и если немощны мы отъ грѣха, то, какъ научастъ пророчество, *укрѣпимъ руцѣ ослабленныя, и колѣна разслабленная* (Иса. 35, 3.). Ибо если будемъ на вершинѣ, то найдемъ *Исцѣляющаго всякъ недугъ и всяку язю* (Матѣ. 4, 23.), и *недухи наша* Воспріемлющаго, и *бользни* Носящаго (Матѣ. 8, 17.). Посему поспѣшимъ и мы къ восхожденію, чтобы, съ Исаією ставъ на вершинѣ надежды, и намъ съ высоты увидѣть оныя блага, которыя указываетъ Слово послѣдовавшимъ на сію возвышенность. Но и намъ да отверзетъ уста Богъ Слово, и насъ да научитьтому, слышаніе чего есть блаженство. Началомъ же нашего обозрѣнія да будетъ начало сказаннаго въ ученіи.

Блаженни, сказано, нищии духомъ: яко тлъхъ есть царствіе небесное. Если какой златолюбецъ найдетъ надпись, показывающую, что хранится тутъ сокровище, но мѣсто, заключающее въ себѣ это сокровище, желающимъ пріобрѣсти его представляетъ много пота и труда; то ужели не пойдетъ въ себѣ силъ къ трудамъ, вознерадить о выгодѣ, и не принять на себя никакого тщательнаго усилія признаетъ пріятнѣйшимъ богатства? Нѣтъ, это невозможно; напротивъ того пригласитъ онъ на это всѣхъ друзей и отсюда собравъ себѣ, какую только можно, въ дѣлѣ помощь, при множествѣ рукъ, сокрытое богатство сдѣлаетъ своею собственностію. Вотъ, братія, то сокровище, которое показываетъ намъ Писаніе; сокрыто жъ богатство сіе по неясности для насъ. Посему и мы, любители безпримѣснаго золота, воспользуемся множествомъ содѣйствующихъ въ молитвахъ, чтобы и намъ сдѣлать явнымъ для себя богатство, и всѣмъ раздѣлить сокровище по ровну. и каждому пріобрѣсти его въ цѣлости. Ибо таковъ раздѣлъ добродѣтели, что и всѣмъ состязующимся о ней удѣляется, и каждому принадлежить, вся, не убавляясь у участвующихъ въ раздѣлѣ. При раздѣлѣ земнаго богатства захватившій себѣ больше получающихъ по равной долѣ дѣлаетъ несправедливость; потому что увеличившій свою часть непременно умаляетъ долю соучаст-

ника. Но богатство духовное уподобляется солнцу; ибо удѣляется всѣмъ смотрящимъ на него, и для каждаго остается цѣлымъ. Итакъ, поелику каждый надѣляется равною выгодой отъ труда; то въ искомомъ нами да будетъ всѣми оказано содѣйствіе молитвенное.

Прежде всего, полагаю, должно составить понятіе о самомъ блаженствѣ, что оно такое. Блаженство (е), по моему разсужденію, есть объемъ всего, что представляется какъ благо, въ которомъ нѣтъ недостатка ни въ чемъ согласномъ съ добрымъ пожеланіемъ. Но понятіе о блаженствѣ содѣляется для насъ болѣе извѣстнымъ изъ сличенія съ противоположнымъ. Признакъ блаженства—непрестанная и тѣни неимѣющая радость, происходящая отъ добродѣтели (ж). А противоположно блаженству состояніе бѣдственное. Посему бѣдствіе есть томленіе въ горькихъ и невольныхъ страданіяхъ. Расположеніе же находящихся въ томъ или другомъ изъ сихъ состояній дѣлится по противоположности. Ублажаемому возможно веселиться и радоваться на предлагаемое ему въ наслажденіе; а бѣдствующему—печалиться и

(е) По рукописи синодальной бібліотеки за N 71, на которую во всей статьѣ о блаженствахъ будутъ даны указанія, мѣстоимѣніе: *тис* не читается.

(ж) Сіе допущено изъ рукописи.

огорчаться тѣмъ, что у него есть. Посему поистинѣ всеблаженно само Божество: потому что, чѣмъ ни представимъ Его себѣ, блаженствомъ будетъ чистая оная жизнь, неизрѣченное и непостижимое благо, невыразимая лѣпота, источная благодать, премудрость и сила, истинный свѣтъ, источникъ всякой благости, превышающая все власть; единое достолюбезное, всегда неизмѣнное, непреставное радованіе; вѣчное веселіе, о которомъ, если кто скажетъ всё, что можетъ, не скажетъ по достоинству еще ничего. Ибо разумѣніе не постигаетъ Сущаго, и если успѣемъ представить о Немъ что въ умѣ болѣе возвышенное, то представленное невыразимо никакимъ словомъ. Поелику же Создавшій человѣка *по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27.); то на второмъ мѣстѣ блаженнымъ будетъ именуемое такъ по причастію истиннаго блаженства. Какъ относительно къ тѣлесному благообразію первообразная красота въ живомъ и дѣйствительно существующемъ лицѣ; а второе по ней мѣсто занимаетъ показываемая въ подобіи на картинѣ, такъ и человѣческое естество, будучи образомъ превышаго блаженства, и само отличается доброю лѣпотою, когда показывается на себѣ самомъ изобразеніе блаженныхъ чертъ. Но поелику грѣховная скверна обезобразила красоту образа; то пришелъ Омывающій насъ собственною Своею водою, и живою, и теку-

щею *въ животѣ вѣчный* (Іоан. 4, 14.), чтобы, когда отложимъ грѣховную гнусность, опять обновился въ насъ блаженный образъ. И какъ въ живописномъ искусствѣ иной свѣдущій скажетъ неопытнымъ, что прекрасно лице сложное изъ такихъ-то тѣлесныхъ частей, у котораго такіе-то волосы и округлость глазъ, и очертаніе бровей, и положеніе щекъ, и по одинокѣ все, чѣмъ восполняется благообразіе; такъ и нашу Живописующій душу по подобію единого Блаженнаго, все по порядку, служащее къ блаженству, изображаетъ словомъ, и впервыхъ говоритъ: *блаженни нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное.*

Но что будетъ пользы отъ сей великодаровитости, если не ясенъ для насъ смыслъ, заключающійся въ словѣ? Ибо и во врачебномъ искусствѣ, многія дорогія и съ трудомъ добываемыя врачевства остаются неупотребительными и бесполезными для больныхъ (з), пока не услышимъ отъ искусства, къ чему годно каждое изъ нихъ. Итакъ что значить обнищать духомъ, чѣмъ пріобрѣтается право стать обладателемъ небснаго царствія? Изъ Писанія дознали мы два рода богатства: одно вождельнное, и другое осужденное. Вождельвается богатство добродѣтелей, охудается же веще-

(з) По рукописи вмѣсто: *τοῖς ἄποροις* читается: *τοῖς πτωχοῖσι.*

ственное и земное, потому что первое дѣлается достояніемъ души, а послѣднее можетъ только послужить къ обольщенію чувствилщъ; посему Господь запрещаетъ собирать его, какъ готовимое на снѣденіе червямъ и на козни подкапывающимъ стѣны (Матѳ. 6, 9.), повелѣваетъ же прилагать стараніе о богатствѣ сокровищъ возвышенныхъ, къ которому не прикасается сила тлѣнія. Сказавъ же о червѣ и татѣбѣ, Господь указалъ на опустошителя сокровищъ душевныхъ. Посему, если нищета противоплагается богатству, то, конечно, по соотвѣтствію должно признать, что нищета бываетъ двоякая: одна отвергаемая, а другая ублажаемая. Посему, кто обвинялъ цѣломудріемъ, или дорогимъ достояніемъ—справедливостію, или мудростію или благоразуміемъ, или оказывается и нищимъ, и нестяжателемъ, и убогимъ по другой какой многостоящей драгоцѣнности; тотъ бѣдствуетъ отъ нищеты, и жалокъ по нестяжательности того, что для человѣка дорого. Но кто добровольно обвинялъ отъ всего, представляемаго порочнымъ, и не отлагаетъ въ свои тайники ни одной діавольской драгоцѣнности, но горитъ духомъ, и чрезъ это собираетъ себѣ въ сокровище нищету худыхъ дѣлъ, тотъ, по указанію Слова,—въ ублажаемой нищетѣ, плодомъ которой небесное царствіе.

Но возвратимся опять къ дѣланію сокровища,

и не перестанемъ рудокопнымъ словомъ разкрывать сокровенное. Госнодь говорить: *блаженни нищии духомъ*. Говорено было нѣкоторымъ образомъ и прежде, и теперь опять будетъ сказано, что конецъ добродѣтельной жизни есть уподобленіе Божеству. Но Безстрастное и Чистое совершенно неподражаемо для людей; потому что совершенно невозможно, чтобы жизнь страстная уподобилась естеству, недопускающему въ себя страстей. Посему, если блаженъ единъ Богъ, какъ именуется Его Апостоль (1 Тим. 6, 15.), а для людей общеніе въ блаженствѣ возможно чрезъ уподобленіе Богу; подражаніе же это крайне трудно; то слѣдуетъ, что и блаженство человѣческой жизни недоступно. Но и въ Божествѣ есть нѣчто такое, что, какъ возможное, предлагается желающимъ для подражанія. Что же это именно? Какъ мнѣ кажется, — нищета духа; ею Писаніе именуется добровольное смиренномудріе. Въ примѣръ же оной Апостоль показываетъ нищету Божию, говоря: *Онъ насъ ради обнища богатъ сый, да мы нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9.). Итакъ, поелику все прочее, что усматривается относящимся къ Божественному естеству, превышаетъ мѣру естества человѣческаго, а смиреніе есть нѣчто намъ сродное и совозрасшее съ нами, которые по землѣ ходимъ, изъ земли имѣемъ составъ, и въ землю возвращаемся; то и ты, уподобив-

шись Богу въ томъ, что́ для тебя естественно и возможно, самъ облачаешься въ блаженный сей образъ. И никто да не почитаетъ нетруднымъ и удобно пріобрѣтаемымъ преуспѣяніе въ смиренномудріи. Напротивъ того, такое дѣло труднѣе всякаго, какаго бы то ни было добродѣтельнаго предначинанія. Почему же? Потому что когда человѣкъ, принявъ въ себя добрыя сѣмена, уснулъ, врагомъ жизни нашей укоренено въ насъ главное изъ противоположнаго сѣянія — ижевы гордости. Ибо, чѣмъ самъ онъ свергнулъ себя на землю, тѣмъ же самымъ и бѣдный человѣческій родъ вовлекъ съ собою въ общее паденіе; и для естества нашего нѣтъ другаго такого же зла, какъ этотъ недугъ, производимый (и) гордостью. Посему, поелику страсть превозношенія прирождена почти всякому, кто принадлежитъ къ человѣческому роду, то Господь съ сего поэтому и начинатьъ ублаженія, какъ бы первородное какое зло, исторгая изъ нашего навыка гордость тѣмъ, что совѣтуетъ уподобляться добровольно Обнищавшему, Который истинно блаженъ, чтобы мы, въ чемъ можемъ, сколько есть въ насъ сила, уподобившись Ему добровольною нищетою, привлекли себѣ и общеніе

(в) По рукописи N 71 читается: *το δὲ ἐλεησάντων ἐυφροσύνην ὕψις.*

въ блаженствѣ. *Сіе бо, сказано, да мудрствуется въ васъ, еже и во Христа Іисуса, Иже во образъ Божіи сынъ, не восхищеніемъ нещова быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба приимъ* (Фил. 2, 5—7.). Какое большее обнищаніе—Богу быть въ образѣ раба? Какое большее смиреніе—Царю существу придти въ общеніе съ нашимъ нищимъ естествомъ? Царь царствующихъ, Господь господствующихъ волею облакается въ рабскій образъ; Судія вселенной дѣлается данникомъ владычествующихъ, Господь твари превитаеть въ вертепѣ; Всобъемлющій не находитъ мѣста въ гостинницѣ, по повергается въ ясляхъ безсловесныхъ животныхъ; Чистый и Всецѣлый пріемлетъ на Себя скверну естества человѣческаго, понесши на Себѣ и всю пищу нашу, доходитъ даже до испытанія смерти. Видите ли мѣру вольной нищеты? Жизнь вкушаетъ смерть; Судія ведется на судилище; Господь жизни всего сущаго подвергается приговору суди; Царь всей премірной силы не отклоняетъ отъ Себя рукъ исполнителей казни. Въ этомъ образцѣ, говоритъ Апостоль, да будетъ видима тобою мѣра смиренномудрія.

Но хорошо, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, внимательно разсмотрѣть неразуміе таковой страсти киченія, чтобы, когда съ великою охотою, и съ удобствомъ преуспѣемъ въ смиренномудрія, и пріобрѣтеніе блаженства со-

дѣлалось для насъ благоуспѣшнымъ. Ибо какъ свѣдущіе врачи, истребивъ сперва болѣзнетворную причину, удобнѣе преодолеваютъ и недугъ; такъ и мы, кичащихся суетностію смиривъ разсудкомъ, удобоприступнымъ для себя содѣлаемъ путь смиренномудрія. Чѣмъ же кто лучше докажетъ суету кичливости? Чѣмъ иначе, какъ разсужденіемъ, что такое естество? Ибо нѣтъ основанія впасть тому въ такую страсть, кто смотритъ на себя, а не на окружающее его. Итакъ что же такое человѣкъ? Угодно ли, скажу, что въ Писаніи выражено болѣе почтительно и уважительно? Но Украститель нашъ, къ величію уготовляющій благородство человѣческое, отъ брениа ведетъ родословіе естества; и твое благородство, твоя знатность, горделивецъ (i), оттуда же ведутъ родъ и въ родствѣ съ плинвою. Если же желательно тебѣ, чтобы сказано было непосредственно и близко касающемся рожденія; то иди прочь, не говори объ этомъ, не скомли, *да не откроеши, какъ говоритъ законъ, срамоты отца твоего и матере твоея* (Лев. 18, 7.); не оглашай предъ всѣми словомъ того, что достойно забвенія и глубокаго молчанія. И не краснѣешь послѣ этого ты, земный истукашъ, который вскорѣ будешь прахомъ, какъ пу-

(i) Переводъ по рукописи.

зырь, остаешься не надолго надутымъ, пре-
бываешь полонъ гордости, ширишься въ своей
кичливости, и надмѣваешь мысль суетнымъ
мудрованіемъ? Не смотришь на оба предѣла
человѣческой жизни, какъ она начинается, и
чѣмъ оканчивается? Но надмѣваешься юностію,
имѣешь въ виду цвѣтущій возрастъ, восхи-
щаешься красотою, тѣмъ, что руки у тебя
исполнены силъ для движенія, ноги легки и
скачутъ, кудри развѣваются по вѣтру, щеку
окаймляетъ нѣжный пушокъ, одежда на тебѣ
яркаго пурпурнаго цвѣта, разноцвѣтныя шел-
ковыя ткани, исцещренныя изображеніями сра-
женій, звѣриныхъ охотъ, или какихъ событій;
или, можетъ быть, прилежно смотришь на чер-
ную блестящую обувь, любишь тщательно
выстроченными чертами швовъ? На все это
обращаешь взоръ, а не смотришь на себя са-
мого? Покажу тебѣ, какъ въ зеркалѣ, кто и
каковъ ты. Не видѣлъ ли ты тайнъ естества
нашего на кладбищѣ? Не видалъ ли кучи ко-
стей, лежащихъ одна на другой? обнаженныхъ
отъ плотей череповъ представляющихъ стран-
ный, отвратительный видъ впалыми глазами?
Не видѣлъ ли оскалившихъ зубы ртовъ и про-
чихъ членовъ, какъ ни есть раскиданныхъ?
Если ты видѣлъ ихъ, то въ нихъ видѣлъ себя
самаго. Гдѣ признаки теперешняго твоего
цвѣта? Гдѣ доброзрачность ланитъ? Гдѣ свѣ-
жесть губъ? Гдѣ величественная красота очей,

сверкающая изъ подъ покрова бровей? Гдѣ
 прямой носъ посреди красоты ланитъ? Гдѣ
 на вью свисшіе волосы? Гдѣ около висковъ
 вьющіяся кудри? Гдѣ, какъ лукъ, стрѣлами
 мечущія руки? Гдѣ, какъ кони, скачущія ноги?
 Гдѣ багряница, виссонъ, епанча, поясъ, обувь,
 конь, скорость его бѣга, ржаніе, — все, отъ
 чего нынѣ увеличивается твоя кичливость?
 Скажи, гдѣ въ оставшемся здѣсь то, чѣмъ
 нынѣ превозносишься, о чемъ высоко ду-
 маешь? Какой сонъ столько не состоятеленъ?
 Какія грезы подобны этому? Какая тѣнь столько
 слаба и не осязаема, какъ это сновидѣніе юно-
 сти, вмѣстѣ я являющееся и мгновенно про-
 летающее? Такъ спросимъ тѣхъ, которые по
 несовершенству возраста безумствуютъ въ мо-
 лодости. Что же скажетъ иный о возмужав-
 шихъ уже, у которыхъ, хотя возрастъ и со-
 вершенный, но нравъ нестойка и болѣзнь
 гордости возрастаетъ? Имя такому недугу —
 надмѣнность нрава; а предлогомъ къ гордости
 всего чаще служитъ начальство, и съ нимъ
 соединенное властительство; потому что, или
 имѣя его, страдаютъ симъ, или къ нему гото-
 вятся, или нерѣдко, власть уже прекратилась,
 но рассказы о ней снова пробуждаютъ бо-
 лѣзнь. И гдѣ найдешь такое слово, чтобы про-
 никло въ ихъ слухъ, загражденный для гласа
 проповѣдниковъ? Кто убѣдитъ такихъ людей,
 что ничѣмъ не разнятся они отъ показываю-

щихъ себя на зрѣлищѣ. Ибо у нихъ надѣты: личина и какая-то искусно выработанная и позлащенная багряница, и торжественно воссѣдаютъ они на колесницѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ такихъ украшеній не входитъ въ нихъ никакая болѣзнь гордости; но какъ думали они о себѣ до выхода на зрѣлище, такое же расположеніе сохраняютъ въ душѣ и во время представленія, и послѣ того не скорбятъ сошедши съ колесницы и снявъ съ себя нарядъ. Но величающіеся на позорищѣ жизни своею начальническою властью не разсуждаютъ о томъ, что было не задолго, и что будетъ вскорѣ послѣ сего. Какъ расширяются надуваемые пузыри, такъ и они пышутся при громкомъ воззваніи глашатая, надѣваютъ на себя какую либо чужую личину, естественное положеніе лица перемѣняя въ угрюмое и страшное; и голосъ примышляется ими болѣе суровый, къ ужасу слушающихъ дѣлающійся похожимъ на звѣрскій. Не остаются уже они въ предѣлахъ положенныхъ человѣку, но претворяютъ себя въ обладающихъ Божиимъ могуществомъ и Божіею властію. Ибо увѣрены о себѣ, будтобы они господа жизни и смерти; потому что изъ судимыхъ ими объ одномъ даютъ спасающій его приговоръ, а другаго осуждаютъ на смерть, и не обращаютъ вниманія на то, Кто подлинно Господинъ человѣческой жизни, опредѣляющій и начало и конецъ бытію; хотя къ

сокращенію ихъ тщеславія, достаточно того одного, что многихъ изъ начальствующихъ во время отпращенія ими своего начальствованія видѣли похищенными съ начальническихъ съдалицъ и отнесенными въ могилы, гдѣ голосъ глашатая замѣнилъ плачь. Посему, какъ господиномъ чужой жизни быть тому, для кого и своя—чужая? Но и онъ, если содѣлается пицъ духомъ, взирая на Обнищавшаго ради насъ добровольно, и имѣя предъ очами равночестіе нашего естества, одпороднаго съ нимъ не поругаетъ никакимъ плачевнымъ зрѣлищемъ мечтательно выказываемаго начальствованія; то поистинѣ будетъ блаженъ, на временное смиренномудріе обмѣнивъ небесное царство.

Не отринь, братъ, и другаго урока нищеты, какъ служащаго къ приобрѣтенію небснаго богатства. Господь говоритъ: *продаждь все ильнїе твое, и даждь нищїмъ: и гряди въ слѣдъ Мене: и ильти илаши сокровище на небеси* (Матѣ. 19, 21.). Но такая нищета кажется мнѣ недалекою отъ нищеты ублажаемой. *Се мы, оставивъ, что имѣли, въ слѣдъ Тебе идехомъ,* говоритъ Владыкѣ ученикъ, *что убо будетъ намъ* (27). И какой на сіе отвѣтъ? *Блаженни нищїи духомъ: яко тѣхъ есть царствїе небесное.* Хочешь ли уразумѣть, кто обнищавшій духомъ? Тотъ обнищаль духомъ, кто душевное богатство вымѣняль на тѣлесное изобиліе, кто земное богатство отрясь съ себя, какъ нѣкую

тяжесть, чтобы, ставъ выспрепшимъ и воздухоноснымъ, взойдти горѣ, вмѣстѣ съ Богомъ, какъ говоритъ Апостоль, воспаривъ *на облакъ* (1 Солун. 4, 17.). Золото есть тяжелое нѣкое достояніе, тяжело и всякое вещество вождельваемое, какъ богатство; но легкая нѣкая и горѣ несущаяся вещь—добродѣтель. А тяжесть и легкость между собою противоположны. Посему невозможно кому либо стать легкимъ, пригвоздивъ себя къ тяжести вещества.

Потому, если надлежитъ взойдти намъ въ горнее, то обнищаемъ влекущимъ долу, чтобы стать въ горнемъ. Какой же къ тому способъ? указываетъ его псалмопѣніе: *расточи, даде убоимъ: правда ея пребываетъ во вѣкъ вѣка* (Псал. 111, 9.). Кто вступилъ въ общеніе съ нищимъ, тотъ поставилъ себя въ единую часть съ Обнищавшимъ ради насъ. Господь обнищаль, чтобы и ты не убоялся нищеты. Но Обнищавшій ради насъ царствуетъ надъ всею тварію. Поэтому, если и ты обнищаешь съ Обнищавшимъ, то будешь и царствовать вмѣстѣ съ Царствующимъ. Ибо *блажени нищии духомъ: яко тѣхъ есть царствіе небесное*, котораго и мы да сподобимся о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ! Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2.

*Блаженни кротцыи: яко тѣи наслѣдятъ
землю (Матѣ. 5, 5).*

Восходящiе вверхъ по какой нибудь лѣстницѣ, когда стануть на первую ступень, съ нея поднимаются на лежащую выше, и вторая опять ведетъ восходящаго на третью, а эта на слѣдующую, и сiя слѣдующая на ту, которая за ней; а такимъ образомъ восходящiй съ ступени, на которой стоитъ, подымается всегда на высшую, и достигаетъ самой вершины своего восхожденiя. Чтѣ же имѣя въ виду, съ сего начинаю я рѣчь? Мнѣ кажется, что на подобiе ступеней расположенъ рядъ блаженствъ, удобнымъ дѣлающiй въ словѣ восхожденiе отъ одного блаженства къ другому. Ибо того, кто восшелъ разумѣнiемъ до перваго блаженства, по какой-то необходимой послѣдовательности мыслей, приѣмлетъ слѣдующее за нимъ; хотя слово, по видимому, съ перваго взгляда и представляетъ нѣчто странное.

Слушатель скажетъ, можетъ быть, если слѣдовать расположенiю ступеней, то невозможно послѣ царствiя небеснаго получить наслѣдiе земли. Напротивъ того, если слово должно было слѣдовать естеству вещей, то послѣдо-

вательноѣ было бы прежде неба упомянуть о землѣ, такъ какъ съ нея будетъ и наше возхожденіе на небо. Но если окрылимся нѣсколько словомъ, и станемъ на самомъ хребтѣ небснаго свода; то найдемъ тамъ небсную землю, уготованную въ наслѣдіе жившимъ добродѣтельно; такъ что не окажется погрѣшности въ порядкѣ послѣдованія блаженствъ, по которому въ Божіихъ обѣтованіяхъ предложены намъ, сперва небо, и потомъ земля. Ибо видимое небо, что касается до тѣлеснаго чувства, во всемъ само съ собою сродно; и хотя представляется, по мѣстному разстоянію, высокимъ; однакоже оно ниже духовной сущности, до которой не можетъ восходить помысль, не миновавъ прежде умомъ того, до чего касается чувство. Если же землею именуется высній жребій, то ни мало не дивись сему: потому что къ низости нашего слуха снисходитъ Слово, и снисшедшее къ намъ потому, что мы не способны были до Него возвыситься. Посему знакомыми намъ рѣченіями и словами передаетъ Оно Божественныя тайны, употребляя такія слова, которыя обычай удерживаетъ въ человѣческой жизни. Ибо и въ предыдущемъ обѣтованіи неизрѣченное оное на небесахъ блаженство наименовало царствомъ, ужели указывая симъ именемъ на что либо подобное тому, что бываетъ въ дольнемъ царствѣ, напримѣръ, какіе либо вѣнцы, сіяющіе блескомъ

камней, цвѣтныя багряницы, чѣмъ-то усладительнымъ блещущія для жадныхъ очей, преддверія и завѣсы, возвышенныя сѣдалища, ряды чинно предстоящихъ коньеносцевъ, и все иное, что выставляютъ на видъ на такомъ позорищѣ жизни старающіеся такими вещами еще выше поднять величіе власти? Но послѣ именованіе царства, относительно къ сей жизни есть нѣчто великое и почти выше всего вождельнаго для людей; то Слово поэтому сіе именованіе употребило для означенія высшихъ благъ; такъ что, если бы у людей было нѣчто другое высшее царства, то, конечно, и Слово именованіемъ того окрылило бы душу слушателя къ вождельнѣю неизрѣченнаго блаженства. Ибо открыть людямъ оныя блага, которыя выше и чувства и вѣдѣнія человѣческаго, и невозможно было подъ собственными ихъ именами. Сказано: *око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце челоуѣку не въздоша* (1 Кор. 2, 9.). Но чтобы уповаемое блаженство не совершенно осталось далекимъ отъ нашего гаданія, сколько вмѣщаемъ по низости нашего естества, столько и слышимъ неизъяснимаго.

Посему подобоименность земли да не увлекаетъ твоего разумѣнія послѣ небесъ на дольную опять землю; но если ты отъ первыхъ блаженствъ возвысился умомъ, и возшелъ къ небесному упованію; то прости любовѣдѣніе

твое до той земли, которая—не общее всѣхъ наслѣдіе, а только за кротость жизни признанныхъ достойными онаго обѣтованія. Ее-то, мнѣ кажется, и великій Давидъ, о которомъ божественнымъ Писаніемъ засвидѣтельствовано, что былъ кротокъ и незлобивъ паче всѣхъ въ его время жившихъ въ мірѣ, руководимый духомъ проразумѣль, и обладалъ уже по вѣрѣ уповаемымъ, сказавъ: *вѣрю видѣти благая на земли живыхъ* (Псал. 26, 13.). Ибо не полагаю, что Пророкъ этою землею живыхъ нарекъ землю, возвращающую все смертное и въ себя опять разрѣшающую всякое отъ нея порожденіе. Напротивъ того зналъ онъ землю живыхъ, на которую не вступала смерть, по которой не протоптанъ путь грѣшниковъ, которая не принимала на себя слѣда порока, которой не разсѣкалъ плугомъ лукавства съятель плевель, которая не произращаетъ волчцевъ и терній, на которой вода упокоенія, и мѣсто злачное, и на четыре тока раздѣляемый источникъ, и виноградъ воздѣлываемый Богомъ всяческихъ, и все иное, что слышимъ загадочно высказаннымъ въ богодухновенномъ ученіи. Если же подлинно разумѣется нами эта высокая земля, превыше небесъ представляемая, на которой населенъ *градъ Царя великаго* (Псал. 47, 3.), *о немъ же преславная глаголашася*, какъ говоритъ Пророкъ (Псал. 86, 3.); то не справедливо будетъ находить страннымъ

порядокъ послѣдовательности блаженствъ. А иначе не вѣроятно было бы, какъ думаю, чтобы сія земля благословенія предоставлялась упованію тѣхъ, которые, какъ говоритъ Апостоль, будутъ восхищены на облакахъ по воздуху въ срѣтеніе Господу, и тако всегда съ Господемъ будутъ. Ибо какая еще потребность въ дольней землѣ тѣмъ, у кого въ упованіи жизнь превыспренняя? Мы же *восхищены будемъ на облацяхъ въ срѣтеніе Господне на воздухъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Сол. 4, 17.).

Но посмотримъ, въ награду за какую добродѣтель предназначается наслѣдіе оной земли. Сказано: *блаженни кротцыи: яко тѣмъ наслѣдятъ землю.* Что такое кротость? И за что Слово ублажаетъ кротость? По моему мнѣнію, не должно равно почитать добродѣтелию всего того, что дѣлается съ кротостію, особенно если словомъ симъ обозначаются только тихость и медленность. Въ скороходахъ тихій не лучше поспѣшнаго; и въ рукопашномъ бою не тотъ, кто съ трудомъ движется, восхищаетъ вѣнецъ у противника; и если течемъ къ почести вышняго званія (Фил. 3, 14.), то Павелъ совѣтуетъ усилить скорость, говоря: *такъ тецете, да постигнете* (1 Кор. 9, 24.), потому что и самъ, съ усиленнымъ всегда движеніемъ, стремился впередъ, предавая забвенію заднее; и поворотливъ былъ въ руко-

Гр. Нисск. Ч. II. 25

пашномъ бою. Ибо высматривалъ готовность противника къ нападенію, надежною ступалъ ногою, вооруженными имѣлъ руки, не во что либо пустое и несостоятельное повергалъ изъ рукъ оружіе, во касался имъ самыхъ существенныхъ частей противоборника, панося удары самому тѣлу. Угодно ли тебѣ знать Павлово искусство въ бою? Посмотри на раны борющагося съ нимъ; посмотри на подбитыя глаза у противника; посмотри на слѣды язвъ у побѣжденнаго. Безъ сомнѣнія же не неизвѣстенъ тебѣ противникъ, борющійся съ нимъ при помощи плоти, которому подбивается оиъ глаза, раздирая ногтями воздержанія, котораго члены умерщвляетъ голодомъ, жаждою, холодомъ, на котораго налагасть язвы Господни, котораго побѣждаетъ, оставляя позади себя въ бѣгу, чтобы не помрачить своихъ взоровъ, если сопротивникъ побѣжитъ впереди. Такъ, если скорь и быстрое движеніе въ подвигахъ Павелъ; то и Давидъ, нападаая на враговъ, расширяетъ стопы (Псал. 17, 37. 38.), и Женихъ въ Пѣсни по удободвижимости уподобляется *серню, скача на горы, и прескача на холмы* (Пѣсн. пѣсн. 2, 8.). Можно указать и много подобныхъ примѣровъ, изъ которыхъ оказывается, что скорость въ движеніи предпочтительнѣе тихости. Такъ почему же здѣсь Слово въ видѣ преслѣнія ублажаетъ кротость? Ибо сказано: *блажени кротцыи: яко тиѣ наследятъ*

землю, безъ сомнѣнія, оную землю, плодоносную прекрасными порожденіями, украшенную дровомъ жизни, орошаемую источниками духовныхъ дарованій, на которой произрастаетъ истинная виноградная Лоза, дѣлателемъ которой, какъ слышимъ, Отецъ Господа (Іоан. 15, 1.)?

Но Слово, кажется, любомудрствуетъ нѣчто подобное слѣдующему: много удобствъ пороку, естество весьма стремительно къ худшему; какъ и тяжелыя тѣла, хотя совершенно недвижимы вверхъ, но, если толкнуть ихъ по покатости съ какой нибудь высокой вершины, съ такою стремительностію несутся внизъ, увеличивая стремленіе собственною тяжестію, что скорость превосходитъ мѣру. Итакъ, поелику быстрота въ стремленіи къ пороку вредна; то, безъ сомнѣнія, достойно будетъ ублаженія представляемое по противоположности. А это есть тихость—навыкъ быть медлительнымъ и неподвижнымъ въ таковыхъ порывахъ естества. Ибо какъ огонь, имѣя свойство двигаться всегда вверхъ, неподвиженъ по направленію противоположному; такъ и добродѣтель, будучи быстродвижною къ горнему и высшему, и никогда неоставляя своей скорости, не дозволеннымъ для себя находить противоположное стремленіе. А посему, такъ какъ въ естествѣ нашемъ избыточествуетъ поспѣшность къ худому; то прекрасно ублажается ти-

хость въ дѣлахъ худыхъ. Ибо недѣятельность въ этомъ служитъ свидѣтельствомъ движенія къ горнему.

Но лучше будетъ ученіе сіе объяснить самими примѣрами, заимствованными изъ жизни. Движеніе всякаго произволснія двояко, по причинѣ свободы устремляясь къ тому, что кажется лучшимъ, здѣсь къ цѣломудрію, а тамъ къ непотребству. Но что сказано о частномъ видѣ добродѣтели и порока, то разумѣй и о цѣломъ. Ибо правъ человѣческій непремѣнно дѣлится по противоположнымъ направленіямъ; раздражительность противопоставляется мягкости нрава, кичливость—скромности, ненависть—благожеланію, непріязненность—любвеобилію и мирному расположенію. Итакъ, посліку жизнь человѣческая вещественна, а страсти изъ за веществовъ, всякая же страсть имѣетъ быстрый и неудержимый порывъ къ исполненію желанія (потому что вещество тяжело и стремится внизъ); то Господь, не тѣхъ посему ублажаетъ, которые живутъ внѣ дѣйствія на нихъ страстей (въ жизни вещественной невозможно всецѣло преуспѣть въ житіи невещественномъ и безстрастномъ); но возможнымъ предѣломъ добродѣтели въ жизни человѣческой называетъ кротость, и говоритъ, что быть кроткимъ достаточно для блаженства. Ибо естеству человѣческому не узаконяетъ совершеннаго безстрастія; правдивому Законоположнику и не свой-

ственно повелѣвать то, чего не пріемлетъ естество. Такое повелѣніе уподоблялось бы распоряженію того, кто живущихъ въ водѣ переселилъ бы на житіе въ воздухъ, или, наоборотъ, все, что живетъ въ воздухѣ, — въ воду. Напротивъ того закону надлежитъ быть примѣненнымъ къ свойственной каждому и естественной силѣ. Поэтому блаженство сіе повелѣваетъ умѣренность и кротость, а не совершенное безстрастіе; потому что послѣднее въ естества, а въ первомъ преуспѣваетъ добродѣтель. Посему, если бы блаженство предполагало неподвижность къ пожеланію, то бесполезно было бы, и ни къ чему не служило въ жизни сіе благословеніе. Ибо кто, сопряженный съ плотію и кровію, достигъ бы такового? Теперь же сказано, что осуждается не тотъ, кто по какому либо случаю вождельтъ, но тотъ, кто по предусмотрѣнію привлекъ къ себѣ страсть. Что происходитъ иногда подобное стремленіе, до этого и противъ воли доводитъ часто соединенная съ естествомъ нашимъ немощь; но неувлекаться, на подобіе потока, стремительною страстей, а мужественно противостать такому расположенію и страсть отразить разсудкомъ, — это есть дѣло добродѣтельное.

Посему блаженны не предающіеся вдругъ страстнымъ движеніямъ души, но сдерживаемые разумомъ, — тѣ, у кого помысль, подобно

какой-то удѣ, останавливаетъ порывы, не дозволяетъ душѣ вдаваться въ безчиніе. Лучше же сказать, подобное сему, а именно, что достойна убаженія кротость, можно всякому видѣть въ страсти раздраженія. Ибо какъ скоро слово, или дѣло какое, или предположеніе какой либо непріятности, возбудитъ такую болѣзнь, кровь въ сердцѣ закипаетъ, и душа готова подвигнуться къ мщенію; и какъ по баснословію нныя снадобья измѣняютъ наше естество въ образъ безсловесныхъ, животныхъ, такъ и тогда человѣкъ отъ раздраженія дѣлается внезапно венремъ, или псомъ, или барсомъ, или другимъ какимъ подобнымъ звѣремъ; у него налившіеся кровью глаза, ставшіе дыбомъ и оцетинившіеся волосы, голосъ суровый, рѣчь колкая, языкъ оцѣпенѣвшій отъ страсти, и неспособный служить внутреннимъ порывамъ, губы недвижущіяся, не выговаривающія словъ, не удерживающія во рту поражаемой страстью влаги, но безобразно вмѣстѣ съ звукомъ выплевывающія эту пѣну, а таковы и руки, таковы и ноги, таково все строеніе тѣла, каждый членъ соотвѣтствуетъ страсти. Посему, если таковъ раздраженный; а имѣющій въ виду блаженство при помощи разсудка укрощаетъ болѣзнь, и выражаетъ сіе и спокойнымъ взглядомъ, и тихимъ голосомъ, подобно какому-то врачу, который своимъ искусствомъ врачуетъ бѣснующихся до безоб-

разія; то не скажешь ли и самъ, сравнивъ одного съ другимъ, что жалокъ и мерзокъ этотъ звѣрь; по достоинству ублаженія кроткій, кого и злоба ближняго не заставила утратить свое благообразіе?

И что Слово имѣеть въ виду сію наипаче страсть, явствуетъ изъ того, что послѣ смиренномудрія узаконяетъ намъ кротость; потому что естественно держаться одному другимъ, и состоянію смиренномудрія быть какъ бы матерью какою кроткаго павыка. Ибо если уничтожить въ нравѣ кичливость, то не будетъ времени породиться страсти раздраженія; потому что причиною такового недуга въ раздраженныхъ бываютъ обида и безчестіе. Безчестіе же не касается того, кто обучилъ себя смиренномудрію. Если у кого помысль чистъ отъ человѣческаго обольщенія, и видитъ онъ ничтожество естества, какое и ему дано въ удѣлъ, также какое начало его состава, и къ какому концу стремится краткость и скоротечность здѣшней жизни, видитъ сопряженную съ плотію нечистоту, и бѣдность естества, которое само по себѣ недостаточно было бы къ поддержанію собственнаго своего состава, если бы недостатковъ его не восполняло обиліе безсловесныхъ, а сверхъ сего видитъ скорби, печали, бѣдствія и многообразныя виды болѣзней, которымъ подлежитъ человѣческая жизнь, и отъ которыхъ никто не изъять и не

свободенъ по естеству: то тщательно всматривающемся въ это чистымъ окомъ души не легко будетъ вознегодовать на недостатки воздаваемыхъ ему почестей. Напротивъ того обманомъ почтеть почесть за что либо оказываемую ему ближнимъ, потому что въ естествѣ нашемъ ничего такого нѣтъ, что можетъ стоять въ ряду вещей досточестныхъ, кромѣ одной только души, которой честь составляетъ не чѣмъ либо взыскуемымъ въ этомъ мірѣ. Ибо тщеславиться богатствомъ, или величаться родомъ, или мечтать о славѣ, или мысленно присвоить себѣ верхъ надъ ближнимъ, чѣмъ и ограничиваются человѣческія почести, все это служить душѣ въ посрамленіе и укоризну, такъ что человѣкъ разсудительный не согласится чѣмъ либо подобнымъ сему осквернить чистоту души. Вести же себя такъ—не иное что значить, какъ глубокого укорениться въ смиренномудріи, по преуспѣяніи въ которомъ, раздраженіе даже не будетъ имѣть и входа въ душу. А когда нѣтъ раздраженія, преспѣваетъ *тихое и безмолвное житіе* (1 Тим. 2, 2.); оное же не иное что есть, какъ кротость, которой конецъ блаженство и послѣдіе небесной земли (к) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки! Аминь.

(к) Последнія слова переведены по рукописи N 71.

С Л О В О 3.

Блаженни плачущіи: яко тѣи утѣшатся (Матѣ. 5, 4.).

Не взошли мы еще на вершину горы, но въ мысленномъ пока подгоріи; хотя и миновали уже два нѣкіе холма, блаженствами возведенные въ блаженную нищету и высшую нищеты кротость, откуда слово ведетъ насъ къ большимъ еще возвышеніямъ, и показываетъ между блаженствами третью по порядку возвышенность, на которую, безъ сомнѣнія, надлежитъ поспѣшить, какъ говоритъ Апостолъ, *лѣньность всяку отложше, и удобь обстоятельный врѣхъ* (Евр. 12, 1.); чтобы легкими и проворными ставъ на вершинѣ, приблизиться душою къ чистѣйшему свѣту истины. Посему, что значитъ сказанное: *блаженни плачущіи: яко тѣи утѣшатся?*

Посмѣется, конечно, у кого въ виду этотъ міръ, и, издѣваясь надъ словомъ симъ, скажетъ такъ: если ублажаются по жизни истощаемые всякимъ бѣдствіемъ; то слѣдуетъ, конечно, что бѣдствуютъ тѣ, у кого жизнь безпечальна и благоденственна. И такимъ образомъ увеличитъ еще смѣхъ, перечисляя роды бѣдствій, выставя на видъ худыя послѣдствія вдовства, горькое состояніе сиротства, убытки, кораблекрушенія, взятіе въ плѣнъ на войнѣ,

несправедливья рѣшенія въ судахъ, изгнанія изъ отечества, описанія имуществъ, безчестія, бѣдствія отъ болѣзней, какъ то: увѣчья, отъятіе членовъ, и всякаго рода тѣлесныя поврежденія, и если еще какое страданіе, касающееся или тѣла, или души, приключается людямъ въ сей жизни, все опишетъ въ словѣ, и тѣмъ, по его мнѣнію, докажетъ, будто бы достойно осмѣянна слово, ублажающее плачущихъ. Но мы, не обращая много вниманія на тѣхъ, которые имѣють тѣсный и низкій взглядъ на мысли Божественныя, постараемся, сколько возможно, разсмотрѣть заключающееся въ глубинѣ сказаннаго богатство: чтобы и чрезъ это сдѣлалось явнымъ, сколько разности въ разумѣніи плотскомъ и перстномъ съ разумѣніемъ возвышеннымъ, небеснымъ.

Съ перваго взгляда блаженнымъ можно признать плачъ о проступкахъ и о грѣхахъ, по ученію о печали Павла, который сказалъ, что не одинъ видъ печали, но есть печаль мірская, и есть печаль *по Бозь содѣваемая*, и дѣло печали мірской—смерть, а вторая печаль покаяніемъ *содѣловаетъ* печалующимся спасеніе (2 Кор. 7, 10.). Ибо подлинно не недостойно ублаженія такое состояніе души, когда, пришедши въ чувство худости, оплакиваетъ она порочную жизнь. Какъ въ тѣлесныхъ недугахъ, въ которыхъ одна изъ частей тѣла отъ какого либо поврежденія дѣлается недѣйствующею,

знакомъ омертвенія недѣйствующей части служить ся безчувственность; если же какимъ врачевнымъ искусствомъ тѣлу снова возвращено будетъ жизненное чувство, то радуются уже болямъ члена, и самъ страждущій, и прислуживающій больному, признакомъ переворота болѣзни на здравіе принимая то, что членъ сталъ уже чувствовать причиняемую ему боль: такъ, когда иныя, какъ гворитъ Апостоль, *въ нечаяніе вложешеся предадутъ себе* (Еф. 4, 19.) жизни грѣховной, ставъ подлинно какими-то мертвыми и недѣйствующими для жизни добродѣтельной, ни мало не чувствуютъ они того, что дѣлаютъ. Если же коснется ихъ какое либо врачующее слово, какъ бы горячими какими и опаляющими составами, — разумѣю строгія угрозы будущимъ судомъ, — и страхомъ ожидаемаго до глубины проникнетъ сердце, и въ немъ, оцѣпенѣвшемъ отъ страсти сластолюбія, какъ бы растирая и согрѣвая, подобно какому-то горячительному и острому врачевству, — страхъ гесны, огонь неугасимый, червя неумирающаго, скрежетъ зубовъ, непрестающій плачь, тму кромѣшнюю и все сему подобное, заставитъ почувствовать ту жизнь, какую проводить; то содѣлаетъ его достойнымъ ублаженія, произведя въ душѣ болѣзненное чувство. Какъ и Павелъ восшедшаго неистово на отцево ложе до тѣхъ поръ бичуетъ словомъ, пока остается онъ безчувственнымъ

къ своему грѣху; а когда врачество укоризнь коснулось этого человѣка, какъ содѣлавшагося уже блаженнымъ за свой плачь, начинаетъ утѣшать, *да не мноюю*, какъ говорить, *скорбію пожертвѣ будетъ таковій* (2 Кор. 2. 7.).

Положимъ, что и эта мысль въ предлагаемомъ взглядѣ на ученіе о блаженствѣ небезполезна будетъ для жизни добродѣтельной, потому что грѣхъ въ естествѣ человѣческомъ какъ-то умножается, а покаянный плачь оказывается врачевствомъ отъ него; но мнѣ кажется, что слово усильвѣйшимъ дѣйствіемъ плача означаетъ нѣчто имѣющее болѣе глубокой смыслъ, нежели сказанное, заставляя разумѣть кромя сего нѣчто иное. Ибо если бы слово указывало на одно покаяніе по прегрѣшеніи, то послѣдовательнѣе было бы ублажать плакавшихъ, а не всегда плачущихъ. Такъ если для сравненія взять болѣзненное состояніе; то ублажаемъ излѣчившихся, а не тѣхъ, которые всегда лечатся, потому что продолженіе лѣченія показываетъ вмѣстѣ и неукротимость недуга. Но и по другой причинѣ, кажется мнѣ, не хорошо ограничиться такою одною мыслию, будто бы словомъ симъ удѣляется блаженство однимъ плачущимъ о грѣхахъ. Ибо найдемъ многихъ, проводившихъ жизнь безукоризненно, и, по свидѣтельству самаго Божія Слова, отличившихся всякимъ добрымъ дѣломъ. Какая любостыжательность

у Иоанна? Какое идолослуженіе у Илиі? Какое малое или большое прегрѣшеніе въ ихъ жизни извѣстно исторіи? Что же? Неужели слово сіе предположить, что внѣ блаженства и они, и первоначально неболѣвшіе, и недошедшіе до потребности въ семь врачевствъ, разумѣю покаянный плачь? Не будетъ ли нелѣно признать таковыхъ лишенными божественнаго ублаженія за то, что не грѣшили, и не врачевали грѣха плачемъ? Или въ такомъ случаѣ грѣшить не будетъ ли предпочтительнѣе того, чтобы жить безгрѣшно, если однимъ кающимся дана въ удѣлъ Утѣшителява благодать? Ибо сказано: *блаженни плачущи: яко ти утѣшатся*. Посему, сколько можно, послѣдовавъ, какъ говоритъ Аввакумъ, *на высокая* Восходящему (Авв. 3, 19.), еще поищемъ заключающагося въ сказанномъ смысла, чтобы дознать, какому плачу уготовано утѣшеніе Святаго Духа.

Посему посмотримъ сперва, что такое въ человѣческой жизни самый плачь, и отчего иногда бываетъ онъ? Всякому явно, что плачь есть унылое расположеніе души, появляющееся при лишеніи чего либо любимаго; каковое состояніе въ живущихъ благополучно не имѣетъ мѣста. Напримѣръ: человекъ благоуспѣшенъ въ жизни, всѣ дѣла идутъ, какъ по теченію рѣки, въ пріятность ему, веселитъ его супруга, радуютъ дѣти, подкрѣпляютъ своимъ содѣйствіемъ братья, въ народномъ собраніи онъ

пользуется почетомъ, а у начальства добрымъ о себѣ мнѣніемъ, страшенъ противникамъ, уважається подчиненными, обходителенъ съ друзьями, изобилуетъ богатствомъ, живетъ въ свое удовольствіе, приятенъ, безпечаленъ, крѣпокъ тѣломъ, имѣетъ все, что почитается въ этомъ мірѣ дорогимъ: такой человекъ, конечно, живетъ (л) въ веселіи, наслаждаясь каждою вещію, какая есть у него. Но если благоденствія сего коснется какая либо превратность, и, по дурному какому-то стеченію обстоятельствъ, произведетъ или разрывъ съ наиболѣе любимыми, или утрату въ имуществѣ, или какія либо тѣлесныя поврежденія (м); тогда лишеніемъ увеселяющаго производится противоположное расположеніе, которое называемъ плачемъ. Посему истинно данное о немъ понятіе, что плачь есть скорбное нѣкое ощущеніе утраты того, что увеселяетъ. Если же понять нами плачь человѣческой, то пусть очевидное послужитъ нѣкоторымъ путеуказаніемъ къ незнаемому, и сдѣлается явнымъ, что такое плачь ублажаемый, за которымъ слѣдуетъ утѣшеніе.

Ибо, если здѣсь плачь производится лишеніемъ благъ, какія у кого есть, и никто не

(л) Слово сіе дополнено по рукописи.

(м) Въ рукописи читается: *ἢ τινὲς πρῶσις τοῦ σώματος.*

станеть оплакивать того, что желаетъ утратить; то надлежитъ прежде узнать самое благо, что оно такое въ дѣйствительности, а потомъ составить понятіе о человѣческомъ ествѣ; ибо симъ достигнется и то, чтобы преуспѣть въ ублажаемомъ плачѣ. Напримѣръ изъ живущихъ во тмѣ, когда одинъ родился въ темнотѣ, а другой привыкъ наслаждаться вѣшнимъ свѣтомъ, но насильно сталъ заключеннымъ, настоящее бѣдствіе не одинаково дѣйствуетъ на обоихъ. Ибо одинъ, зная, чего лишился, тяжелымъ для себя почтеть утрату свѣта; а другой, совсѣмъ не знавшій такой благодати, проживеть безнечально, какъ выросшій во мракѣ, и разсуждая, что не лишенъ ни одного изъ благъ. А посему пожеланіе насладиться свѣтомъ одного поведетъ ко всякому усилію и примышленію снова увидѣть то, чего лишенъ насильно; а другой состарится, живя въ темнотѣ, потому что не зналъ лучшаго, признавая для себя благомъ настоящее. Такъ и въ разсужденіи того, о чемъ у насъ рѣчь, кто возмогъ усмотрѣть истинное благо, и потомъ уразумѣлъ нищету человѣческаго ества, тотъ, конечно, почтеть душу бѣдствующею, оплакивая то, что настоящая жизнь не пользуется онымъ благомъ. Посему, кажется мнѣ, слово ублажаетъ не печаль, но познаніе блага, по причинѣ котораго человѣкъ страдаетъ печалію о томъ, что нѣтъ въ жизни сего искомаго.

Посему порядокъ требуетъ изслѣдовать, дѣйствительное ли нѣчто есть оный свѣтъ, которымъ темный этотъ вертепъ естества человѣческаго не озаряется въ настоящей жизни? Или, можетъ быть, пожеланіе стремится къ тому, чего нѣтъ, и что непостижимо? Ибо таковъ ли нашъ разсудокъ, чтобы слѣдить ему за естествомъ искомаго? Таково ли значеніе именъ и рѣченій, чтобы передать намъ ими достойное понятіе о высшемъ свѣтѣ? Какъ наименую незримое? Какъ представлю невещественное? Какъ покажу не имѣющее вида? Какъ постигну то, что не имѣетъ ни величины, ни количества, ни качества, ни очертанія, не находится ни въ мѣстѣ, ни во времени, внѣ всякаго ограниченія и опредѣленнаго представленія? Чье дѣло—жизнь и самостоятельность всего представляемаго благомъ? Къ чему предлагается мыслию всякое высокое понятіе и именованіе: Божество, царство, сила, присносущіе, нетлѣніе, радость, радованіе, и все высоко мыслимое и сказуемое? Посему, какъ и при какихъ помыслахъ возможно, чтобы таковое благо стало доступнымъ взору, — было и созерцаемымъ и не видимымъ? Всѣмъ существамъ сообщено бытіе, а само было присносущимъ, и не имѣло нужды приведенія въ бытіе?

Но чтобы не утруждалъ себя напрасно разумъ, простираясь до предѣловъ безпредѣльнаго, прекратимъ пытлиное изслѣдованіе объ

естествѣ превысшихъ благъ, такъ какъ все подобное сему не можетъ и быть постигнуто; извлечемъ же ту одну пользу изъ своихъ изысканій, что, по самой невозможности увидѣть искомое, отпечатлѣется въ насъ нѣкое понятіе о величіи искомага. Но въ какой мѣрѣ, по нашему вѣрованію, благо по естеству своему выше нашего вѣдѣнія, въ такой паче и паче усиливаемъ въ себѣ плачь о благѣ, съ которымъ мы разлучены, и которое такъ высоко и велико, что даже вѣдѣніе о немъ не можетъ быть вмѣстимо. И сего-то блага, превышающаго всякую силу постиженія, мы люди были нѣкогда причастниками; и въ естествѣ нашемъ оное превысшее всякаго понятія благо было въ такой мѣрѣ, что обладаемое человѣкомъ, по самому точному сходству съ первообразомъ, казалось новымъ благомъ, принявшимъ на себя образъ перваго. Ибо что теперь гадательно представляемъ объ ономъ благѣ, все то было у человѣка: нетлѣніе и блаженство, самообладаніе и неподвластность, безпечальная и незабоченная жизнь, занятіе божественнымъ, — тѣмъ, чтобы взирать на благо и чистымъ и обнаженнымъ отъ всякаго покрывала разумѣніемъ. Ибо все сіе дастъ намъ въ немногихъ реченіяхъ гадательно уразумѣть слово о міробытіи, говоря, что человѣкъ созданъ по образу Божию, жилъ въ раю, и наслаждался насажденнымъ тамъ; а плодъ оныхъ растений — жизнь,

вѣдѣніе и подобное сему. Если же это было у насъ; то какъ не востенать о бѣдствіи, сравнительно съ тогдашнимъ блаженствомъ сличающему настоящую пынь бѣдность? Высокое унижено; созданное по образу небеснаго оземлилось; поставленное царствовать поработилось; сотворенное для безсмертія растаѣло смертію; пребывающее въ райскомъ наслажденіи преселено въ эту болѣзненную и много трудную страну; воспитанное въ безстрастіи обмѣняло сіе на жизнь страстную и кратковременную; неподвластное и свободное пынь подъ господствомъ столь великихъ и многихъ золъ, что невозможно исчислить нашихъ мучителей. Ибо каждая въ насъ страсть, когда возобладаетъ, дѣлается властелиномъ поработеннаго, и подобно какому-то преобладателю, занявъ твердыню души, чрезъ самихъ подчинившихся ей мучить подвластнаго, наши же помыслы въ угодность себѣ употребляя на свою прислугу. Такъ раздражительность, гнѣвъ, страхъ, боязнь, дерзость, состояніе печали и удовольствія, ненависть, ссора, безчеловѣчіе, жестокость, зависть, ласкательство, памятозлобіе, нечувствительность, и всѣ страсти, представляющіяся противъ насъ дѣйствующими, составляютъ списокъ какихъ-то мучителей и властелиновъ, какъ шлѣнника какого, власти своей поработяющихъ душу. А если кто исчислитъ и бѣды постигающія тѣло, тѣсно

соединенныя и неразлучныя съ естествомъ нашимъ — разумью различные и разнообразныя роды болѣзней, которыхъ въ началѣ вообще не испытывало человѣчество; — то гораздо обильнѣйшія прольетъ слезы, взирая вмѣсто благъ сравнительно съ ними на скорби и благоденствію противоположныя бѣдствія.

Поэтому Ублажающій плачь, кажется, втайнѣ учитъ душу обращать взоръ къ истинному благу, и не погружаться въ настоящую прелесть сей жизни. Ибо невозможно, какъ внимающему тщательно въ дѣла прожить безъ слезъ, такъ глубоко погрязшему въ житейскихъ удовольствіяхъ думать, что онъ печалець. Подобное сему можно видѣть на безсловесныхъ. Хотя жалости достойно устройство ихъ естества (ибо что жалостнѣе сего — быть лишеннымъ разума?); однакоже нѣтъ у нихъ никакого чувства о своемъ несчастіи; напротивъ того и ими проводится жизнь съ нѣкоторымъ удовольствіемъ: конь поднимаетъ вверхъ голову, волъ взрываетъ пыль, свинья щетинитъ волосы, молодые псы играютъ, тельцы прыгаютъ, и всякое животное, какъ можно видѣть, какими нибудь знаками показываетъ свое удовольствіе. А если было бы у нихъ какое либо понятіе о дарѣ разума; то не проводили бы они въ удовольствіи своей глупой и бѣдственной жизни. Такъ и людьми, у которыхъ нѣтъ никакого вѣдѣнія о благахъ, ка-

кихъ лишилось естество наше, настоящая жизнь препроводится въ удовольствіи. А кто улаждается настоящимъ, тому слѣдуетъ не искать лучшаго. И кто не ищетъ, тотъ и не найдетъ пріобрѣтаемаго одними ищущими.

Итакъ поэтому Слово улажаетъ плачь, признавая его блаженнымъ не потому, что таковъ онъ самъ по себѣ, но потому, что отъ него происходитъ. Да и связь рѣчи показываетъ, что для плачущихъ блаженно плакать, такъ какъ сіе самое приводитъ къ утѣшенію. Ибо Господь сказалъ: *блаженни плачущи*, и не остановилъ на семъ рѣчи, но присовокупилъ: *яко тѣи утѣшатся*. Сіе-то, кажется мнѣ, проразумѣвъ великій Моисей (лучше же сказать, Слово чрезъ него учреждающее это), въ таинственныхъ обрядахъ пасхи узаконилъ іудеямъ въ дни сего праздника ѣсть неквасный хлѣбъ, а приправою къ снѣди содѣлалъ *горькое зеліе* (Исх. 12, 8.), таковыми гаданіями давая намъ возможность дознать, что не иначе можемъ стать причастниками таинственнаго онаго праздника, какъ къ неизнѣженной (и) и безквасной жизни добровольно примѣшавъ горькое зеліе вѣка сего. Посему и великій Давидъ, даже видя у себя высочайшую мѣру человѣческаго благополучія, разумѣю царство, — обильно надѣляетъ жизнь свою горькимъ зеліемъ, жалобно стень и оплакивая продолженіе пришельствія

(и) По рукописи вмѣсто: *εἰ ἀλλ᾽* читается:

своего во плоти, и лишился силъ отъ пожеланія чего-то большаго, говоритъ: *увѣдѣнье мое продолжится* (Псал. 119, 5.); а въ другомъ мѣстѣ, неослабно взирая на красоту селеній Божіихъ, говоритъ, что *скопчивается* отъ сильнаго желанія, признавая для себя достопочтеннѣйшимъ причитаться тамъ къ послѣднимъ, нежели первенствовать въ обладаніи настоящимъ (Псал. 83, 2. 3. 11.).

Но если кому угодно точнѣе уразумѣть силу ублажаемаго онаго плача; то пусть разберетъ самъ съ собою повѣствованіе о Лазарѣ и богатомъ, въ которомъ съ большею открытостію уясняется намъ таковое ученіе. Ибо Авраамъ говоритъ богатому: *помяни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твою, и Лазарь такожде злая: посему онъ утѣшается, ты же страдаши* (Лук. 16, 25.). Сему и быть надлежало послѣ того, какъ чуждыми благаго Божія о человѣкѣ смотрѣнія содѣлаю насъ неразуміе; лучше же сказать, злоуміе. Поелику Богъ узаконилъ намъ наслаждаться благомъ, къ которому не примѣнано зло, и воспретилъ къ хорошему примѣшивать испытаніе худаго; то, когда мы по жадности своевольно пресытились противнымъ, то есть вкусили преслушанія Божія слова; — конечно естеству человѣческому надлежитъ по этому извѣдать то и другое, имѣть часть въ печальномъ и веселящемъ. И какъ два вѣка, также и жизнь.

въ сообразность съ каждымъ собственно вѣкомъ, представляется двойкою. Подобно сему и веселіе двойко: одно—въ настоящемъ вѣкѣ, а другое—въ предстоящемъ намъ по упованію; то достоблаженно, долю увеселенія истинными благами предоставить вѣчной жизни, а служеніе печали исполнить въ этой краткой и временной жизни, почитая для себя утратою не то, если лишимся чего либо пріятнаго въ сей жизни, но то, если за наслажденіе сею пріятностію не получимъ лучшаго. Посему, если блаженно въ безконечные вѣки имѣть нескончаемое и всегда продолжающееся веселіе, а естеству человѣческому непременно должно 'вкусить и противоположнаго: то не трудно уже понять, что имѣеть въ виду слово. Почему *блаженни плачущіи нынѣ*? Потому что *тѣи утѣшатся* въ безконечные вѣки. Утѣшеніемъ же служить причастіе Утѣшителя; ибо собственное дѣйствіе Духа есть даръ утѣшенія, котораго да сподобимся и мы, по благодати Господа нашего Иисуса Христа! Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

с л о в о ы.

*Блаженни алчущіи и жаждущіи правды:
яко тѣи насытятся* (Матѣ. 5, 6.).

Свѣдущіе во врачебномъ искусствѣ говорятъ, что страждущіе желудкомъ и худымъ позы-

вомъ на пищу, отъ скопленія въ верхней части желудка дурныхъ какихъ либо соковъ и излишествъ, всегда представляютъ желудокъ свой полнымъ и сытымъ, и потому имѣютъ отвращеніе отъ пищи полезной, по причинѣ ослабленія естественнаго позыва во время этой мнимой сытости. Но если приложено будетъ о нихъ какое либо попеченіе врачебнаго искусства; то, по очищеніи какимъ либо разводящимъ врачебнымъ питіемъ скопившагося въ желудочныхъ полостяхъ, произойдетъ, что ничто чуждое уже не будетъ безнокоить естества, возвратится же имъ позывъ на пищу полезную и питательную. И признакомъ здоровья служить, что пища принимается уже не принужденно, но съ пожеланіемъ и увлеченіемъ.

Что же значить у меня это вступленіе? Поелику слово, руководящее насъ на высшія ступени лѣствицы блаженствъ, и, по выраженію Пророка, полагающее добрыя *восхожденія въ сердце* нашимъ (Псал. 83, 6.), поступаая послѣдовательно, послѣ совершенныхъ уже нами прежде восходовъ указываетъ подобное еще новое четвертое восхожденіе, говоря: *блаженни алчущи и жаждущи правды: яко ти насытятся*: то хорошо, думаю, избавивъ душу отъ утраты позыва на пищу и отъ пресыщенія, сколько возможно, возбудить въ себѣ самихъ этотъ блаженный позывъ на пищу и питіе. Ибо не возможно человѣку, ни быть

сильнымъ безъ достаточной пищи, подкрѣпляющей его силы, ни насытиться пищею, не вкушая ея, ни питаться ею безъ позыва на пищу. Итакъ, поелику сила есть нѣкое жизненное благо; и она соблюдается достаточною сытостію; а сытость бываетъ отъ пищи, вкушаемъ же при позывѣ на пищу: то позывъ сей въ живыхъ есть нѣчто достойное ублаженія, служащее въ насъ началомъ и причиною силы. Но въ разсужденіи чувственной этой пищи бываетъ съ нами, что не всѣ желаемъ тѣхъ же снѣдей, и пожеланіе вкушающихъ дѣлится не рѣдко по родамъ яствъ, одному пріятно сладкое, а другой чувствуетъ побужденіе къ острому и горячительному; иному же нравится солоноватое, и иному—кислое; случается же часто, что не у всякаго бываетъ побужденіе къ снѣди полезной; ибо иный, по какой-то особенноти сложенія имѣя склонность къ какой либо страсти, питаетъ болѣзнь соотвѣтственными ей по качеству яствами. А если будетъ имѣть онъ побужденіе къ яствамъ полезнымъ, то, безъ сомнѣнія, проживетъ наслаждаясь здоровьемъ; потому что пища соблюдетъ тѣлесное его благосостояніе. Такъ и въ душевной пищѣ не у всѣхъ пожеланія склонны къ одному и тому же. Одни желаютъ себѣ славы, или богатства, или какой либо мірской знаменитости; у другихъ не усыпная забота о хорошемъ столѣ;

иные съ жадностію поглощаютъ зависть, какъ ядовитую какую пищу; а есть и такіе, у которыхъ пожеланіе возбуждается естественно прекраснымъ. Естественно же прекрасно всегда и для всѣхъ то, что не ради чего другаго избирается, но само по себѣ вождельно, всегда одинаково, и никогда не теряеть привлекательности по насыщеніи онымъ. Посему-то Слово ублажаетъ не просто алчущихъ, но тѣхъ, у кого пожеланіе имѣеть склонность къ истинной правдѣ.

Посему что же такое правда? Ибо сіе, думаю, должно прежде раскрыть въ словѣ, чтобы, когда обнаружится ея красота, тогда уже возбудилось въ насъ влеченіе къ красотѣ видимаго. Ибо не возможно возимѣть пожеланіе чего либо не видашнаго; напротивъ того естество наше въ разсужденіи незнакомаго намъ какъ-то недѣйственно и неподвижно, если посредствомъ слуха или зрѣнія не пріобрѣтеть какого либо понятія о вождѣлваемомъ. Потому нѣкоторые изслѣдователи подобнаго сему говорятъ, что правда есть соблюденіе правила, воздавать каждому равно и по достоинству. Напримѣръ, если кто сдѣлается полнымъ господиномъ при раздачѣ денегъ; то имѣющій въ виду равенство и подаваніе соразмѣряющій съ потребностію получающихъ называется правдивымъ. И если кто, получивъ власть судить, произноситъ приговоръ, не по милости какой и

враждѣ, но слѣдуя свойству дѣла, и наказываетъ достойныхъ того, и оправдываетъ своимъ приговоромъ неподлежащихъ отвѣтственности, и о прочихъ спорныхъ дѣлахъ творить судъ по истинѣ; то и онъ называется правдивымъ. И назначающій подати съ подначальныхъ, когда налагаетъ подать соразмѣрную съ силами, и владыка дома, и начальникъ города, и царь народовъ, — если каждый изъ нихъ правитъ подвластными, не властію неразумныхъ побужденій движимый, но по правотѣ судя ему покорныхъ, и въ рѣшеніи дѣла сообразуясь съ поведеніемъ подначальныхъ; то опредѣляющіе правду соблюденіемъ сказаннаго правила все сему подобное означаютъ именемъ правды. Но, взирая на высоту божественнаго законоположенія, полагаю, что здѣсь подъ правдою разумѣется нѣчто большее сказаннаго. Ибо если спасительное слово изречается вообще для всего человѣческаго рода, не всякому же человѣку можно быть въ числѣ именованныхъ (ибо царствовать, начальствовать, творить судъ, имѣть во власти раздачу денегъ, или другое какое смотрѣніе, — удѣлъ не многихъ; великое же множество состоитъ подъ начальствомъ и смотрѣніемъ другихъ); то какъ согласиться кому либо, что истинна та правда, которая не всему роду предлагается въ равной степени? Ибо если, по словамъ вѣнскихъ мудрецовъ, цѣль правды — управленіе; а гдѣ пре-

имущество, тамъ нѣтъ равенства: то даннаго о правдѣ понятія не возможно признать истиннымъ; потому что оно немедленно обличается неравенствомъ въ жизни. Посему какая же правда, простирающаяся на всѣхъ, вождельніе которой, какъ общее, предлежитъ всякому, имѣющему въ виду евангельскую трапезу, богатъ ли онъ, или бѣденъ, рабствуетъ, или господствуетъ, знатнаго ли рода, или купленный рабъ, такъ что никакое внѣшнее обстоятельство не увеличиваетъ, и не умаляетъ, понятія правды? Ибо если можетъ она находиться только въ томъ, кто выше прочихъ властію какою и преимуществомъ; то почему праведенъ поверженный у воротъ богатаго Лазарь, не имѣющій у себя ни какого средства для оказанія таковой правды: ни начальства, ни власти, ни дома, ни трапезы, ни другаго какого житейскаго запаса, чѣмъ можно надѣлать совершить оную правду? Ибо если правда возможна тому, кто начальствуетъ, одѣлать, или вообще имѣть что либо подъ смотрѣніемъ; тотъ, кто не завѣдываетъ этимъ, безъ сомнѣнія, внѣ возможности творить правду. Почему же сподобляется успокоенія не имѣвшій у себя того, чѣмъ, по словамъ многихъ, отличается правда? Посему надобно намъ искать той правды, вождельвнннй которой по обѣтованію насладится ея. Ибо сказано: *блаженн алмущнн правды: яко тнн насытятся.*

Послику много всякаго рода такихъ веществъ, ко вкушенію которыхъ естество человѣческое стремится съ вожделѣніемъ; то потребно намъ много свѣдѣнія, чтобы различать въ такихъ свѣдѣхъ питательное и ядовитое, и чтобы то, что, по мнѣнію души, приѣмлется въ пищу, вмѣсто жизни не причинило намъ смерти и разрушенія. Но, можетъ быть, безвременно будетъ понятіе о семъ уяснить чѣмъ либо другимъ разрѣшаемымъ въ евангеліи. Вступившій въ общеніе съ нами *по всяческиимъ, развъ грѣха* (Евр. 4, 15.), и приобщившійся тѣхъ же съ нами немощей, не признавъ алканія грѣхомъ, и не отказавъ собственнымъ Своимъ опытомъ извѣдать сію немощь, но допустилъ до Себя это естественное побужденіе къ пожеланію пищи. Ибо, сорокъ дней пребывъ безъ пищи, *послѣди взака* (Матѣ. 4, 2.). Такъ, когда хотѣлъ, давалъ естеству время дѣлать свос. Но изобрѣтатель искушеній, какъ скоро узналъ, что и въ Немъ произошла эта немощь алканія, совѣтовалъ удовлетворить желанію камнями, то есть, пожеланіе естественной пищи обратить къ неестественному; ибо говоритъ: *рцы, да каменіе сіе хлбы будутъ* (3). Въ какой неправдѣ виновно стало земледѣліе? За что было до того возгнушаться сѣменами, чтобы обезчестить и пищу изъ нихъ? За что осуждается Создателява премудрость, будто бы, питая чловѣчество сѣменами, пи-

таетъ не надлежащимъ образомъ? Ибо если теперь камень оказывается болѣе пригоднымъ для пищи; то значить, что Божія премудрость погрѣшила въ должномъ промышленіи о чело-вѣческой жизни. *Русь, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*, — сіе и до нынѣ говоритъ онъ тѣмъ, которые искушаются собственнымъ своимъ пожеланіемъ, и говоря такъ, всего чаще взирающихъ на него убѣждаетъ уготовлять себѣ пищу изъ камней. Ибо когда пожеланіе выходитъ изъ необходимыхъ предѣловъ потребности; что это иное, какъ не совѣтъ діавола, запрещающій тогда пищу изъ сѣменъ, и вызывающій пожеланіе неестественнаго? Изъ камней ѣдятъ хлѣбы предлагающіе ихъ отъ любостыжательности, приготавлиющіе себѣ дорогія и пышныя трапезы изъ неправдъ. У нихъ и приготовленіе вечери — какое-то торжество, ухищренно устроенное на изумленіе всѣмъ, выходящее за предѣлы необходимаго для жизни. Ибо что общаго съ естественною потребностію имѣть не употребляемое въ пищу вещество серебра, выставляемое въ тяжеловѣсныхъ и съ трудомъ переносимыхъ приборахъ? Что такое ощущеніе голода? Не желаніе ли восполнить недостатокъ въ необходимомъ? Поелику сила утратилась, недостающее снова восполняется приличнымъ прибавленіемъ. Хлѣба, или иного чего годнаго въ снѣдь, желаетъ естество. А кто вмѣсто хлѣба подноситъ ко

рту золото, тотъ удовлетворяетъ ли нуждѣ? Посему, когда вмѣсто годнаго въ свѣдѣ ищетъ кто вещества, неупотребляемаго въ пищу: тогда онъ прямо заботится о камняхъ, потому что внаго требуетъ естество, а инымъ занятъ онъ. Естество ощущеніемъ голода, какъ бы внятнымъ голосомъ, едва не говоритъ, что теперь потребна свѣдѣ, потому что должно возвратить снова тѣлу утраченную силу. А ты не слушаешь естества; даешь ему не то, чего просить. Напротивъ того заботишься, чтобы на столѣ у тебя было большее бремя серебра, приискиваешь ковачей этого вещества, любопытствуешь узнать исторію чекалимыхъ на веществахъ изображеній, чтобы они въ точности передали искусствомъ страсти и нравы, и тебѣ можно было узнать раздраженіе война, когда заноситъ мечъ на закланіе, и страданіе раненаго, когда, пораженный смертельно, показываетъ видъ готоваго заплакать, и рьяность звѣролова, и свирѣпость звѣря, и все иное, что съ такою изысканностію эти суестные люди искусно изображаютъ на настольныхъ приборахъ. Естество требуетъ питія; а ты приготавлиаешь дорогіе треножки, лохани, чаши, большіе сосуды, и тысячи другихъ приборовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ требуемою нуждою. Ужели въ томъ, что дѣлаешь, не слышишь явно совѣтующаго тебѣ обратить взоръ на камень? А что, если кто опрощетъ тебѣ,

чѣмъ сопровождается, эта каменистая пища, эти гнусныя зрѣлища, страстныя услажденія слуха, которыми пролагаютъ въ себя путь ряду золь приправляющіе пищу тѣмъ, что разжигаетъ къ распутству? Вотъ совѣтъ сопротивника о пищѣ! Это именно, обращая твой взоръ къ камнямъ, предлагаетъ овъ тебѣ вмѣсто законнаго употребленія хлѣба!

Но Преодолѣвающій искушеніе, не алканіе, какъ причину золь, изгоняетъ изъ естества, а удаливъ только излишнюю заботливость, присоединяющуюся къ потребности по совѣту сопротивника, предоставляетъ естеству имѣть о себѣ смотрѣніе, не выходя изъ естественныхъ своихъ предѣловъ. Какъ очищающіе вино не унижаютъ его, и не называютъ не годнымъ къ употребленію, по причинѣ образовавшейся на немъ пѣнки, но, отдѣливъ излишнее въ горлѣ сосуда, не оставляютъ безъ употребленія вина, сдѣлавшагося чистымъ: такъ Слово, обозрѣвая и разбирая, что естеству чуждо, при тонкости точнаго обзора, не отмѣтаетъ алканія, какъ служащаго къ соблюденію жизни нашей, но очищаетъ отъ изысканныхъ прибавленій къ потребному, и отвергаетъ ихъ, сказавъ, что знаетъ питательный хлѣбъ, который усвоенъ естеству Божиимъ глаголомъ. Посему, если *взиска* Иисусъ, то достойно ублаженія алканіе, когда и въ насъ совершается въ подражаніе Ему. А потому, если узнали

мы, чего *взалка* Господь, то, конечно, узнаемъ силу блаженства, о которомъ теперь рѣчь. Какая эта снѣдь, пожеланія которой Иисусъ не стыдится? Послѣ бесѣды съ самаряною говорить Онъ ученикамъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Отца Моего* (Іоан. 4, 34.). Очевидна же воля Отца, *Иже всльмз человекмз хоцетъ спастися и въ разумъ истины притти* (1 Тим. 2, 4.). Итакъ если желаетъ Онъ, чтобы мы спаслись, и Его нищю дѣлается наша жизнь; то изъ сего дознаемъ, на что должно употребить такое расположеніе души. На что же именно? Будемъ алкать своего спасенія, жадать Божіей воли, которая желаетъ нашего спасенія.

А какъ можно намъ преусиѣть въ таковой алчбѣ, дознали это мы теперь изъ сего ублаженія. Ибо кто возжелалъ Божіей правды, тотъ нашелъ подлинно достожелаемое, и вождельно сего удовлетворилъ не однимъ изъ тѣхъ способовъ, какими исполняется желаніе. Ибо не только, какъ снѣди, возжелалъ причащенія правды; потому что желаніе, остановившееся на этомъ одномъ расположеніи, было бы въ половину совершеннымъ; теперь же благо сіе содѣлалъ и питіемъ, чтобы горячность и пламенность пожеланія доказать и самымъ ощущеніемъ жажды. Ибо, во время жажды, дѣлаясь въ некоторымъ образомъ сухимъ и пламеньющимъ, съ удовольствіемъ употребляемъ питіе,

какъ нѣчто врачующее въ такомъ положеніи. Поелику же, хотя побужденіе къ принятію пищи и питія по роду одно, однакоже расположеніе къ тому и другому различно: то Слово предписало намъ, что́ всего выше въ пожеланіи блага, ублажаетъ тѣхъ, которые терпятъ то и другое, и алканіе и жажду правды; такъ какъ вождельваемаго достаточно для того, чтобы примѣнительно содѣйствовать тому и другому желанію, стать и твердою пищею для алчущаго, и питіемъ для привлечнаго съ жаждою благодать. *Блаженни алчущіи и жаждущіи правды: яко тѣи насытятся.*

Ужели же вождельвать правды достоуженно; а если кто будетъ имѣть подобное расположеніе къ цѣломудрію, или мудрости, или благоразумію, или къ другому какому, ежели есть, виду добродѣтели, то Слово не ублажаетъ его? Но, можетъ быть, сказанное имѣетъ какой либо подобный слѣдующему смыслъ: правда есть одно изъ разумѣемаго подъ именемъ добродѣтели; а божественное Писаніе по обычаю своему въ упоминаніи о части нерѣдко объемлетъ цѣлое, напимѣръ, когда естество Божіе объясняетъ какими либо именами. Ибо пророчество какъ бы отъ лица Божія говоритъ: *Азъ Господь* (Иса. 42, 8.): *сіе Мпѣ имя вѣчное, и память родовъ родовъ* (Исх. 3, 15.); и еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Азъ есмь сый* (14), и у другаго Пророка: *яко милостивъ*

есль (Иер. 3. 12.). И тысячами другихъ именъ, означающихъ высоту и боголѣпіе, святое Писаніе умѣло наименовать Бога; почему въ точности дознаемъ изъ сего, что, когда скажетъ одно которое либо имя, этимъ однимъ безмолвно произносится весь списокъ именъ. Ибо если именуется Господомъ, не предполагается этимъ, что не принадлежатъ Ему другія имена; напротивъ того въ одномъ имени испуется всѣми именами. А изъ сего дознаемъ, что богодуховенное слово подъ какою либо частію умѣетъ обнимать многое. Посему и здѣсь, сказавъ, что блаженно алчущимъ предлагается правда, именемъ ея слово означаетъ всякій видъ добродѣтели; такъ что равно достоинъ ублаженія алчущій и благоразумія, и мужества, и цѣломудрія, или чего либо другаго, что только заключается въ томъ же понятіи добродѣтели. Ибо невозможно одному какому либо виду добродѣтели, въ отдѣльности отъ прочихъ, самому по себѣ быть совершенною добродѣтелію. Въ чемъ не усматривается чего либо умопредставляемаго, какъ доброе, въ томъ, по всей необходимости, имѣетъ мѣсто противоположное ему; а цѣломудрію противоположно распутство, благоразумію — безуміе, да и всему, что берется въ лучшую сторону, безъ сомнѣнія, есть нѣчто разумѣемое противно. Посему, если въ правдѣ не усматривается вмѣстѣ и все, то невозможно осталь-

ному быть добромъ. Никто не скажетъ, что правда неразумна, или дерзка, или распутна, или имѣеть что либо иное, усматриваемое въ порокѣ. Если же понятіе правды не соединимо со всѣмъ худымъ; то, конечно, сообщемлетъ въ себѣ всякое добро; добро же все представляемое, какъ добродѣтель. Поэтому именовъ правды, алчущихъ и жаждущихъ которой ублажаетъ Слово, обѣщая имъ исполненіе вождельваемаго, означается здѣсь всякая добродѣтель.

Ибо сказано: *блаженни алчущи и жаждущи правды: яко ти насытятся.* Сказуемое же, кажется мнѣ, имѣеть такой нѣкій смыслъ: чего домогаются въ жизни для удовольствія, то служить къ насыщенію домогающихся; напротивъ того заботливость объ удовольствіяхъ, какъ гдѣ-то загадочно говоритъ Премудрость, — *сосудъ сокрушенъ* (Притч. 23, 27.), который непрестанно со тщаніемъ наполняя, домогающіеся сего показываютъ какій-то неисполнимый и ни къ чему не служащій трудъ, всегда вливая что-то въ бездну пожеланія и прибавляя къ удовольствію, но не доводя пожеланія до сытости. Позналъ ли кто предѣлъ сребролюбію, приобрѣтая то, чего домогаются сребролюбцы? Успокоился ли кто до неистовства славолюбивый, получивъ, чего искалъ? А кто насытилъ сластолюбіе слышаннымъ, или видѣннымъ, или бѣснованіемъ и неистовствомъ чрева и того, что за симъ; тотъ нашелъ ли какой

прибытокъ въ себѣ отъ сего наслажденія? Всякаго рода удовольствіе, ощущаемое тѣломъ, не таково ли, что вмѣстѣ, и приближается, и улетаетъ, и на самое краткое время не оставаясь у коснувшихся его? Посему-то дознаемъ отъ Господа сіе высокое ученіе, что одно только утвердившееся въ насъ раченіе о добродѣтели есть нѣчто твердое и состоятельное. Ибо кто преуспѣлъ въ чемъ либо высокомъ, напримѣръ: въ цѣломудріи, или въ скромности, или въ благочестіи предъ Богомъ, или въ другомъ какомъ изъ возвышенныхъ и евангельскихъ ученій, тотъ при каждомъ преслѣяніи имѣеть не мимолетное и неустойчивое, но непоколебимое, во все продолженіе жизни пребывающее и продолжающееся веселіе. По чему же? По тому что все это всегда можно приводить въ дѣйствіе, и во все продолженіе жизни нѣтъ времени, приводящаго въ пресыщеніе добрую дѣятельность. И цѣломудріе, и чистота, и неиреткновенность во всякомъ добрѣ, и необщительность съ зломъ всегда приводятся въ дѣйствіе, пока имѣеть кто въ виду добродѣтель, и дѣятельность сопровождается веселіемъ. А у предавшихся безсмысленнымъ похотямъ, хотя душа всегда имѣеть въ виду неспособность, однакоже не всегда бываетъ наслажденіе. Ибо жадность къ ѣдѣ останавливаетъ сытость, удовольствіе пиющаго угасаетъ вмѣстѣ съ жаждою, и все другое такимъ же образомъ

имѣеть нужду въ нѣкоторомъ времени и промежуткѣ, чтобы снова возбудить желаніе услаждающаго, ослабленное удовольствіемъ и насыщеніемъ. Но приобрѣтеніе добродѣтели, въ комъ однажды твердо она укоренилась, ни временемъ не мѣряется, ни сытостію не ограничивается, но живущимъ добродѣтельно всегда доставляетъ чистое, живое, сильное ощущеніе собственныхъ своихъ благъ. Почему алчущимъ сего Богъ Слово обѣщаетъ удовлетвореніе алчбы, такое удовлетвореніе, которое сытостію восплаляетъ, а не угашаетъ, желаніе.

Итакъ вотъ чему учитъ Бесѣдующій съ высокой горы мыслей,—не занимать намъ пожеланія ничѣмъ такимъ, домогающимся чего нѣтъ впереди и конца, и раченіе о чемъ суетно и неразумно, какъ у старающихся ступить на вершину своей тѣни, у которыхъ бѣгъ простирается въ безконечность, такъ какъ туда отъ настигающаго со скоростію уходитъ всегда имъ преслѣдуемое; но обращать желаніе къ тому, о чемъ раченіе дѣлается приобрѣтеніемъ домогающагося. Ибо кто возжелалъ добродѣтели, тотъ добро дѣлаетъ своимъ приобрѣтеніемъ, въ себѣ видя то, чего возжелалъ. Посему блаженъ взлцкавшій цѣломудрія; ибо исполнится чистоты. А насыщеніе ею производитъ, какъ сказано, не отвращеніе, но усиленіе желанія; и насыщеніе и желаніе взаим-

но возрастаютъ въ равнойъ одпо съ другимъ степени. Ибо за вождельніемъ добродѣтели слѣдуетъ приобрѣтеніе вождельваемаго; и приобрѣтенное благо привноситъ въ душу непрекращающееся веселіе. Таково свойство сего блага, что, не въ настоящемъ только услаждаетъ пользующагося имъ, но на всѣ части времени доставляетъ дѣйствительное веселіе, потому что преусиѣвшаго увеселяютъ, и воспоминаніе о жизни проведенной правильно, и самая жизнь въ настоящемъ, когда проводится она добродѣтельно, и ожиданіе воздаянія, которое не въ иномъ чемъ полагаю, какъ въ тойже опять добродѣтели, такъ какъ она есть дѣло преусиѣвающихъ, и дѣлается наградою пресцѣній.

Если же нужно коснуться и смѣлаго нѣкоего слова; то, кажется мнѣ, подъ именемъ добродѣтели и правды, желанію слушающихъ Себя Самаго, можетъ быть, предлагаетъ Господь, *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 Кор. 1, 30.), а также и *хлѣбъ сходяій съ небесе* (Юан. 6, 50. 51.), и *вода живая* (4, 10.), жажду которой исповѣдуетъ Давидъ въ нѣкоемъ псалмопѣніи, открывая Богу сіе достолаженное страданіе души, когда говоритъ: *возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прииду и явлюся лицу Божію* (Псал. 41, 3.)? И силою Духа, кажется мнѣ, предобученный симъ величествен-

нымъ наставленіямъ Господа, приписаль онъ себѣ и исполненіе таковаго желанія; ибо говорить: *азъ правдою явлюся лицу Твоему: насыщуся, внигда явитимися слава Твоей* (16, 15.). И такъ вотъ, по моему разсужденію, истинная добродѣтель, добро безъ примѣси худаго, добро, при которомъ постигается всякое понятіе, составляемое мыслию о наилучшемъ, — Самъ Богъ Слово, — *сія покрывшая небеса добродѣтель*, какъ выражается Аввакумъ (Авв. 3, 3.). И весьма справедливо ублажены алчущіе сѣй Божіей правды; ибо подлинно *вкусившій* Господа, какъ говорить псалмопѣніе (Псал. 33, 9.), то есть, пріявшій въ себя Бога, дѣлается исполненнымъ того, чего жаждалъ и алкалъ, по обѣтованію Рекшаго: *Азъ и Отецъ придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23.), очевидно, по вселеніи уже Святаго Духа. Такъ, кажется мнѣ, и великій Павелъ, *вкусившій неизреченныхъ оныхъ плодовъ изъ рая, и исполненъ былъ того, чего вкусилъ, и всегда алкалъ*: ибо исповѣдуеть, что исполненъ былъ желасмаго, говоря: *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20.), и какъ алчущій, всегда въ *предняя простирается* (Филип. 3, 13.), говоря: *не зане уже достигохъ, или уже совершихся: но спѣшу, да постигну* (12). Ибо, да позволено намъ будетъ сказать нѣчто такое что останется только въ предположеніи, и чего нѣтъ въ природѣ. Какъ

если бы изъ чувственной снѣди, принимаемой въ пищу, ничто не извергалось по излишеству, но всецѣло принималось въ прибавленіе тѣлеснаго роста; то тѣла достигали бы великаго роста, потому что величину ихъ приращала бы собою ежедневная пища: такъ и оная правда, а съ нею и всякая добродѣтель, поелику, будучи вкушаема, какъ духовная снѣдь, не извергается, то причащающихся дѣлаеть всегда болѣе и болѣе отъ нея рослыми, непрестанно возвращая ихъ величину своимъ прибавленіемъ.

Итакъ, если уразумѣли мы блаженную эту алчбу; то, изблевавъ все обиліе порока, взлччемъ правды Божіей, чтобы придти въ исполненіе ея, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава во вѣки вѣковъ! аминь.

С Л О В О 5.

Блаженни милостивии: яко ти помяновани будутъ (Матв. 5, 7).

Іаковъ въ пѣкоемъ видѣніи узрѣвъ лѣствицу, простирающуюся отъ земли до небесной высоты, и утверждающагося на ней Бога, загадочно наученъ былъ, можетъ быть, чему-то такому, что теперь съ нами дѣлаеть ученіе посредствомъ блаженствъ, восходящихъ къ оному непрестанно возводя къ возвышеннѣй-

шимъ мыслямъ. Ибо и тамъ, патриарху въ видѣ лѣствицы, какъ думаю, изображена добродѣтельная жизнь, чтобы и самъ онъ дозналъ и тѣмъ, кто будетъ по немъ, передалъ, что иначе можно возвыситься до Бога, какъ только всегда взирая въ горнее и имѣя непрекращающееся вождельніе высшаго, а потому не любилъ останавливаться на томъ, въ чемъ уже преусиѣлъ, но почиталъ для себя ущербомъ, если не касается того, что еще выше. Такъ и здѣсь высота блаженствъ одного предъ другимъ приуготовляетъ къ тому, чтобы приблизиться къ самому Богу, истинно блаженному и утверждающемуся во всякомъ блаженствѣ. Безъ сомнѣнія же, какъ къ премудрому приближаемся мудростію, и къ чистому чистотою, такъ и блаженному усвоаемся путемъ блаженствъ; потому что блаженство есть то, что въ подлинномъ смыслѣ свойственно Богу; почему и повѣдалъ Іаковъ, что Богъ *утверждавшаяся* на таковой лѣствицѣ (Быт. 22, 13.). Посему участіе въ блаженствахъ не иное что есть, какъ общеніе съ Божествомъ, къ которому Господь возводитъ насъ сказаннымъ теперь.

Посему, кажется мнѣ, что въ предлагаемой бесѣдѣ о блаженствѣ тѣмъ, что по порядку въ ней слѣдуетъ, нѣкоторымъ образомъ дѣлаетъ Онъ Богомъ того, кто слушаетъ и разумѣетъ слово сіе. Ибо говоритъ: *блаженніи ми-*

милостивѣи, яко тиѣ помилосани будутъ. Извѣстно изъ многихъ мѣстъ божественнаго Писанія, что милостивымъ святые мужи называютъ Божіе могущество. Такъ Давидъ въ пѣснопѣніяхъ, такъ Іона въ своемъ пророчествѣ, такъ великій Моусей во многихъ мѣстахъ своего законоположенія именуютъ Божество. Посему, если Богу приличествуетъ названіе милостивымъ, то не Богомъ ли содѣлаться призываетъ Слово и тебя, какъ украшеннаго свойствомъ Божества? Ибо если въ богодухновенномъ Писаніи Богъ именуется милостивымъ, а истинно-блаженно Божество; то явствуетъ по порядку вытекающая изъ сего мысль, что, если кто, будучи человѣкомъ, дѣлается милостивымъ, то онъ сподобляется Божія блаженства, достигнувъ того, чѣмъ именуется Божество. *Милостивъ Господь и праведенъ, и Богъ неизмѣненъ* (Пса. 114, 4.). И не блаженно ли паче человѣку называться и стать тѣмъ, чѣмъ за дѣла Свой именуется Богъ? *Ревновать* же о дарованіяхъ высшихъ совѣтуетъ собственными своими словами и божественный Апостоль (1 Кор. 12, 31.).

Но у насъ не та цѣль, чтобы убѣдить намъ себя, желать хорошаго; потому что само собою лежитъ это въ естествѣ человѣческомъ, — имѣть стремленіе къ хорошему, но чтобы не ошибаться намъ въ сужденіи о хорошемъ. Ибо жизнь наша по большей части погрѣшаетъ въ

томъ, что не можемъ въ точности познать, что хорошо по естеству, и что обманчиво таковымъ представляется. А если бы порокъ въ жизни представлялся намъ, во всей наготѣ, неприкрашеннымъ какимъ либо призракомъ хорошаго, то не предавалось бы ему человѣчество. Посему потребно намъ умѣнье, чтобы понять предлагаемое изреченіе, и изучивъ истинную лѣпоту заключающейся въ немъ мысли, образовать по оной себя. И мысль о Богѣ естественно вложена во всѣхъ людей; но по незнанію истинно сущаго Бога бываетъ погрѣшность въ предметѣ чествованія; ибо одними чествуется истинное Божество, умопредставляемое въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ; а другіе заблудились въ нелѣпыхъ предположеніяхъ, примысливъ досточтимое нѣчто въ тваряхъ; и вслѣдствіе этого уклоненіе отъ истины въ маломъ открыло входъ нечестію. Такъ въ разсужденіи подлежащей намъ мысли, если не поймемъ истиннаго смысла, не малый будетъ ущербъ для насъ, погрѣшившихъ въ истинѣ.

Посему, что такое милость, и въ чемъ ея дѣятельность? Почему блаженъ обратнo приѣмлющій, что даетъ? Ибо сказано: *блаженни милостииви: яко ти помиловани будутъ*. Ближайшій смыслъ сего изреченія призываетъ чело-вѣка къ взаимной любви и сострадательности; потому что по неравенству и несходству житейскихъ дѣлъ не всѣ живутъ въ одинаковыхъ

обстоятельствахъ, относительно къ достоинству и устройству тѣла, и достатку во всемъ прочемъ. Жизнь по большей части дѣлится на противоположности, различаясь рабствомъ и господствомъ, богатствомъ и бѣдностію, славою и безславіемъ, дряхлостію тѣла и добрымъ здоровьемъ, и всемъ тому подобнымъ. Посему, чтобы недостаточное пришло въ равенство избыливающимъ, и скудное восполнилось избыточествующимъ, Господь узаконяетъ людямъ быть милостивыми къ нищимъ; ибо невозможно иначе побудить къ уврачеванію бѣды ближняго, какъ только если милость смягчитъ душу къ принятію такого побужденія; такъ какъ милость познается изъ противоположнаго жестокости. Какъ жестокій и свирѣпый недостатокъ приближающимся, такъ сострадательный и милостивый приходитъ какъ бы въ одно расположеніе съ нуждающимся, для опечаленнаго дѣлаясь тѣмъ, чего требуетъ скорбный его умъ; и милость, какъ протолкуеть иный, давъ понятію сему опредѣленіе, есть произвольная печаль, производимая чужими бѣдствіями.

Если же не точно выразили мы значеніе сего слова; то, можетъ быть, яснѣе истолкуется другимъ понятіемъ: милость есть исполненное любви расположеніе къ претерпѣвающимъ со скорбію что либо для нихъ обременительное. Ибо, какъ жестокость и звѣрство имѣютъ началомъ ненависть, такъ и милость

нѣкоторымъ образомъ происходитъ отъ любви, и ее только имѣеть своимъ началомъ. И если кто въ точности изслѣдуетъ отличительное свойство милости, то найдетъ, что это усиленіе исполненнаго любви расположенія, соединенное съ ощущеніемъ печали. Имѣть общеніе въ хорошемъ заботятся всѣ одинаково, и враги, и друзья; по желать участвовать въ прискорбномъ свойственно только обладаемымъ любовію. А изъ всѣхъ привязанностей въ этой жизни могущественнѣйшею признается любовь, и милость есть усиленіе любви. Конечно, въ собственномъ смыслѣ достолаженъ, у кого душа въ такомъ расположеніи, какъ у достигшаго самаго верха добродѣтели.

И никто да не представляетъ себѣ добродѣтель сію состоящею въ одномъ вещественномъ; ибо въ такомъ случаѣ преслѣпаніе въ подобномъ, безъ сомнѣнія, будетъ достояніемъ того только, кто имѣеть нѣкоторую возможность къ благотворительности. Но, мнѣ кажется, справедливѣе въ такомъ дѣлѣ смотрѣть на произволеніе.

Кто пожелалъ только добраго, но встрѣтилъ препятствіе къ тому, чтобы сдѣлать хорошее, потому что не имѣлъ возможности, тотъ по расположенію души ничѣмъ не меньше доказавшаго изволеніе свое дѣлами.

А сколько пользы для жизни, если кто принимаетъ въ этомъ смыслѣ значеніе сего бла-

женства, — излишнее дѣло о томъ и разсуждать; потому что и самымъ дѣтямъ явны преисбѣянія, совершаемыя въ жизни по этому совѣту. Если, предположимъ такъ, во всѣхъ произойдетъ такое соотношеніе души съ униженнымъ, то не останется уже ни высшаго, ни нисшаго, и жизнь не будетъ дѣлиться по противоположности именъ; не отяготитъ чловѣка бѣдность, не унижитъ рабство, не опечалитъ безчестіе, потому что все у всѣхъ будетъ общее; и равенство правъ, и свобода говорить водворятся въ жизни чловѣческой, когда избылюющій (о) добровольно сравнивается съ недостаточнымъ. Если же будетъ сіе, то не останется никакого предлога къ враждѣ; бездѣйственна тогда зависть; мертва ненависть, чужеземцами содѣлаются тогда злопамятство, ложь, обманъ, война—всѣ эти порожденія похоти—имѣть у себя больше. По истребленіи же онаго несострадательнаго расположенія, конечно, подобно какому-то худому корню, исторгнуты будутъ и отпрыски порока, а по искорененіи дѣлъ лукавыхъ, на мѣсто ихъ выступитъ цѣлый списокъ всего добраго: миръ, правда и весь рядъ представляемаго наилучшимъ. Посему что блаженнѣе этого, такъ ве-

(о) По рукописи читается: τῶν περιπεσόντωνъ вмѣсто τῶν πολυτέλειωνъ.

сти жизнь, не запорамъ и засовамъ (б) ввѣря безопасность своей жизни, но безопасность сію находя другъ въ другѣ? Какъ жестокій и звѣроправный непріязненными себѣ дѣлаетъ испытавшихъ его свирѣность; такъ напротивъ всѣ дѣлаются благорасположенными къ милостивому, потому что милость въ получившихъ ее естественно рождаетъ любовь.

Посему милость, какъ показало слово, есть мать благорасположенія, залогъ любви, союзъ всякаго дружественнаго расположенія: и при сей надежной опорѣ можно ли примыслить что либо болѣе твердое для этой жизни? Потому слово справедливо ублажаетъ милостиваго, когда столько благъ оказывается въ его имени. Но хотя всякому не безъизвѣстно, что совѣтъ сей полезенъ для жизни; однакоже, мнѣ кажется, смыслъ онаго нѣчто большее понимаемаго съ перваго взгляда таинственно даетъ видѣть указаніемъ на будущее; ибо сказано: *блаженни милостивии: яко ти помиловани будутъ*, какъ будто воздаяніе милостивымъ за милость отложено на послѣдокъ.

Посему, оставивъ этотъ удобопонятный, и многими съ перваго взгляда находимый, смыслъ, попытаемся, сколько будетъ силъ, по возможности проникнуть умомъ за внутрен-

(п) По рукописи читается: κλειθρον.

нѣйшую завѣсу. *Блаженни милостивии: яко тии помиловани будутъ.* Въ этомъ уже словѣ можно дознать нѣкое возвышенное ученіе, а именно, что Сотворившій человѣка по образу Своему въ естество твари вложилъ начатки всѣхъ благъ, такъ что не отвнѣ входитъ въ насъ хорошее, но въ нашей волѣ, какое намъ угодно, какъ бы изъ сокровищницы какой, брать благо изъ естества. Ибо отъ части научаемся судить о цѣломъ, что не возможно кому либо получить желаемое иначе, какъ если самъ себѣ даруетъ это благо. Посему Господь говоритъ негдѣ слушателямъ: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21.); и: *всякъ просяи приѣмлетъ, и ищай обрѣтаетъ, и толкущему отверзетъся* (Матѣ. 7, 8.); такъ что получить желаемое, и обрѣсти искомое, и стать среди вождельннхъ намъ благъ — въ нашей волѣ, какъ скоро захотимъ сего, и отъ нашего зависить это произвола. А въ слѣдствіе сего приводимся и къ противоположной мысли, а именно, что склонность къ худому происходитъ не отвнѣ, по какой либо понуждающей необходимости; но вмѣстѣ съ созволеніемъ на зло, составляется самое зло, тогда приходя въ бытіе, когда избираемъ его; само же по себѣ, въ собственной своей самостоятельности, внѣ произвола, зло нигдѣ не находится состоящимъ. Изъ сего ясно открывается самоправная и свободная сила, какую Господь есте-

ства устроилъ въ естествѣ человѣческомъ для того, чтобы отъ нашего произволенія зависѣло все, и доброе, и худое. А Божественный судъ, слѣдуя неподкупному и правдивому приговору, сообразно съ нашимъ произволеніемъ удѣляетъ каждому, что человекъ приобрѣлъ самъ себѣ. *Овыма збо, какъ говорить Апостоль, по терпѣнню дѣла благаго, славы и чести инуцима, животъ вѣчный; а противляющимся истинѣ, повинующимся же неправдѣ: гнѣвъ, скорбь, и все, что именуется строгимъ воздаяніемъ (Рим. 2, 7. 8.).* Ибо какъ точныя зеркала показываютъ изображенія лицъ такими, каковы лица въ дѣйствительности, у веселыхъ веселыми, а у угрюмыхъ посуряженными; и никто не обвинитъ свойства зеркала, если угрюмымъ окажется изображеніе лица пошлаго отъ унылости: такъ и правдивый Божій судъ уподобляется нашимъ расположеніямъ; и каково то, что въ нашей волѣ, таковымъ же содѣлаетъ и свое воздаяніе. *Придите, скажетъ, благословенніи (Матѣ. 25, 31.); идите проклятіи (41).* Неужели виѣшняя какая необходимость опредѣляетъ въ удѣлъ стоящимъ одесную оный сладостный, а стоящимъ ошую—строгий гласъ? Не за то ли, что дѣлали, первые получили милость? А другіе не тѣмъ ли, что жестоко обходились съ соплеменными, жестокимъ для себя содѣлали Божество? Не миловалъ бѣдствующаго у воротъ нищаго утопавшій въ

роскоши богачъ. Этимъ и себя лишилъ милости, и имѣя нужду въ помилованіи; не услышанъ; не потому что одна капля нанесла бы ущербъ великому источнику, но потому что съ жестокостію несоединима и капля милосердія. *Ибо кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14.)? *Человѣкъ*, сказано, *еще аще съетъ, тожеде и поженетъ: яко съай въ плоть, отъ плоти поженетъ истлѣніе; а съай въ духъ, отъ духа поженетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 7. 8.). Человѣческое произволеніе, какъ думаю, есть сѣяніе, а воздаяніе за произволеніе—жатва. Обиліеъ благами класъ у избравшихъ такое сѣяніе; многотрудно собираіе терній у посѣвающихъ въ жизни тернистыя сѣмена; потому что человѣку непремѣнно надлежитъ пожать то, что посѣялъ; иначе и быть не можетъ.

Блаженни милостивии: яко тии помиловани будутъ. Какое человѣческое слово изобразить глубину мыслей, заключающихся въ семь словъ? Положительность и неопредѣленность изреченія даютъ поводъ доискиваться чего-то большаго противъ сказаннаго, потому что не прибавлено: кто тѣ, на кого надлежитъ милости простирать свое дѣйствіе, но сказано просто, что *блаженни милостивии*. Ибо, можетъ быть, слово сіе даетъ намъ разумѣть нѣчто подобное тому, что значеніе милости состоитъ въ связи съ блаженнымъ плачемъ. Тамъ былъ достоинъ ублаженія, кто проводитъ жизнь въ

плачѣ. И здѣсь, кажется мнѣ, Слово разумѣть тоже ученіе. Въ какомъ бываемъ расположеніи отъ чужихъ бѣдствій, когда нѣкоторые изъ близкихъ намъ встрѣчаютъ какія либо тяжкія скорби, или лишившись отеческаго дома, или нагими спасшись отъ кораблекрушенія, или доставшись въ руки разбойникамъ на сушѣ или морѣ, или изъ свободныхъ сдѣлавшись рабами, изъ жившихъ счастливо—плѣнниками, или понесши другое какое подобное зло, между тѣмъ какъ дотолѣ испытывали жизнь въ какомъ-то благополучіи, — посему какое при этомъ болѣзненное расположеніе бываетъ въ душахъ нашихъ; тѣмъ паче гораздо благовременнѣе, можетъ быть, въ насъ самихъ возбудиться подобной мысли объ унижительномъ въ жизни переворотѣ (р). Ибо, когда разсудимъ, какъ свѣтла та наша обитель, изъ которой мы изгнаны, какъ подпали мы власти разбойниковъ, какъ обнажились, погрязши въ глубинѣ этой жизни, какихъ и сколькихъ владыкъ навлекли на себя вмѣсто свободнаго и самозаконнаго житія, какъ блаженство жизни пресѣкли смертію и тлѣніемъ; тогда, если займемся сими мыслями, возможно ли, чтобы милость обращена была на чужія бѣдствія, и душа не ощутила жалости къ себѣ самой, разсуждая, что

(р) Въ рукописи читается: *δυναμίσις* в *μεγαρότης*.

она имѣла, и чего лишилась? Ибо что бѣдственнѣе этого плѣна? вмѣсто наслажденія въ раю наслѣдовали мы въ жизни болѣзненную и многотрудную область; вмѣсто онаго безстрастія приняли на себя тысячи бѣдствій отъ страстей; вмѣсто высокаго онаго житія и сопребыванія съ Ангелами осуждены жить съ звѣрями земными, и жизнь ангельскую безстрастную обмѣнили на скотскую. Кто безъ труда изчислить жестокихъ мучителей жизни нашей, этихъ неистовыхъ и свирѣпыхъ властелиновъ? Жестокій властитель—раздраженіе, другіе подобныя—зависть, ненависть, страсть гордыни; какой-то бѣшеный и свирѣпый мучитель, презирающій (с) насъ, какъ невольниковъ,—это невоздержный помысль, порабощающій себѣ для страстныхъ и нечистыхъ услугъ. А мучительство любостыжательности не превосходитъ ли мѣру всякой жестокости? Поработивъ бѣдную душу, всегда принуждаетъ исполнять ненасытимыя свои пожеланія, непрестанно принимая въ себя и никогда не наполняясь, подобно какому-то многоглавому звѣрю, тысячами челюстей передающему пищу въ ненаполнимое чрево, у котораго пріобрѣтеніе никогда не служитъ хотя малымъ насыщеніемъ, но всегда получаемое дѣлается ни-

(с) По рукописи читается: *καταφροῦν*, а не *καταφροῦν*.

щю и поджегою къ пожеланію бѣльшаго. Посему ктоже, понявъ бѣдственную эту жизнь, останется безжалостно и немилосердно расположеннымъ къ такимъ бѣдствіямъ? Но причина того, что не милуемъ себя самихъ, заключается въ неощущеніи золь; напримѣръ, чѣмъ страдаютъ неистовствующіе отъ сумасшествія, для которыхъ преизбытокъ зла состоитъ въ томъ, что отъемлетъ чувство того, что терпятъ? Посему, если кто узнаеть себя, каковъ онъ былъ прежде, и каковъ въ настоящее время (говоритъ же гдѣ-то и Соломонъ: *себе познающіи премудри* (Притч. 13, 10.)), то никогда таковой не перестанетъ быть милостивымъ, а за таковымъ расположеніемъ души естественно послѣдуетъ и Божія милость. Почему сказано: *блажени милостивіи: яко тѣи помилованы будутъ.*

Помилованы они, а не другіе. Симъ Господь уясняетъ мысль (т), какъ бы сказалъ кто: блаженное дѣло имѣть попеченіе о тѣлесномъ здоровьѣ. Кто имѣетъ сіе попеченіе, тотъ проживетъ здоровымъ. Такъ и милостивый весьма блаженъ; потому что плодъ милости дѣлается собственнымъ достояніемъ милующаго, какъ на основаніи ли вами найденнаго теперь, такъ и въ слѣдствіе изслѣдованнаго прежде, раз-

(т) По рукописи вмѣсто: *то бѣдствіа* читается *то збѣдствіа*.

умѣю объ оказывающемъ сострадательность души къ чужимъ бѣдствіямъ. Ибо одинаково доброе дѣло есть то и другое, и себя самаго миловать по сказанному, и сострадать о несчастія ближняго: потому что произволеніе чловѣка относительно къ иишимъ при превосходствѣ власти показываетъ правдивость суда Божія, почему чловѣкъ нѣкоторымъ образомъ самъ себя судія, и въ судѣ надъ подчиненными себя самому произноситъ приговоръ. Итакъ поелику вѣруемъ, и дѣйствительно вѣруемъ, что весь родъ чловѣческой предстанеть *предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10.); поелику (дерзновенно можетъ быть и говорить о семъ, однакожь скажемъ, если только возможно постигнуть разумкомъ и уразумѣть неизреченное и незримое блаженство въ воздаяніи милостивымъ) происшедшему въ душахъ благорасположенію къ оказывающимъ милость и послѣ настоящей жизни въ получившихъ милость естественно остаться навсегда въ жизни будущей: то поэтому не вѣроятно ли, что благодѣтель, если и во время суда будетъ узнавъ облагодѣтельствованными, расположить къ себѣ душу восхвалять его благодарственными гласами предъ Богомъ всякой твари? Да и въ какомъ другомъ блаженствѣ будетъ имѣть нужду на такомъ зрѣлищѣ провозглашаемый за дѣла доблестныя? Ибо

евангельское слово научаетъ, что и облагодѣтельствованные будутъ при судѣ Царя надъ праведными и грѣшными. Къ тѣмъ и другимъ обращается Онъ съ указаніемъ, какъ бы перстомъ давая знать о томъ, что передъ ними: *поиже сотвористе единому сизѣ братій Моихъ меньшихъ* (Матѣ. 25, 40.). Ибо словомъ: *сизѣ* показывается присутствіе облагодѣльствованныхъ.

Скажи теперь мнѣ ты, неодушевленное вещество имущество предпочитая будущему блаженству: что за блескъ такой у золота? что за сіяніе такое у дорогихъ камней? что за убранство такое отъ одеждъ въ сравненіи съ онымъ благомъ, предлагаемымъ унованію? Когда Царствующій надъ тварію открыто явитъ Себя человѣческому роду, велебѣнно возсѣдая на превознесенномъ престолѣ, когда окрестъ Его видимы будутъ безчисленныя тѣмы Ангеловъ, и когда очамъ всѣхъ откроется неизреченное царство небесное; а также въ противоположность сему показаны будутъ страшныя мученія; и среди сего весь человѣческій родъ отъ первой твари до всей полноты приведенныхъ въ бытіе, въ страхъ и надеждѣ будущаго, предстанетъ съ недоумѣніемъ, многократно приводимый въ содроганіе исполненіемъ ожидаемаго для тѣхъ и другихъ; потому что и жившіе съ доброю совѣстію не увѣрены въ будущемъ, видя, что другіе лукавою совѣстію.

какъ бы какимъ исполнителемъ казни, влекутся въ ужасную оную тьму: а между тѣмъ и этотъ, при хвалебныхъ и благодарственныхъ гласахъ облагодѣтельствованныхъ, исполненный дерзновенія, приведенъ будетъ дѣлами къ Судіѣ; тогда ужели по вещественному богатству станетъ вычислять онъ свою благую часть? Ужели согласится, чтобы, вмѣсто сихъ благъ, всѣ горы, и равнины, и долины, и моря, преобратившись, сдѣлались золотомъ?

А кто богатство свое тщательно скрывалъ подъ печатями, запорами, за желѣзными дверями, въ безопасныхъ тайныхъ мѣстахъ, и стекающеся у него вещество прятать и хранить у себя предпочиталъ всякой заповѣди; того, если стремглавъ повлечется въ темный огонь, всѣ, въ этой жизни испытавшіе его жестокость и немилосердіе, станутъ ускорять, и скажутъ ему: *поляни, яко воспріялъ еси блага твоя въ животъ твою* (Лук. 16, 25.); въ твердыняхъ съ богатствомъ своимъ заключилъ ты милость, и на землѣ оставилъ милосердіе; не принесъ въ эту жизнь человеколюбія, и не имѣешь, чего не имѣлъ; не находишь, чего не полагалъ; не собираешь, чего не расточалъ; не пожинаешь, чего не сѣялъ; жатва твоя достойна сѣянія; сѣялъ ты горечь, собирай ея рукояти; уважалъ ты жестокость, имѣй при себѣ, что любилъ; ни на кого не смотрѣлъ сострадательно, и на тебя никто не посмотритъ съ сожа-

лѣніемъ; презиралъ ты скорбящаго, презрять и тебя гибнущаго; бѣгалъ ты случася въ оказати милость, и отъ тебя побѣжить милость; гнушался ты нищаго, возгнушается и тобою, кто отъ тебя былъ въ нищетѣ. Если сказано будетъ это и подобное этому, то гдѣ окажется золото? гдѣ блестящіе сосуды? гдѣ печатями приданная сокровищамъ безопасность? гдѣ для почтой стражи приставленные псы и запасъ оружія на злоумышленниковъ? Гдѣ записанныя въ книгахъ примѣты? что они значатъ противъ плача и скрежета зубовъ? Кто озаритъ тму? Кто угаситъ пламень? Кто отвратитъ поумирающаго червя?

Уразумѣемъ поэтому, братія, Господне слово, въ немногомъ обучающее насъ такъ многому о будущемъ, и содѣлаемъ милостивыми, чтобы стать чрезъ это блаженными о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 6.

Блаженни чистиі сердцемъ: яко тии Бога узрятъ (Матѣ. 5, 8.).

Что естественно чувствовать смотрящимъ съ возвышенной какой вершины на какое либо обширное море; тоже самое потерпѣло мое разумѣніе, какъ бы съ вершины какой горы,

отъ сего высокаго изреченія Господня простирая взоръ въ неизъяснимую глубину мысли. Во многихъ приморскихъ мѣстахъ можно видѣть полуусѣченную гору съ прибрежной стороны, отъ вершины до подошвы обрѣзанную по прямой чертѣ, между тѣмъ какъ верхній ея край, склонившись съ высоты, нависъ надъ бездною. Что естественно бываетъ съ тѣмъ, кто, ставъ на подобную стражбу, съ большой высоты смотритъ на море въ глубинѣ; такъ и у меня кружится теперь душа, приводимая въ недоумѣніе великимъ этимъ изреченіемъ Господа.

Блаженни чистіи сердцама: яко тѣи Бога узрятъ. Богъ предлагается зрѣнію очистившихъ сердце. Но, какъ говоритъ великій Іоаннъ, *Бога никтоже видѣши ижеже* (Іоан. 1, 18.). Подтверждаетъ же это и высокій разумѣніемъ Павсъ, сказавъ: *Еюже никто же видѣль есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16.). Это гладкій и несѣкомый камень, непоказывающій на себѣ никакого слѣда восхожденія мысли; о Немъ и Моисей также утвердилъ, что намѣревающемуся преподать ученіе о Богѣ Онъ недоступенъ; потому что разумѣніе наше никакъ неможетъ приблизиться къ Нему, по причинѣ рѣшительнаго отрицанія всякой возможности постигнуть Его. Ибо Моисей говоритъ: невозможно, чтобы узрѣлъ кто лице Господа, и живъ былъ (Исх. 33, 20.). Но ви-

дѣть Бога есть вѣчная жизнь, а сіи столпы вѣры: Іоаннъ, Павелъ и Моисей признаютъ сіе невозможнымъ. Видишь ли круженіе, которымъ увлекается душа въ глубину усматривасяго въ словѣ? Если Богъ — жизнь; кто невидитъ Его, тотъ не зритъ и жизни. А что невозможно видѣть Бога, свидѣтельствуютъ богоносные Пророки и Апостолы. На чемъ опереться человѣческой надеждѣ? Но Господь подтверждаетъ падающую надежду, какъ поступилъ Онъ съ Петромъ, подвергавшимся опасности утопить, снова поставивъ его на твердую и неуступающую давленію ноги воду. Посему, если и къ намъ прострется рука Слова, и не твердо стоящихъ въ глубинѣ умозрѣній поставить на твердой (у) мысли; то будемъ внѣ страха, крѣпко держась руководствующаго насъ Слова. Ибо сказано: *блаженни чистіи сердцемъ: яко тѣмъ Бога узрятъ.*

Посему обѣтованіе сіе таково, что превосходитъ всякій предѣлъ блаженства. Ибо послѣ такого блага пожелаетъ ли кто чего другаго, въ томъ, что узрѣлъ, имѣя все? Потому что видѣть, по обычному въ Писаніи словоупотребленію, значитъ тѣже, что имѣть: на примѣръ, словами: *узриши благая Іерусалима* (Иса. 127. б.), Писаніе означаетъ: найдешь. И въ сказан-

(у) По рукописи читается: *ἐπὶ σιδεροῦ νοήματος.*

номъ: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Божіей* (Иса. 26, 10.), словомъ: *не видитъ*, Пророкъ выражаетъ, что не причастится оной. Посему, кто зреть Бога, тотъ въ семь зрѣніи имѣеть уже все, что состоитъ въ списекѣ благъ, кончаемую жизнь, вѣчное нетлѣніе, бессмертное блаженство, некончаемое царство, непрекращающееся веселіе, истинный свѣтъ, духовную и сладостную пищу (Ф), неприступную славу, непрестанное радованіе и всякое благо. Посему такъ важно и обильно то, что обѣтованіемъ сего блаженства предлагается упованію.

Но поелику, чтобы узрѣть Господа, напередъ показанъ способъ, именно же имѣть для этого сердечную чистоту; то при семъ снова изнемогаетъ мое разумѣніе; и эта сердечная чистота не есть ли для насъ нѣчто невозможное, и не превышаетъ ли нашего естества? Ибо если симъ способомъ зримъ бываетъ Богъ, а Моисей и Павелъ не видѣли Бога, и утверждаютъ, что и сами они, и другой кто, видѣть немогутъ; то предлагаемое теперь словомъ о блаженствѣ, повидимому, есть нѣчто невозможное. Посему, что намъ пользы отъ познанія, какъ узрѣть Бога, если при разумѣніи нѣтъ вмѣстѣ возможности? Сіе подобно тому,

(Ф) По рукописи вмѣсто: *φωγήν* читается *τρυφήν*.

какъ если бы кто называлъ блаженнымъ быть на небѣ; потому что тамъ человѣкъ увидитъ неусматриваемое въ этой жизни. Если бы указано было напередъ въ словѣ какое либо орудіе для восхожденія на небо; то полезно было бы слушателямъ дознать и то, что блаженно быть на небѣ. А какъ восхожденіе невозможно, какую пользу принесетъ знаніе о небесномъ блаженствѣ, огорчающее только дознавшихъ, чего лишаемся, по невозможности восхожденія?

Посему, ужели Господь повелѣваетъ то, что внѣ нашей природы, и превышаетъ мѣру человѣческихъ силъ величіемъ заповѣди? Нѣтъ. Ибо не повелѣваетъ стать птицами тѣмъ, кого не оперилъ, и жить подъ водою тѣмъ, кому далъ жизнь на сушѣ. Посему если для всѣхъ иныхъ законъ сообразенъ съ силами приѣмлющихъ, и ничто не приневоливается къ сверхъестественному; то, конечно, въ слѣдствіе сего и это поймемъ такъ, что не безнадежно предугазуемое въ блаженствѣ Да и Іоаннъ, и Павелъ, и Моисей, и кто иной, если подобель имъ, не лишены сего высокаго блаженства,—состоящаго въ зрѣніи Бога, не лишены и тотъ, кто изрекъ: *соблюдается мнѣ видѣніе правды, еяже воздастъ ми праведный Судія* (2 Тим. 4, 8.), и тотъ, кто припадалъ къ персямъ Іисусовымъ, и тотъ, кто слышалъ Божественный гласъ: *вѣдь ты, паче всѣхъ* (Исх. 33, 17.). Посему, если о тѣхъ, которыми

провозвѣщено, что постиженіе Бога выше силъ, пѣтъ сомнѣнія, что они блаженны, а блаженство состоитъ въ томъ, чтобы зрѣть Бога. зрѣніе же дается чистому сердцемъ; то значить, что не возможна и чистота сердца, при которой можно содѣлаться блаженнымъ.

Поэтому, какъ же можно сказать, что говорятъ истину согласно съ Павломъ утверждающіе, будто бы постиженіе Бога выше нашихъ силъ, и имъ не противорѣчитъ Господне слово, обѣщающее, что при чистотѣ сердца зрѣть будетъ Богъ? Миѣ кажется, чтобы обзорніе предложеннаго происходило у насъ въ порядкѣ, хорошо будетъ сначала предложить о семъ краткое разсужденіе. Естество Божіе, само въ себѣ, по своей сущности, выше всякаго постигающаго мышленія, какъ недоступное при мышленіямъ гадательнымъ и не сближаемое съ ними; и въ людяхъ не открыто еще никакой силы къ постиженію непостижимаго (х), и не придумано никакого средства уразумѣть неизъяснимое. Поэтому великій Апостоль пути Божіи именуется неизслѣдованными (Римл. 11, 33.), означая симъ словомъ, что на оный путь, который ведетъ къ познанію Божіей сущности, не могутъ и восходить человѣческіе помыслы, такъ что на немъ почти никѣмъ изъ

(х) По рукописи читается: τῶν ἀλλήλων.

прешедшихъ жизнь сію прежде насъ не оставлено никакого слѣда постигающимъ примышленіемъ, который бы означался вѣдѣніемъ того, что выше вѣдѣнія. Но таковымъ будучи по естеству Тотъ, Кто выше всякаго естества, Сей невидимый и неописуемый, въ другомъ отношеніи бываетъ видимъ и постигается. Способовъ же такого уразумѣнія много. Ибо, и по видимой во вселенной премудрости можно гадательно видѣть Сотворшаго все въ премудрости. Какъ и въ человѣческихъ произведеніяхъ нѣкоторымъ образомъ усматривается разумѣніемъ творецъ выставяемаго творенія въ дѣло свое вложившій искусство, усматривается же не естество художника, а только художническое знаніе, какое художникъ вложилъ въ произведеніе; такъ и мы, взирая на красоту въ твореніи, впечатлѣваемъ въ себѣ понятіе не сущности, но премудрости премудро все Сотворившаго (ц). Если разсуждаемъ о причинѣ нашей жизни, именно же, что не по необходимости, но по благому произволенію, приступилъ Богъ къ сотворенію человѣка, опять говоримъ, что и симъ способомъ узрѣли мы Бога, постигнувъ благость, а не сущность. Такъ и все прочее, что приводитъ насъ къ понятію лучшаго и болѣе возвышен-

(ц) По рукописи предлогъ: *кагда* не читается.

наго, подобно сему называемъ уразумѣніемъ Бога, потому что каждая возвышенная мысль зрѣнію нашему представляетъ Бога. Ибо и могущество, и чистота, и неизмѣняемость, и несоединяемость съ противоположнымъ, и все сему подобное напечатлѣваетъ въ душахъ представленіе нѣкоего божественнаго и возвышеннаго понятія. Итакъ изъ сказаннаго открывается, что Господь истиненъ въ Своемъ обѣтованіи, говоря, что имѣющіе чистое сердце узрять Бога; и не лжетъ Павелъ, собственными своими словами утверждая, что никто не видѣлъ, и не можетъ видѣть Бога; ибо Невидимый по естеству дѣлается видимымъ въ дѣйствіяхъ, усматриваемый въ чемъ либо изъ того, что окрестъ Его.

Но смыслъ сказаннаго о блаженствѣ не ограничивается только тѣмъ, что по какому либо дѣйствию можно дѣлать подобныя заключенія о дѣйствующемъ. Ибо и мудрымъ вѣка сего доступно, можетъ быть по устройству міра, постиженіе превышей премудрости и силы. Но величіе блаженства, кажется мнѣ, инос преподаетъ въ совѣтъ способному сіе принять, чтобы увидѣть желаемое. Представившаяся же мнѣ мысль объяснится примѣрами. Въ человѣческой тѣлесной жизни здоровье есть нѣкое благо, но блаженно не то, чтобы знать только, что такое здоровье, но чтобы жить въ здравіи. Ибо если кто, слагая похвалу здоровью, при-

меть въ себя доставляющую худые соки и вредную для здоровья пищу, то, угнѣтаемый педугами, какую пользу получить онъ отъ похвалъ здоровью? Посему такъ будемъ разумѣть и предложенное слово, а именно, что Господь, не зная что либо о Богѣ, но имѣть въ себѣ Бога, называетъ блаженствомъ, ибо *блаженни чистѣи сердцемъ: яко тѣи Бога узрятъ*. Но не какъ зрѣлице какое, кажется мнѣ, предъ лице очистившему душевное око, предлагается Богъ; напротивъ того высота сего изреченія, можетъ быть, представляетъ намъ тоже, что открытѣе изложило Слово, другимъ сказавъ: *царствіе Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 12.), чтобы научились мы изъ сего, что очистившій сердце свое отъ всякой твари и отъ страстнаго расположенія, въ собственной своей лѣпотѣ усматриваетъ образъ Божія естества. И мнѣ кажется, что въ немногомъ, что изрекло, такой совѣтъ заключаетъ Слово: всѣ вы, о человѣки, въ комъ только есть какое либо вожделѣніе воззрѣть на истинно благое, когда слышите, что Божіе велелѣніе превыше небесь и слава Божія неизъяснима, и лѣпота неизглаголанна, и естество невмѣстимо, не впадайте въ безнадежность, будто бы невозможно увидѣть желаемое. Ибо въ тебѣ вмѣстимая для тебя мѣра постиженія Бога. Который такъ тебя создалъ, немедленно осуществивъ въ естествѣ таковое благо; потому что въ

составѣ твоёмъ отпечатлѣлъ подобія благъ
 собственнаго Своего естества, какъ будто на
 какомъ воску напечатлѣлъ рѣзныя изображе-
 нія. Но порокъ, смывъ боговидныя черты,
 бесполезнымъ содѣлалъ благо, закрытое гнус-
 ными покровами. Посему, если рачительною
 жизнію опять смоешь нечистоту, налегшую на
 твоёмъ сердцѣ, то возсіяетъ въ тебѣ бого-
 видная лѣпота. Какъ это бываетъ съ жемѣзомъ,
 когда точильнымъ камнемъ сведена съ него
 ржавчина; недавно бывъ чернымъ, при солн-
 цѣ мечетъ оно отъ себя какіе-то лучи, и из-
 даетъ блескъ: такъ и внутренний человекъ,
 котораго Господь именуетъ сердцемъ, когда
 очищена будетъ ржавчина нечистоты, появив-
 шаяся на его образѣ отъ дурной любви (ч),
 снова воспріиметъ на себя подобіе первооб-
 раза, и будетъ добрымъ; потому что подобное
 добру, безъ сомнѣнія, добро. Посему, кто ви-
 дитъ себя, тотъ въ себѣ видитъ и вождѣлѣ-
 ваемое; и такимъ образомъ чистый сердцемъ
 дѣлается блаженъ, потому что, смотря на соб-
 ственную чистоту, въ этомъ образѣ усматрива-
 етъ первообразъ. Ибо какъ тѣ, которые видятъ
 солнце въ зеркалѣ, хотя не устремляютъ взора
 на самое небо, однакоже усматриваютъ солнце

(ч) По рукописи вмѣсто εἰδωτός читается εἰρωτός.

въ сіяніи зеркала не меньше тѣхъ, которые смотрятъ и на самый кругъ солнца; такъ и вы, говорятъ Господь, хотя не имѣете силъ усмотрѣть свѣта, но, если возвратитесь къ той благодати образа, какая сообщена была вамъ въ началѣ, то въ себѣ имѣете искомое. Ибо чистота, безстрастіе, отчужденіе отъ всякаго зла есть Божество. Посему, ежели есть въ тебѣ это, то, безъ сомнѣнія, въ тебѣ Богъ, когда помысль твой чистъ отъ всякаго порока, свободенъ отъ страстей и далекъ отъ всякаго оскверненія, ты блаженъ по своей остроумности; потому что, очистившись, усмотрѣлъ незримое для неочистившихся, и отъявъ вещественную мглу отъ душевныхъ очей, въ чистомъ небѣ сердца ясно видишь блаженное зрѣлище. Что же именно? Чистоту, святость, простоту и всѣ подобныя свѣтоносныя отблески Божія естества, въ которыхъ видимъ Богъ.

А что сіе дѣйствительно такъ, въ томъ не сомнѣваемся на основаніи сказаннаго. Но чѣмъ слово ваше затруднялось еще въ началѣ, то остается при томъ же неудобствѣ. Если и всѣ согласны, что тотъ, кто на небѣ, причастенъ небесныхъ чудесъ, то, поелику и способъ восхожденія туда невозможенъ, согласіе въ этомъ никакой не приноситъ намъ пользы: такъ несомнѣнно и то, что, по очищеніи сердца, человекъ дѣлается блаженнымъ; но

какъ ему очистить оное отъ оскверняющаго, это почти совершенно равно восхожденію на небо. Посему найдется ли какая либо Іаковлева лѣствица, какая либо огненная колесница, подобная вознесшей Пророка Ілію на небо, на которой бы сердца наше, возвысившись до горнихъ чудесъ, сложило съ себя это земное бремя? Если кто представить въ умѣ необходимыя душевныя страданія; то труднымъ и невозможнымъ признаеть удаленіе отъ сопряженныхъ съ нимъ золь. Самое рожденіе наше начинается тотчасъ страданіемъ, съ страданіемъ происходитъ возрастаніе, оканчивается жизнь страданіемъ, и зло нѣкоторымъ образомъ срастворяется съ естествомъ чрезъ тѣхъ, которые первоначально допустили въ себя страданіе, преслушаніемъ вселили въ себя болѣзнь. Но какъ преемствомъ принадлежащаго каждому роду продолжается естество живыхъ существъ, такъ что по закону природы рожденное есть тоже съ родившимъ: такъ и отъ человѣка рождается человѣкъ, отъ страстнаго страстный, отъ грѣшника грѣшникъ. Посему въ раждающихся нѣкоторымъ образомъ составляется грѣхъ, вмѣстѣ и раждаемый, и возрастающій, и оканчивающійся предѣломъ жизни. Напротивъ того, что добродѣтель для насъ неудобопріобрѣтаема, что при тмочисленныхъ потахъ и трудахъ со тщаніемъ и изнуреніемъ едва преуспѣваемъ въ ней, сему научаемся

изъ многихъ мѣсть божественнаго Писанія, слыша, что путь, идущій въ царствіе, тѣсень и узокъ; а вводящій порочною жизнію въ пагубу широкъ, покать и утоптанъ. Однакоже, что не вовсе невозможна и возвышенная жизнь, Писаніе подтвердило сіе, въ священныя книгахъ представивъ намъ чудесныя дѣянія столькихъ мужей. Но поелику въ обѣтованіи видѣть Бога заключается двоякій смыслъ, одинъ познать естество всё превышающее, и другой—посредствомъ чистоты сердца войти съ Нимъ въ единеніе: то первый родъ разумѣнія, по слову святыхъ, признается невозможнымъ, другой же естеству человѣческому въ настоящемъ ученіи обѣщаетъ Господь, сказавъ: *блаженни чистии сердцемъ: яко тии Бога узрятъ.*

А какъ сдѣлаться чистымъ, способы къ этому можно тебѣ дознать изъ всякаго почти евангельскаго ученія. Ибо, переходя къ послѣдующимъ заповѣдямъ, найдешь ясное ученіе объ очищеніи сердца. Господь, раздѣливъ порокъ на два вида, на видимый въ дѣлахъ и на составляющійся въ мысляхъ, первый видъ, то есть неправду, обнаруживаемую въ дѣлахъ, наказывалъ по ветхому закону, нынѣ же обратилъ вниманіе закона на другой видъ грѣха, не дѣло худое наказывая, но промышляя, чтобы не полагалось ему и начала. Ибо изъять порокъ изъ самаго произвола гораздо важнѣе,

нежели сдѣлать жизнь чуждою лукавыхъ дѣлъ. Поелику порокъ многочаственъ и многообразенъ; то Господь въ заповѣдяхъ Своихъ каждому изъ запрещенныхъ дѣлъ противопоставилъ особое врачевство. И какъ недугъ гнѣва въ продолженіе всей жизни всего чаще и явнѣ постигаетъ чловѣка; то и начинается врачеваніемъ преобладающаго, узаконя прежде всего негнѣвливость. Наученъ ты, говорить, ветхимъ закономъ: *не убій*; а теперь научись удалять отъ души и гнѣвъ на соплеменника (Матѣ. 5, 21. 22.); ибо Господь не запретилъ вовсе гнѣва, потому что иногда такое стремленіе души можно употреблять и на добро, но гнѣвнымъ когда либо быть на брата безъ всякой доброй цѣли—такое воспламененіе угасилъ заповѣдію, сказавъ: *всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе* (22). Ибо присовокупленіе слова: *всуе* показываетъ, что и обнаруженіе раздраженія часто бываетъ благовременно, когда страсть сія воскипаетъ при наказаніи грѣха. Такого рода гнѣвъъ былъ въ Финесѣ, какъ засвидѣтельствовало слово Писанія, когда пораженіемъ беззаконующихъ умиливали негодоваіе (ш) Бога, подвигнутое на весь народъ. Потомъ Господь переходитъ къ врачеванію грѣховъ сластолюбія, и Своею заповѣдію

(ш) По рукописи читается: *δυσανάκτησην*, а не *ἀπειθήν*.

исторгаетъ изъ сердца неумѣстную похоть прелюбодѣйства. Такъ найдешь, что въ послѣдующемъ Господь исправляетъ все по порядку, востановляя законы противъ каждаго вида пороковъ. Неправеднымъ рукамъ запрещаетъ распорядиться самимъ, не дозволяя имъ мстить. Изгоняетъ страсть любостыжанія, приказывая лишаемому одежды къ тому, что отнимаютъ, присокупить и остальное. Врачуетъ боязнь, повелѣвъ пренебрегать и смертію. И вообще найдешь, что въ каждой заповѣди, на подобіе плуга рѣжущее, слово изъ глубины сердца вырываетъ дурные корни, и тѣмъ очищаетъ отъ произращенія терній. И такъ тѣмъ и другимъ оказывается благодѣяніе естеству, и тѣмъ, что заповѣдуется доброе, и тѣмъ, что предлагається намъ ученіе о настоящемъ предметѣ. Если же, по твоему мнѣнію, раченіе о добромъ трудно, то сравни съ противоположною жизнію; и найдешь, сколько труднѣе порокъ, если примешь во вниманіе не настоящее, но что будетъ послѣ. Ибо кто услышалъ о гееннѣ, тотъ уже не съ трудомъ какимъ и усиліемъ будетъ удаляться отъ грѣховныхъ удовольствій; а напротивъ того и одного страха, овладѣвшаго помыслами, достаточно ему, чтобы изгнать изъ себя страсти. Лучше же сказать, постигшимъ и то, что подразумѣвается въ умолчанномъ, въ пользу служить и то, что получаютъ отъ сего сильнѣйшее пожеланіе. Ибо

если блаженны чистые сердцемъ, то конечно жалки оскверненные умомъ, потому что видятъ лице сопротивника. И если въ жизни добродѣтельной напечатлѣваются черты самаго Божества, то явно, что жизнь порочная дѣлается образомъ и лицомъ противника. Но если Богъ, по различнымъ примышленіямъ, именуется всѣмъ, что представляемъ себѣ добромъ, свѣтомъ, жизнью, нетлѣніемъ, и что только есть подобнаго сему рода; то конечно, и на оборотъ всѣмъ этому противоположнымъ именоваться будетъ изобрѣтатель порока, и тмою, и смертію, и тлѣніемъ, и всѣмъ, что съ симъ однородно и сродственно.

Итакъ, дознавъ, изъ чего образуются въ насъ и порокъ и жизнь добродѣтельная, послику, по свободѣ произволенія, даша намъ власть на то и другое изъ этого, избѣжимъ діавольскаго образа, отринемъ это дурное олицетвореніе, воспріимемъ же на себя образъ Божій, содѣлаемся чистыми сердцемъ, чтобы стать блаженными, какъ скоро чистою жизнью вообразится въ насъ Божій образъ, о Христъ Іисусъ, Господъ нашъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 7.

*Блаженни миротворцы: яко тии сынове
Божіи нарекутся (Матѣ. 5, 9.).*

Въ священной скиніи свидѣнія, которую Законодатель устроилъ Израильтянамъ по образу, показанному Богомъ на горѣ, святы и священны были, какъ все содержавшееся внутри ограды, такъ и всякая отдѣльно взятая часть. Самая же внутренняя часть была не прикосновенна и недоступна, и называлась святое святыхъ. А сіе усиленно выраженное наименованіе показываетъ, думаю, что часть сія имѣла святость не въ равной мѣрѣ съ другими частями, но, сколько освященное и святое отличалось отъ общеупотребительнаго и нечистаго, столько же и сія неприступная часть была священнѣе и чище окружающихъ ее святыхъ. Посему полагаю, что и всѣ прежде указанныя намъ на горѣ сей блаженства, сколько ихъ предварительно уготовало Божіе слово, таковы, что каждое священно и свято, но теперь предлагаемое возрѣнію въ подлинномъ смыслѣ есть святилище и святое святыхъ. Ибо, если нѣтъ въ благахъ выше сего—видѣть Бога; то содѣлаться сыномъ Божіимъ, безъ сомнѣнія, выше всякаго благополучія. Какое примышленіе рѣченій, какос знаменова-

ніе именъ вполнѣ обьиметь собою даръ такого обѣтованія? Чтò ни представитъ кто въ умѣ, представляемое, безъ сомнѣнія, выше представленія. Если предлагаемое въ обѣтованіи сего блаженства назовемъ благомъ, или драгоценнымъ, или возвышеннымъ; то означасмое больше того, чтò выражается сими именованиями. Успѣхъ выше желанія, даръ выше упованія, благодать выше естества.

Чтò такое человѣкъ въ сравненіи съ естествомъ Божиимъ? у кого изъ святыхъ позаимствую слово, чтобы выразить уничтоженіе человѣка? По слову Авраамову, онъ *земля и пепелъ* (Быт. 18, 27.); по слову Исаіи,—*сѣно* (Иса. 40, 6.); по слову Давида,—даже не сѣно, но подобіе сѣна: ибо Исаія сказуетъ: *всяка плоть сѣно*; а Давидъ говоритъ: *человѣкъ яко трава* (Псал. 36, 2.). По слову Екклесіаста, онъ—*суета*; а по слову Павлову,—*окаянство* (1 Коринѣ. 15, 10.); ибо въ рѣченіяхъ, какими Апостоль именовалъ себя, оплакивается все человѣчество. Вотъ чтò человѣкъ; а чтò же такое Богъ? какъ скажу чтò либо о томъ, чего невозможно ни видѣть, ни въ слухъ вмѣстить, ни сердцемъ объять? какими словами изображу естество? какое подобіе блага сего найду въ извѣстныхъ намъ благахъ? какія рѣченія изобрѣту къ означенію неизреченнаго и неизглаголаннаго? Слышу, что священное Писаніе повѣствуетъ великое о превысшемъ Естествѣ;

по что сіе значить въ сравненіи съ самимъ Естествомъ? Столько изрекло слово, сколько способенъ я принять, а не сколько вмѣщаетъ въ себѣ означаемое. Какъ вдыхающіе въ себя воздухъ преемлютъ его, каждый по своей вмѣстимости, одинъ больше, другой меньше, но и тотъ, кто содержитъ въ себѣ много, не всю стихію вмѣщаетъ внутри себя, а напротивъ того и онъ, сколько могъ, столько и принялъ въ себя изъ цѣлаго, и это въ немъ цѣлое: такъ и богословскія понятія святаго Писанія, у богоносныхъ мужей изложенныя намъ Святымъ Духомъ, для вашей мѣры разумѣнія высоки, велики, и превосходятъ всякую величину, но не достигаютъ до величины истинной. Сказано: *кто изльри горстію воду, и небо падію, и всю землю горстію* (Псал. 40, 12.)? Видишь ли, какая высокая мысль у описывающаго несказанное могущество? Но что сіе значить въ сравненіи съ дѣйствительно Сущимъ? Пророческое слово въ такихъ высокихъ выраженіяхъ показало только часть Божественной дѣятельности. О самой же силѣ, отъ которой дѣятельность, не говорю уже объ естествѣ, отъ котораго сила, не сказано, и не имѣло въ виду говорить, а напротивъ того касается словомъ, по нѣкоторымъ догадкамъ, изображающаго только собою Божество, какъ бы отъ лица Божія произнося такія слова: *кому Мя угоднобисте* (Иса. 46, 5.)? говорить Господь.

Такой же совѣтъ предлагаетъ и Екклесіастъ собственными своими словами: *нескорзъ буди износити слово предъ лицемъ Божиимъ, яко Богъ на небеси горь, ты же на земли долу* (Еккл. 5, 1.), взаимнымъ разстояніемъ сихъ стихій, какъ думаю, показывая, въ какой мѣрѣ естество Божіе превьшаетъ земные помыслы.

Симъ-то Существомъ, столько могущественнымъ и великимъ, что невозможно ни видѣть Его, ни слышать ни мыслию постигнуть, присвоится въ ничто между существами вмѣняемый человѣкъ, — этотъ пчелъ, это сѣно, эта суета; онъ-то воспріимается въ сына Богомъ всяческихъ. Что можно найти достойнаго къ благодаренію за сію милость? Гдѣ такое слово, такая мысль, такое движеніе мысли, чтобы имъ воспрославить сей преизбытокъ милости? Человѣкъ выходитъ изъ предѣловъ своего естества, дѣлается изъ смертнаго безсмертнымъ, изъ скоро - гибнущаго неизмѣнно - пребывающимъ, изъ однодневнаго вѣчнымъ, однимъ словомъ изъ человѣка Богомъ; потому что сподобившійся стать сыномъ Божиимъ, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть въ себѣ достоинство Отца, содѣлавшись наслѣдникомъ всѣхъ отеческихъ благъ. Какая великодаровитость богатаго Владыки! Какая широкая длань! Какая великая рука! Сколько дарованій неизреченныхъ сокровищъ! Обезчещенное грѣхомъ естество приводитъ почти въ равночестіе съ са-

мимъ Собою! Ибо если свойство того, что Самъ Онъ есть по естеству, даруетъ людямъ, что иное возвѣщается этимъ сродствомъ, какъ не равночестіе нѣкое?

Такова награда, какой же это подвигъ? сказано: если будешь миротворцемъ, то увѣнчаетъ тебя благодать всыновленія. Мнѣ кажется, что и дѣло, за которое обѣщана такая награда, есть новый даръ. Ибо въ наслажденіи вождельнымъ для насъ въ этомъ мірѣ, что сладостнѣе для людей мирной жизни? О какой ни заговоришь пріятности въ жизни, чтобы ей быть пріятною, нуженъ миръ; ибо, если будетъ всё, что цѣнится въ этомъ мірѣ, богатство, здоровье, жена, дѣти, домъ, родъ (щ), прислуга, друзья, земля, море, и та и другое обогащающія своими дарами, сады, звѣриныя ловли, купальни, мѣста для борьбы и тѣлесныхъ упражненій, для прохладъ и забавъ, всё, какія есть, изобрѣтенія сластолюбія; приложи къ этому увеселительныя зрѣлища, музыку, и ежели есть что иное, чѣмъ услаждается жизнь роскошныхъ; если будетъ всё это, но не будетъ при этомъ блага—мира, какая польза отъ всёхъ благъ, наслажденіе которыми пресѣчетъ война? Поэтому миръ, и самъ пріятенъ для

(щ) По рукописи читается *γένος* вмѣсто *γονος*.

наслаждающихся имъ, и улаждаетъ все цѣнное въ этомъ мѣрѣ. Если и во время мира терпимъ по человѣчеству какое либо бѣдствіе, то зло, срастворенное благомъ, дѣлается легкимъ для страждущихъ. Правда, что, когда и войною стѣснена жизнь, нечувствительны также бываемъ къ подобнымъ скорбнымъ случаямъ; потому что общее бѣдствіе горестями своими превышаетъ бѣдствія частныя. И какъ, говорятъ врачи тѣлесныхъ страданій, если въ одномъ тѣлѣ въ одно и тоже время сойдутся двѣ болѣзни, то ощутительною дѣлается сильнѣйшая, а болѣзненное ощущеніе меньшаго зла утаивается какъ-то, похищаемое приращеніемъ перевозмогающей боли: такъ бѣдствія войны, по превосходству горестныя, доводятъ до того, что каждый частный человѣкъ дѣлается нечувствительнымъ къ собственнымъ своимъ несчастіямъ. Но если и для ощущенія собственныхъ своихъ золъ цѣпенѣетъ какъ-то душа, пораженная общими бѣдствіями войны; то какъ ей имѣть ощущеніе пріятнаго? Гдѣ оружія, копья, изощренное желѣзо, звучація трубы, гремящіе кимвалы дружины, сомкнувшіеся щиты, страшно помагающіе перьями шлемы, столкновенія, столпленія, схватки, сраженія, побоища, бѣгства, преслѣдованія, стоны, радостные клики, земля увлаженная кровью, попираемые мертвецы, безъ помощи оставляемые раненые, и всё, что на войнѣ, можно ви-

дѣть и слышать (ъ) о горестныхъ военныхъ событіяхъ, — ужели и тамъ найдетъ кто время (ы) преклонить иногда помысль къ воспоминанію объ увеселяющемъ? Если и придетъ какъ въ душу припоминаніе о чемъ либо весьма пріятномъ; то не послужитъ ли къ увеличенію бѣдствія это, во время опасностей входящее въ помысль припоминаніе о предметѣ самомъ любимомъ? Посему Награждающій тебя, если предотвратилъ ты бѣдствіе войны, два даруетъ тебѣ вмѣсто дара; однимъ даромъ служить награда, а другимъ даромъ самый подвигъ; потому что, если бы за таковое дѣло и ничего не предстояло въ упованіи, то миръ самъ по себѣ для имѣющихъ умъ дороже всякаго о немъ раченія. Поэтому преизбытокъ Божія человѣколюбія можно познавать въ этомъ, что благими воздаяніями награждаетъ не за труды и поты, но за удовольствія, можно сказать, и радости; такъ какъ изъ всего, что веселитъ, главное есть миръ, который каждому желательно имѣть въ такой мѣрѣ, чтобы не только самому пользоваться, но, по великому обилію онаго, удѣлять и неимѣющимъ. Ибо сказано: *блажени миротворцы*, а миротворецъ тотъ, кто дастъ миръ другимъ.

(ъ) Дополнено по рукописи.

(ы) По рукописи читается: *σχολίασι*.

Но никто не сообщитъ другому того, чего не имѣетъ самъ. Посему желательно, чтобы прежде самъ ты исполнился благами мира, а потомъ уже снабдилъ таковымъ достояніемъ имѣющихъ въ немъ нужду. И слову моему нѣтъ нужды крайне пытливой обзоръ прости- рать до глубины; потому что для приобрѣтенія блага достаточно намъ понятія, представляю- щагося съ перваго взгляда.

Блаженни миротворцы. Писаніе въ краткомъ выраженіи предлагаетъ въ даръ врачеваніе отъ многихъ недуговъ, въ этомъ многообъемлю- щемъ и общемъ реченіи заключивъ подробно- сти. Сперва выразумѣемъ, что такое миръ? Не иное что, какъ исполненное любви расположе- ніе къ соплеменнику. Посему что же разумѣет- ся подъ противоположнымъ любви? ненависть, гнѣвъ, раздраженіе, зависть, злопамятство, лицемеріе, бѣдствіе войны. Видишь ли, отъ сколькихъ и отъ какихъ недуговъ предохрани- тельнымъ врачевствомъ служить одно реченіе? Ибо миръ равно противится всему исчислен- ному, и присутствіемъ своимъ приводитъ зло въ уничтоженіе. Какъ по возвращеніи здравія уничтожается болѣзнь, и по появленіи свѣта не остается тмы, такъ съ появленіемъ мира исчезаютъ всѣ страсти, возбужденныя сопро- тивнымъ. А какое это благо, не почитаю нуж- нымъ описывать того словомъ. Разсуди самъ съ собою, какова жизнь взаимно другъ друга

подозрѣвающихъ и ненавидящихъ? Встрѣчи ихъ непріятны, все одному въ другомъ отвратительно; уста безмолвны, взоры обращены въ разныя стороны; слухъ загражденъ для словъ у ненавидящаго и у ненавидимаго; одному изъ нихъ пріязненно все, что непріязненно другому; и на оборотъ враждебно и непріязненно все любезное непріязненному. Посему, какъ благоуханіе аромать благовоніемъ своимъ наполняетъ окружающій воздухъ: такъ Господу угодно въ обилии приумножить для тебя благодать мира, чтобы жизнь твоя была врачевствомъ чужой болѣзни.

А сколь велико такое благо, точнѣе узнаешь, исчисливъ бѣдствія отъ каждой страсти, порождаемой въ душѣ непріязненнымъ произволеніемъ. Кто опишетъ, какъ должно, страстныя движенія гнѣва? Какое слово изобразить неприличіе такой болѣзни? Смотри, какъ въ одержимыхъ раздраженіемъ появляются тѣже припадки, что и въ бѣсноватыхъ. Сравни между собою страданія и отъ бѣса и отъ раздраженія, и разсуди, какая между ними разность. Налитые кровью и извращенные глаза бѣсноватыхъ, языкъ выговаривающій неясно, произношеніе грубое, голосъ пронзительный и прерывистый, вотъ общія дѣйствія и раздраженія и бѣса; потрясеніе головы, изступленные движенія рукъ, содроганіе всего тѣла, нестоящія на мѣстѣ ноги,—въ подобныхъ симъ чер-

тахъ одно описаніе двухъ болѣзней. Въ томъ только разнится одна отъ другой, что одно зло произвольно, а другое, съ кѣмъ оно бываетъ, поражаетъ его невольно. Но по собственному своему стремленію подвергнуться бѣдствію, а не противъ воли страдать, — сколько большаго достойно сіе сожалѣнія? Кто видитъ болѣзнь отъ бѣса, тотъ конечно сжалится; а безчинные поступки отъ раздраженія вмѣстѣ и видитъ, и подражаетъ имъ, признавая для себя утратою не препобѣдить своею страстію заболѣвшаго прежде него. И бѣсъ, мучащій тѣло страдающаго, на томъ останавливается зло, что бѣснующійся напрасно ударяетъ руками по воздуху; а демонъ раздражительности не напрасными дѣлаетъ тѣлесныя движенія. Ибо, когда этотъ одержитъ верхъ, кровь въ предсердечіи вскипаетъ, какъ говорятъ, горькою желчію отъ раздражительнаго расположенія, распространившагося повсюду въ тѣлѣ; тогда отъ стѣсненія внутреннихъ паровъ утѣсняются всѣ главныя чувствилища. Глаза выходятъ изъ очертанія рѣсницъ, и что-то кровавое и змѣнное устремляютъ на оскорбительное для нихъ. И внутренности бываютъ подавлены дыханіемъ, жилы на шеѣ выставляются наружу, языкъ дебеливетъ, голосъ отъ сжатія боковой жилы невольно (б) дѣлается звонкимъ. губы

(б) По рукописи читается: *δκροίως*, а не *ἐκροίως*.

отъ вошедшей въ нихъ холодной желчи отвердѣваютъ, чернѣютъ и дѣлаются неудободвижными для естественнаго разжатія и сжатія, такъ что не въ состоянїи удерживать слюну, наполняющую уста, но извергаютъ ее вмѣстѣ съ словами, и отъ принужденнаго произношенія вышлепываютъ въ видѣ пѣны. Тогда-то можно увидѣть, что и руки, а также и ноги, приводятся въ движеніе, и члены сіи уже движутся не напрасно, какъ бываетъ съ бѣснующимися, но на зло сдѣпившимся между собою по причинѣ этой болѣзни. Ибо стремленія паносящихъ удары другъ другу направлены бываютъ на главныя чувствительна. А если въ этой схваткѣ уста приблизятся гдѣ къ тѣлу; то и зубы не остаются безъ дѣла, но, подобно зубамъ звѣринымъ, впадаютъ въ то, что къ нимъ близко. И кто расскажетъ по порядку все множество золъ, происходящихъ отъ раздраженія? Посему, кто не допускаетъ до такого безобразія, того за сіе весьма великое благодареніе справедливо будетъ наименовать достоуважаемымъ и досточестнымъ. Если избавившій чловѣка отъ тѣлесной какой нибудь непрїятности за такое благотвореніе достоинъ чести, то не тѣмъ ли паче освободившій душу отъ этой болѣзни имѣющимъ умъ признанъ будетъ благодарителемъ жизни? Ибо сколько душа лучше! тѣла, столько же уврачевавшій душу предпочтительнѣе врачующихъ тѣло.

И никто да не подумаетъ, будто, по моему мнѣнію, непріятность, причиняемая по раздраженію, хуже злыхъ дѣлъ, совершаемыхъ по ненависти. Страсти: зависть и лицемѣріе, кажется мнѣ, гораздо хуже упомянутой теперь, и именно въ той же мѣрѣ, въ какой скрытное страшнѣе явнаго. И тѣхъ исовъ больше боимся, которые не извѣщаютъ прежде о своемъ раздраженіи, ни лаемъ, ни нападеніемъ спереди, но въ кроткомъ и тихомъ видѣ подстерегаютъ насъ неожиданно, когда не предусматриваемъ того. Таковы же страсти зависть и лицемѣріе въ людяхъ, у которыхъ внутри во глубинѣ сердца ненависть, какъ огонь, возгарается (ѣ) скрытно; а наружность прикрывается личною дружбы, подобно огню закрытому соломой, отъ котораго, пока сожигаетъ лежащее внутри, не бываетъ видно пламени, а только выходитъ ѣдкій дымъ, сильно внутри сгущаемый; но стоить кому либо подуть, и разливается тогда ясный и свѣтлый пламень. Такъ и зависть изѣдаетъ внутри сердце, на подобіе огня, какъ бы заваленнаго какою грудю соломы. И хотя скрываетъ отъ стыда болѣзнь, однакоже не можетъ она быть совершенно скрытою; но какъ будто какой-то ѣдкій дымъ въ наружныхъ припадкахъ выказывается

(ѣ) По рукописи читается: *влогѣтаети*.

горечь зависти. Но если того, кому завидуютъ, коснется какая бѣда, то завистникъ обнаруживаетъ тогда эту болѣзнь, печаль бѣдствующаго обращая для себя въ веселіе и удовольствіе. Впрочемъ тайны этой страсти, когда думаютъ и скрывать ее, выказываются явными признаками на лицѣ. Что въ отчаянно больныхъ служитъ знакомъ близкой смерти, то перѣдко увидишь на снѣдаемомъ завистию: сухіе глаза, впавшіе между разширившимися вѣками, нависшія брови, на мѣсто плеча выставившіяся кости. Что же причиною болѣзни? То, что братъ, или сродникъ, или сосѣдь живутъ весело. Какая необычайная несправедливость! Ставить въ вину, что не бѣдствуетъ тотъ, о чьемъ благополучіи онъ печалится, признавая для себя обидою не то, что самъ потерпѣлъ какое либо зло отъ другаго, но то, что этотъ другой, не дѣлая никакой обиды, живетъ, какъ ему желательно. Что съ тобою, бѣдный? сказалъ бы я ему. Для чего сохнешь, горькимъ окомъ взирая на благополучіе сосѣда? Въ чемъ можешь винить его? Въ томъ ли, что благолѣненъ тѣломъ? Или что украсишь даромъ слова? Или что беретъ преимущество родомъ? или что, вступивъ въ должность начальника, въ этомъ чинѣ оказывается достойнымъ уваженія? Или что много стало у него денегъ? Или что уважаютъ его за благоразуміе въ рѣчахъ? Или что многимъ извѣстенъ

онъ добрыми дѣлами? Или что радуется на дѣтей? Или что увеселяется супругой? Или что пышно живетъ доходами своего дома? Почему, какъ остріе стрѣль, падаетъ это тебѣ на сердце? Складываешь ты руки, жмешь пальцы между пальцами, тревожишься помыслами, глубоко и болѣзненно какъ-то вздыхаешь; неприятно тебѣ пользоваться тѣмъ, что имѣешь у себя; трапеза горька, домъ (э) сумраченъ. Слушать клевету на живущаго благополучно ухо готово; а если сказано о немъ что либо доброе, заграждается для сего слухъ. И при такомъ душевномъ расположеніи, для чего прикрываешь болѣзнь лицемѣріемъ? Для чего изъ притворнаго расположенія составляешь себѣ личину дружбы? Для чего привѣтствуешь почтительными именоваціями, прося быть веселымъ и здоровымъ, а въ тайнѣ душею изрекая противныя тому желанія? Таковъ былъ Каинъ, раздраженный благоволеніемъ Божиимъ къ Авелю. Зависть внутри внушаетъ ему убійство, а лицемѣріе (ю) дѣлается исполнителемъ злодѣянія. Принявъ на себя какой-то дружескій и привѣтливый видъ, ведетъ онъ Авеля на поле вдаль отъ родительской защиты, и тамъ обнаруживаетъ зависть убійствомъ. По-

(э) По рукописи читается: *εοττα*, а не *δωδε*.

(ю) По рукописи вмѣсто: *ὀλιθισος* читается: *ὀλιθισος*.

сему, кто такую болѣзнь искореняетъ изъ человѣческой жизни, благорасположеніемъ и миромъ свяжутъ единоплеменныхъ, въ дружеское согласіе приводитъ людей, тотъ не божескаго ли, подлинно, могущества совершаетъ дѣло, въ родѣ человѣческомъ истребляя худое, и на мѣсто сего вводя общеніе благъ? Посему-то Господь именуетъ миротворца сыномъ Божиимъ; ибо, даруя это человѣческой жизни, дѣлается подражателемъ истиннаго Бога.

Итакъ блаженни миротворцы: яко тѣи сынове Божіи нарекутся. Кто же именно? Подражатели Божию человѣколюбію, что свойственно Божіей дѣятельности, то самое показывающіе въ жизни своей. Благодѣющій Податель благъ и Господь совершенно истребляетъ и въ ничто обращаетъ все, что не сродно съ добромъ и чуждо ему, и тебѣ узаконяетъ сей образъ дѣйствованія, изгонять ненависть, прекращать войну, уничтожать зависть, недопускать до битвъ, истреблять лицемеріе, угащать въ сердцѣ пожигающее внутренность злопамятство, вводитъ же на мѣсто сего, что восстанавливается истребленіемъ противоположнаго. Какъ съ удаленіемъ тмы наступаетъ свѣтъ: такъ вмѣсто исчисленнаго выше появляются плоды духа: *любы, радость, миръ, благодать, долготерпѣніе*, и все собранное Апостоломъ число благъ (Гал. 5, 22.). Посему какъ же не блаженъ раздаватель божественныхъ даровъ,

Богу уподобляющійся дарованіями, благово-
ренія свои уподобляющій Божіей великодари-
вности? Но, можетъ быть, ублаженіе имѣеть
въ виду не только благо, доставляемое дру-
гимъ, но, какъ думаю, въ собственномъ смыслѣ
миротворцемъ называется, кто мятежь плоти
и духа и междуусобную брань естества въ
себѣ самомъ приводитъ въ мирное согласіе,
когда въ бездѣйствіе уже приходитъ законъ
тѣлесный, *противовоюющъ закону ула* (Римл.
7, 23.), и, подчинившись лучшему царству,
дѣлается служителемъ божественныхъ заповѣ-
дей. Лучше же сказать, будемъ держаться той
мысли, что слово Божіе совѣтуетъ не это, то
есть не въ двойственности представляетъ себѣ
жизнь преуслѣвшихъ, но въ томъ, чтобы,
когда разорено въ насъ *средостѣніе оуди*
(Ефес. 2, 14.) порока, сраствореніемъ (я)
съ лучшимъ *обоя* содѣлалась совокупившимся
во едино. Итакъ, поелику вѣруемъ, что Бо-
жество просто, несложно и неописуемо, то,
когда и человеческое естество за таковое у-
миротвореніе дѣлается чуждымъ сложенія изъ
двойственного, въ точности возвращается во
благо, становясь простымъ, неописуемымъ, и
какъ бы въ подлинномъ смыслѣ единымъ, такъ
что въ немъ одно и тоже есть и видимое съ

(я) По рукописи читается: *ἀνακρίσις*, а не *ἀνακρίσις*.

тайнымъ и сокровенное съ видимымъ; тогда дѣйствительно подтверждается ублаженіе, и таковыя въ подлинномъ смыслѣ называются сынами Божиими, содѣлавшись блаженными по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 8.

Блаженни изнани правды ради: яко тыхъ есть царствіе небесное (Матт. 5, 10.).

Порядокъ высококаго преподаванія уроковъ возводятъ настоящее обозрѣніе изреченія сего на осьмую ступень. Но лучшимъ признаю объяснить сперва въ словѣ, что значать у Пророка, въ подписаніи двухъ псалмопѣній тайна осьмаго, а также очищеніе (ѳ) и законъ объ обрѣзаніи; такъ какъ то и другое по закону совершалось въ осмый день, и, можетъ быть, число сіе имѣеть нѣкое сродство съ осмымъ блаженствомъ. Какъ нѣкая вершина всѣхъ блаженствъ, оно составляетъ самый верхъ добраго восхожденія. Ибо и тамъ Пророкъ осмымъ загадочно означаетъ день воскресенія, и очищеніе указываетъ возвращеніе оскверненнаго

(ѳ) По рукописи читается: *ѳ ка Фирмосъ, а не ѳ михирмосъ.*

человѣка къ естественной чистотѣ, а обрѣзаніе, какъ толкуется, есть сложеніе съ себя мертвыхъ кожъ, въ какія облечены мы, по преслушаніи обнажившись отъ жизни. И здѣсь осьмое блаженство заключаетъ въ себѣ востановленіе на небеса тѣхъ, которые впади въ рабство, и изъ рабства призваны оттѣ въ царство.

Ибо Господь говоритъ: *блаженни измани* Мене ради: *яко тѣхъ есть царствіе небесное.* Вотъ конецъ подвиговъ по Богу, награда трудовъ, воздаяніе за пролитый потъ—сподобиться царствія на небесахъ! Надежда благаго жребія не кружится уже около непостояннаго и измѣняемаго; потому что превратному и измѣняемому мѣсто на землѣ. О томъ же, что видимо и движится на небѣ, не знаемъ ничего такого, что не было бы всегда тѣмъ же и таковымъ же; напротивъ того тамъ все въ порядкѣ и послѣдовательности совершаетъ свое теченіе. Посему видишь ли преизбытокъ дара Величіе достоинства даруется не въ превратномъ, такъ что добрыя надежды могъ бы омрачить страхъ какого либо переворота: но, наименовавъ небесное царство, Господь показываетъ непревратность и всегдашнюю одинаковость предложеннаго намъ въ упованіи дара.

Въ сказанномъ же встрѣчается для меня затруднительнымъ слѣдующее: почему Господь во первыхъ о обнищавшихъ духомъ и о гони-

мыхъ Его ради говорить, что тѣмъ и другимъ награда равная; тогда какъ, если кому награда равная, то у нихъ очевидно и подвиги равны? А потомъ, когда, десныхъ отдѣливъ отъ шуихъ, призываетъ къ небесному царствію, тогда представляетъ другія причины таковой чести. Ибо тамъ, сказавъ о сострадательности, объ общительности, о взаимной любви, вовсе не упоминаетъ о духовной нищетѣ и о гоненіи Его ради. И это, кажется по смыслу, представляющемуся съ перваго взгляда, одно съ другимъ весьма несходно. Ибо что общаго въ этомъ: обнищать и быть гонимымъ? Или еще, что согласнаго между этимъ и дѣлами сострадательной любви? Напиталъ ли кто нуждающагося, или одѣлъ нагаго, или припалъ подъ кровъ путника, или оказалъ возможную услугу педужному и заключенному, въ отношеніи къ самому исполненію, что общаго въ этомъ и въ томъ, чтобъ быть нищимъ и гонимымъ? Церввій врачуетъ бѣдствія другихъ, а изъ послѣднихъ каждый, и нищій и гонимый, сами имѣютъ нужду во врачующихъ. Но конецъ для всѣхъ одинаковъ; потому что Господь равно возводитъ на небо и обнищавшаго духомъ, и гонимаго Его ради, и оказавшихъ состраданіе къ соплеменнику. Посему, что скажемъ на это? То, что во взаимной между собою связи состоитъ все, клонящееся и содѣйствующее къ одной цѣли. Ибо нищета не далека отъ изгнанія, и нище-

любіе не чуждается нищеты. Но мнѣ кажется, хорошо будетъ сперва изслѣдовать настоящее слово, а потомъ уже въ изслѣдовапіи отыскивать согласіе и смыслъ.

Блаженіи изгнани правды ради. Откуда и кѣмъ изгнати? Ближайшее понятіе слова указываетъ на поприще мучениковъ, даетъ подразумѣвать теченіе вѣры. Ибо гоненіе означаетъ усиленное въ текущемъ тѣсаніе о скорости, лучше же сказать, даетъ подразумѣвать и побѣду въ теченіи. Ибо текущему не иначе можно побѣдить, какъ позади себя оставивъ того, кто течетъ вмѣстѣ съ нимъ. И такъ, послику текущій *къ почести вышняго званія* (Филип. 3, 14.), и гонимый врагомъ ради ея почести, равно имѣютъ за хребтомъ своимъ, одинъ состязующагося, другой гонителя (а это совершающіе теченіе мученичества, въ подвигахъ благочестія гонимые и не падаемые); то въ предлагаемомъ упованіи блаженствѣ сказаннымъ въ окончательныхъ словахъ Господь присовокупляетъ, кажется, главное, какъ бы иѣкій вѣнецъ. Ибо дѣйствительно блаженно быть гонимымъ ради Господа. Почему? потому что изгнаніе худымъ дѣлается причиною пребыванія въ добрѣ. Отчужденіе отъ лукаваго служитъ поводомъ къ освоенію съ добромъ. А доброе, и что выше всякаго добра, есть самъ Господь, къ Которому поспѣшаетъ гонимый. Посему истинно блаженъ,

кто на добро себѣ пользуется содѣйствіемъ врага. Послику жизнь человѣческая заключается въ междугоріи добраго и худаго ; то , какъ преннувшійся въ своей благой и высокой надеждѣ впадаетъ въ пропасть , такъ разлучившійся съ грѣхомъ , и избавившійся отъ рабствія приближается къ правдѣ и неслѣнію. И гоненіе , воздвигаемое мучителями на мучниковъ , какъ представляется оно съ перваго взгляда , болѣзненно для чувства , но цѣль претерпѣвасмаго мучениками превышаетъ всякое блаженство. Впрочемъ смыслъ сего слова лучше можемъ усмотрѣть изъ примѣровъ. Кому не извѣстно , сколько , по общему признанію , хуже терпѣть злоумышленія , нежели быть любимымъ ? И это , по видимому , тягостное многократно бываетъ причиною благополучія въ сей жизни , какъ Писаніе показываетъ на Іосифѣ , которому злоумышляли братья , и который , будучи удаленъ отъ сопребыванія съ ними продажею , содѣлался царемъ злоумыслившихъ , но , можетъ быть , не достигъ бы такого высокаго сана , если бы зависть онымъ злоумышленіемъ не проложила ему пути къ царству. Если бы кто , имѣя вѣдѣніе о будущемъ , сталъ предрекать Іосифу : подвергшись злоумышленію будешь ты блаженъ ; то съ перваго взгляда не показался бы онъ достовѣрнымъ Іосифу , который , слыша сіе и прежде всего имѣя въ виду печальное , почелъ бы невозможнымъ , чтобы ко-

нецъ злаго произволенія оказался добромъ. Такъ и здѣсь гоненіе, воздвигаемое мучителями на вѣрныхъ, имѣя въ себѣ много болѣзненнаго для чувства, для оплотнявѣвшихъ неудобопріемлемою дѣласть предлагаемую имъ надежду на полученіе царства посредствомъ страданій. Но Господь, видя брешность естества, болѣе другихъ немощнымъ напередъ возглашаетъ, какой конецъ подвига, чтобы надеждою на царство безъ труда преобороли они временное ощущеніе болѣзненнаго. Посему-то великій Стефанъ, побиваемый отъсюду бросаемыми камнями, радуется, какъ бы вѣкую пріятную росу, съ готовностію принимаетъ на тѣло летящія одна за другою тучи камней, и благословеніями вознаграждаетъ убійць, молясь, да не поставленъ имъ будетъ грѣхъ сей. Ибо и обътованіе онъ слышалъ, и видѣлъ, что уповаемое согласно съ явленнымъ. Слышавъ, что гонимые Господа ради будутъ во царствіи небесномъ, увидѣлъ ожидаемое, когда гонимъ былъ самъ. Когда послѣдуетъ онъ совершить исповѣданіе, указывается ему уповаемое, отверзается небо, изъ премірнаго жребія приникаетъ на подвигъ текущаго и Божія слава, и Тотъ Самъ, о Комъ подвижникъ свидѣтельствуемъ своими подвигами. Ибо *стояніе* Подвигоположника даетъ гадательно (Дѣян. 7, 55.) разумѣть помощь, какая подается подвижающимся; изъ чего дознаемъ, что Одинъ и

Тотъ же, и распоряжается подвигами, и съ Своими подвижниками противостоятъ сопротивнымъ. Посему, кто блаженнѣе гонимаго ради Господа, когда ему предоставлено имѣть сподвижникомъ самого Подвигоположника?

Не легкое, а можетъ быть, даже и невозможное дѣло—видимымъ въ этой жизни пріятностямъ предпочесть невидимое благо; и человѣку безъ труда рѣшиться на то, чтобы ему быть изгнаннымъ изъ своего дома, или разлученнымъ съ супругою и дѣтьми, съ братьями и родителями, съ сверстниками, и со всѣмъ пріятнымъ въ жизни, если самъ Господь не содѣйствуетъ ко благу содѣлавшагося *по предувѣднiю званнаго*. Ибо кого *предуслѣдуетъ*, какъ говорить Апостоль, того *предуставляетъ*, и призываетъ, и оправдываетъ, и прославляетъ (Рим. 8, 28—31.). Поелику душа посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ дѣлается какъ-то привязанною къ житейскимъ пріятностямъ, и посредствомъ глазъ услаждается благоцвѣтностію вещества, посредствомъ слуха получаетъ склонность къ тому, что пріятно дѣйствуетъ на слухъ, а посредствомъ обонянiя, вкуса и осязанiя пріобрѣтается расположеніе къ тому, что обыкновенно имѣетъ пріятность для каждаго изъ сихъ чувствъ; то какъ бы гвоздемъ какимъ, чувственною силою къ житейскимъ сладостямъ пригвожденная душа дѣлается неразрывно привязанною къ тому, къ чему при-

дѣлалась. и влача на себѣ все бремя жизни, подобно черепахамъ и улиткамъ, какъ бы связанная какимъ-то раковистымъ покровомъ, бывасть неповоротлива для таковыхъ движеній. Посему въ такомъ состояніи удобно уловляется гонителями, при угрозѣ описаніемъ имѣнія, или при утратѣ чего либо инаго, вождельнаго въ этой жизни, безъ сопротивленія отдаваясь во власть, и дѣлаясь подручною преслѣдующему. Но когда *живо слово*, какъ говоритъ Апостолъ, и *дѣйствительно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. 4, 12.), проникаетъ въ истинно пріѣвшаго вѣру, и разсѣкаетъ сросшееся ко вреду вмѣстѣ, и расторгаетъ связи привычки: тогда вѣрующій, какъ бы бремя какое, привязанное къ душѣ, свергнувъ съ рамень мірскія удовольствія, подобно какому-то скороходу, легко и проворно проходитъ поприще подвиговъ, пользуясь въ теченіи своемъ руководствомъ Подвигоположника. Ибо взираетъ не на то, что оставилъ, но на то, къ чему стремится; не на сладости, которыя позади, обращаетъ око, но вождельствуетъ подлежащаго ему блага; не скорбитъ отъ утратъ земнаго, но восхищается пріобрѣтеніемъ небеснаго; а посему съ готовностію пріемлетъ всякій видъ мученія, какъ поводъ и содѣйствіе къ подлежащей радости; съ готовностію пріемлетъ огонь, какъ очищеніе отъ вещества, мечъ, какъ расторженіе свя-

зей ума съ вещественнымъ и плотскимъ, при-
мышленіе всякихъ трудовъ и болѣзней, какъ
противоядіе отъ зловредной отравы удоволь-
ствіями. Какъ избыточествующіе худыми со-
ками и желчные съ охотою пьютъ горькое вра-
чевство, чтобы очистить имъ себя отъ болѣз-
нетворной причины: такъ гонимый врагомъ и
прибѣгающій къ Богу пріемлетъ прираженіе
скорбей, какъ нѣчто служащее къ угашенію
дѣйственности сластолюбія; потому что невоз-
можно чувствовать услажденія тому, кто въ
скорби. Поелику чрезъ удовольствіе вошелъ
грѣхъ, то противоположнымъ будетъ, безъ
сомнѣнія, изгнанъ. Посему тѣ, которые гонятъ
за исповѣданіе Господа, и вымышляютъ не-
стерпимыя мученія, трудностію оныхъ достав-
ляютъ душамъ нѣкоторое исцѣленіе, прираже-
ніями скорбей врачуя отъ болѣзни сластолю-
бія. Такъ пріемлютъ Павелъ (v)—крестъ, Іа-
ковъ — мечъ, Стефанъ — камни, блаженный
Петръ — прободеніе коньемъ во главу; всѣ
бывшіе послѣ подвижники вѣры—разнообраз-
ные виды мученій, звѣрей, пропасти, костры,
ощипенія отъ хлада, обнаженіе реберъ отъ
плоти, пробитіе главы гвоздями, изболеніе
очей, отсѣченіе перстовъ, вырываніе съ обѣ-
ихъ сторонъ тѣла по частямъ, томленіе голо-
домъ—все это и подобное сему, какъ очище-
ніе отъ грѣха, съ веселіемъ терпѣли святыя,

(v) По рукописи: Андрей.

чтобы и слѣда произведеннаго сластолюбіемъ, не оставалось въ сердцѣ послѣ того, какъ это болѣзненное и мучительное ощущеніе сгладить въ душѣ всѣ отпечатки сластолюбія.

Поэтому *блаженны изгнани* Меня ради. А это (можно придумать и другое основаніе) имѣетъ такое же значеніе, какъ если бы кто дозволилъ вести рѣчь здравію, и оно сказала: блаженны удаленные отъ болѣзни ради меня; потому что отчужденіе отъ печалей приуготовляетъ болѣзновавшихъ нѣкогда ими къ тому, чтобы приобрѣсть меня. Такъ будемъ внимать словамъ симъ, какъ бы сама жизнь провозглашала намъ подобное блаженство: блаженны гонимые смертію ради меня; или какъ бы свѣтъ сказалъ: блаженны изгнанные изъ тмы ради меня. Подобно, представь себѣ, что и Господь, Который есть правда, и святость, и неплѣніе, и благость, и все, о чемъ имѣешь понятіе, какъ о представляемомъ и именуемомъ наилучшимъ, скажетъ тебѣ, что блаженъ всякій удаляемый отъ всего противоположнаго тому, что о Немъ разумѣется, отъ тлѣнія, отъ тмы, отъ грѣха, отъ неправды, отъ любостыжанія, и отъ чего бы то нибыло, и на дѣлѣ, и по понятію несогласнаго съ правилами добродѣтели. Ибо стать внѣ худаго значитъ быть поставленнымъ въ добромъ. *Творити грѣхъ*, говоритъ Господь, *рабъ есть грѣха* (Іоан. 8. 34.). Поэтому отступившій отъ того, кому бытъ

рабомъ, свободенъ по достоинству. А высочайшій видъ свободы — стать самовластнымъ; царское же достоинство не имѣетъ надъ собою никакой высшей управы. Поэтому, если чуждый грѣха самовластенъ, царскому же сану свойственно самодержавіе и неподвластность; то справедливо ублажается изгоняемый зломъ, такъ какъ изгнаніе отъ зла доставляетъ ему царское достоинство.

И такъ не скорбите, братія, изгоняемые отъ земнаго. Преселяемый отсюда водворяется въ царскихъ на небѣ чертогахъ. Двѣ сіи стихіи въ твореніи существъ удѣлены для пребыванія разумнаго естества, — земля и небо; земля — мѣстопребываніе пріавшихъ жизнь при посредствѣ плоти, а небо — мѣстопребываніе безплотныхъ. Посему жизни нашей, конечно, необходимо быть гдѣ-нибудь. Если не изгнаны мы съ земли, то, безъ сомнѣнія, на землѣ пребываемъ. А если удалимся отсюда, то преселимся на небо. Видишь ли, куда возводитъ тебя ублаженіе за то, что повидному прискорбно, по служитъ для тебя причиною такъ великаго блага? Сіе разумѣвъ, Апостоль говоритъ: *всякое наказаніе въ настоящее время не мнится радостью быти, но печалью; послѣди же плодъ миренъ наученьиѣ твѣи въздаетъ правды* (Евр. 12, 11.). Поэтому скорбь есть цвѣтъ ожидаемыхъ плодовъ. Ради плодовъ пожнемъ и цвѣтъ. Пусть будемъ изгнаны, чтобы всту-

пить въ теченіе, и вступивъ въ теченіе, потечемъ не всуе; а напротивъ того теченіе наше да будетъ *къ почести вышнему званію* (Фил. 3, 14.).

Такъ потечемъ, да постигнемъ. Что же постигаемое? Какая почеть? Какой вѣнецъ? — Что ни представишь себѣ изъ уноваемаго тобою, все это, кажется мнѣ, не иное что есть, какъ Самъ Господь. Ибо самъ Онъ и подвигоположникъ подвижающихся, и вѣнецъ побѣждающихъ. Онъ раздѣляетъ жребій; Онъ же и жребій благій. Онъ—благая часть; Онъ же и даруетъ благую часть. Онъ обогащаетъ; Онъ же и богатство. Онъ указываетъ тебѣ сокровище; Онъ же и дѣлается для тебя сокровищемъ. Онъ вводитъ тебя въ вождельніе прекраснаго бисера; Онъ же и предлагается тебѣ, совершающему добрую куплю. Посему, чтобы возобладать этимъ, откажемся отъ того, чѣмъ обладаемъ (а), какъ на торжищѣ, на то, что имѣемъ, вымѣнявъ то, чего не имѣли. Если мы гонимы, не будемъ печалиться; лучше же сказать, возрадуемся, что изгнаніемъ отъ того, что дорого на землѣ, дѣлаемся гонимыми къ небесному благу, по обѣтованію Господа, что *блаженни изгнани Его ради: яко тѣмъ есть царствіе небесное*, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

(а) Переводъ дополненъ по рукописи.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

страни. строк.			
4	5	св. Божеству	Божеству
22	10	св. другияъ	другими
—		въ прим. <i>ἐπιφορέην</i>	<i>ἐπιφορέην</i> .
35	13	св. науки	науки
44	8	— смиреніе. Трудъ	смиреніе, — трудъ
49	9	св. мѣсто	мѣста
80	13	— потому сей день	потому что сей день
92	8	— и точиѣ	точиѣ
164	7	— поверхность не зани- мается	не поверхность занимается
182	11	— Словомъ снова	Слову снова
219	7	— <i>трудодающему</i>	<i>трудодающемуся</i>
223	1	св. предается	предается
232	10	— Израильтиъ	у Израильтиъ
231	14	— <i>вион</i>	<i>вийъ</i>
239	8	св. смотрящему	смотрящему уже
247	1	— слодеповой	слоновой
—	4	— и всему	и все
249	6	св. драгоцѣнѣ	драгоценнаго
260	6	— естество?	естество? Не тоже ли устройство внутренностей?
261	12	св. предложеніе	предположеніе
276	5	— преграждающая	преграждающаго
	12	— сущее отъ несущаго	сущее отъ не сущаго
278	15	то да	тогда

П

283	1 св. благить	благотѣ
298	2 — поставить	воставитѣ
299	6 — соврешный	сокращенный
301	8 св. ехидцы	ехидцы
314	10 св. членомъ	одина членомъ
333	13 — въ словѣ	въ славѣ
336	4 св. несправедъ произведетъ	несправедъ, произведетъ
342	1 св. сему	сму
353	7 св. шнѣ	доншѣ
377	15 — отрыть	открыть
424	въ прим. <i>περιπλοωτος</i>	<i>περιπλοωτος</i>
429	10 св. аккъ	какъ
430	11 — себѣ для страстныхъ	себѣ себѣство для страстныхъ
431	2 — на основаніи мн	на основаніи
434	13 — ускорять	укорять

СОДЕРЖАНІЕ

ТРИЦАТЬ ОСЬМАГО ТОМА

ТВОРЕНІЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ТВОРЕНІЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ ЕПИСКОПА НИССКАГО.

(часть II.)

	Стран.
5 О надписаніи псалмовъ.....	1
6 На псаломъ шестый.....	194
7 Точное истолкованіе Екклесіаста Соломонова...	203
8 О блаженствахъ.....	359
